ЗНАНИЕ — СИЛА 5—7/92

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

№ 5—7 (779—781)
Издается с 1926 года

Цена свободная

Индекс 70332

ВНОМЕРЕ

Сдано в набор 02.03.92
Подписано к печати 10.04.92.
Формат 70x100 1/16.
Офсетная печать.
Печ. л. 8,0.
Усл.-печ. л. 10,37.
Уч.-изд. л. 14,77.
Усл. кр.-отт. 42,0.
Тираж 20 000 экз.
Заказ № 231

Адрес редакции:
113114, Москва,
Кожевническая ул., 19,
строение 6
Тел. 235-89-35

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Ордена Трудового
Красного Знамени
Чеховский
полиграфический комбинат
Министерства печати и массовой
информации РСФСР.
142300, г. Чехов
Московской области

ISSN 0130—1640. «Знание — сила», 1992, № 5—7, 1—128

ЗНАНИЕ — СИЛА 5—7 1992

ISSN 0130—1640

„Knowledge is power“ *(F. Bacon)*

ЗНАНИЕ-СИЛА 5-7/92

Каждый шаман имеет своего духа

ЗНАНИЕ — СИЛА 5—7/92

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

№ 5—7 (779—781)
Издается с 1926 года

Главу из книги Майкла Харнера «Путь шамана» читайте на стр. 106.

Фото О. Маликова

Уважаемый читатель!

Жизнь такова, что даже и простое дело хочется начинать с мудрствований. Нет ни прошлого, ни будущего — есть лишь настоящее, в котором переслоились, перекрестились ожидания того, что может произойти, со следами уже случившегося. Мысль не новая, к ней раз за разом приходят мудрецы разных поколений, но в текущий момент невольно о ней вспоминаешь. И в самом деле. В разгаре подписная кампания, читатель уже как бы заглядывает в грядущий год.

И ему есть чего ожидать: очень высокую цену на журнал редакция намерена оправдать увеличением объема номеров, расширением круга разнообразного чтения, публикацией нового образовательного раздела для средних школ. Не исключено: финансовое положение журнала сложится так, что высокая полугодовая подписная плата позволит выпустить большее число номеров,— редакция постарается использовать эту возможность.

В то же время приходится говорить о вчерашнем, даже далеко вчерашнем дне. Весной этого года в связи с многократным увеличением цен на бумагу, производство и распространение наш журнал объявил переподписку, начиная с пятого номера. Однако службой ЦРПА такая переподписка была проведена фактически лишь с номера седьмого (да и до сих пор она принимается далеко не всеми отделениями связи). Таким образом, два номера — пятый и шестой — как бы повисли в воздухе. Поэтому мы вынуждены выпустить строенный номер — № 5—7, как это пришлось сделать и некоторым другим журналам.

Между тем отдельные, наиболее настойчивые — и самые дорогие для нас — подписчики все-таки смогли внести дополнительную плату за пятый и шестой номера. Их очень немного, и чтобы они не пострадали, мы обращаемся к ним с просьбой — вышлите, пожалуйста, в редакцию свои адреса вместе с квитанциями на подписку:
113114, Москва, Кожевническая, 19, строение 6, «Знание — сила».
Редакция постарается каким-либо образом возместить вам невольную потерю.

На пути к гражданскому обществу

Бурные события последних лет, конечно, вытеснили из памяти предперестроечный скандал с докладом академика Татьяны Ивановны Заславской. На научном семинаре у себя в Новосибирске Татьяна Ивановна говорила о социальном механизме экономической жизни. Многое тогда прозвучало революционно для наших общественных наук: и видение экономики как поля взаимодействия и сталкивания социально-экономических интересов разных социальных групп; и признание за человеком статуса субъекта экономической деятельности, а не объекта управляющих воздействий.
Какими-то неведомыми, до сих пор неведомыми, путями текст доклада, напечатанный на ротапринте под грифом «Для служебного пользования», проник на Запад, был там опубликован, наделал много шума. Он в какой-то мере реабилитировал наше идеологизированное обществоведение в глазах мира. Но на Старой площади отнеслись к делу иначе. Институт наводнили подозрительно подтянутые люди в штатском, прослеживая путь каждого ротапринтного экземпляра. Татьяна Ивановна ждала очень больших неприятностей, но дело обошлось выговором обкома КПСС.
В СССР доклад в сокращенном виде был опубликован только в нашем журнале в 1985 году. По сути это была методология будущего исследования структуры советского общества. Потом Татьяна Ивановна возглавила Всесоюзный центр по изучению общественного мнения, исследование же было отложено на неопределенное время. Но из головы такую тему не выкинешь, тем более что материалы опросов давали все новую информацию об обществе.
Мы продолжаем этот давно начатый разговор...

Т. Заславская

Вверх по эскалатору, идущему вниз

— *Жаль, что само исследование так и не состоялось. Уже общество другое, а мы толком не знаем и того, каким оно было.*

— Конечно, жаль. Но какое-то общее представление об этом все-таки есть. Быть может, не результат эмпирических данных, а скорей теоретическая модель. Все-таки, два класса и прослойка.

— *Как, опять?! Рабочие — крестьяне — интеллигенция? Знаменитая сталинская формула.*

— Нет, не она. Классы и прослойка другие. Один класс — номенклатура — верхи партийного и государственного аппарата, генералитет армии, КГБ и МВД, директора крупнейших предприятий. В массовом представлении — «начальство». Оно фактически распоряжалось общественной собственностью, располагало огромными привилегиями и льготами в потреблении, концентрировало в своих руках всю экономическую, политическую и военную власть. Сюда я отнесла бы и творческую элиту, и «акул» теневой экономики.

Другой класс — наемные работники. Подавляющее большинство народа, те, кого называли «трудящимися». По отношению к собственности все они были практически равны: никакого отношения к ней не имели. В этом смысле и рабочие, и колхозники, и интеллигенты могут быть зачислены в один класс. Конечно, между группами наемных работников есть некоторая разница и в квалификации, и в возможностях использовать — не распоряжаться, а именно использовать для себя — средства производства и распределительный механизм. Кто-то, работая на дорогом современном оборудовании, на своем месте, незаменим, а от кого-то почти ничего не зависит. Кто-то может подработать «налево», а кто-то — нет. Кто-то может украсть, а кому-то и красть нечего — такая работа.

— *А прослойка?*

— С моей точки зрения, ее образуют выходцы из нижнего класса, которые своим физическим или умственным трудом обслуживают номенклатуру. К средствам производства у них отношение такое же, как и у всех наемных работников, но льгот и привилегий настолько

больше, что это обеспечивает совершенно иной уровень и образ жизни. Да и крупицы власти им перепадают.

— *Вы мне напомнили одно письмо, которое когда-то прислал в редакцию рабочий как отклик на ту статью с изложением доклада. «Что там социологи себе и нам голову морочат? — писал он.— Есть только два класса — Мы и Они. Они — это начальники. И они — всегда против нас». Однако это довольно грубая схема. Сколько наберется той высшей номенклатуры? Какой процент населения страны?*

— Считается, что в большинстве стран высший слой составляет примерно один процент населения. Если же включить в класс номенклатуры еще и ее среднюю часть, то наберется, возможно, три, может быть, пять процентов.

— *Вот именно. А остальные 95 процентов населения, получается,— однородная, неструктурированная масса? В любой стране Запада под этим одним процентом выстраивается длинная иерархическая лестница социальных слоев. А у нас что — блин с шапочкой?*

— До некоторой степени. Дело в том, что любое тоталитарное общество тяготеет к «сплющенной» структуре, а наше в этом отношении достигло особых успехов. Что лежит в основе социально-экономической стратификации западного общества? Собственность и доходы. Вариантов отношений собственности великое множество; у нас же пока представлен один. У нас не было — да и до сих пор практически нет — станового хребта, на котором держится социально-экономическая структура нормального западного общества.

Эта уродливая «плоская» структура воспроизводилась с помощью нескольких механизмов: номенклатурной кадровой политики, распределения льгот и привилегий; постепенного замыкания страт — все труднее становилось проникнуть из нижней в верхнюю, все больше мест наверху занимали дети и внуки правителей; тщательной охраны секретов о их жизни, доходах, злоупотреблениях. Структура казалась прочной еще и оттого, что после войны уровень жизни большинства медленно, но все же рос, и оттого, что реальная дифференциация общества скрывалась. Ну и мессианская идеология, и репрессии...

До революции в России сосуществовали две параллельные структуры общества — феодально-бюрократическая (аристократия — чиновничество — народ) и буржуазная, более открытая, основанная на собственности. Революция эту, вторую, структуру смела, а первую по сути воссоздала, только в новом, извращенном виде.

— *И все-таки, мне кажется, не столь уж однородно наше общество. Например, многие наши политики апеллируют к «среднему классу». У нас есть средний класс, как на Западе?*

— В классическом понимании, конечно, нет. В западной социологии к нему относят прежде всего мелких собственников. В ленинской терминологии — «мелкобуржуазный элемент».

Но в принципе можно говорить о «верхнем нижнем» социальном слое как о замещающем в нашей структуре место среднего класса. Это научно-техническая и гуманитарная интеллигенция, квалифицированные рабочие и колхозники, офицеры армии, МВД и КГБ, руководители среднего звена — специалисты в партийном и государственном аппарате, хозяйственники «среднего уровня», значительная часть студенчества. У них нет основного признака среднего слоя — собственности, но остается еще один, тоже классический, признак — квалификация, относительная цивилизованность.

— *Значит, есть еще и «нижний нижний» слой. Кто же находится в самом низу?*

— Рабочие и колхозники средней и низшей квалификации, а также малообеспеченные и социально самые незащищенные группы: пенсионеры, одинокие матери, члены многодетных семей, инвалиды, часть студенчества.

Только они не в самом низу. Еще ниже находится социальное «дно»: профессиональные преступники, наркоманы, проститутки, сутенеры, бомжи, алкоголики, лица без определенных занятий, готовые на любое сомнительное дельце.

Они есть в любой стране. Некоторые западные страны даже называют себя «обществом двух третей». Две трети здоровые, а нижняя треть, как они считают, состоит из людей совершенно люмпенизированных. В Италии их действительно около трети, в Англии поменьше — процентов двадцать. Но их доля растет. Это большая проблема. А сколько их у нас? Никто толком не знает.

«Дно» — особое, параллельное общество. Остальные слои как-то взаимосвязаны, они обмениваются услугами: одни руководят, другие что-то производят; возможна мобильность между слоями. У них могут быть сложные отношения, но все же вместе они образуют социальное целое — нормальное общество. «Дно» же выпадает из социального взаимодействия; оно существует по собственным законам и знает лишь один тип отношений со здоровой частью общества — антагонистический. Достигнув некоторого развития, «дно» начинает воспроизводиться на собственной основе, передавая свои законы и свою «науку» из поколения в поколение. С этой минуты оно как бы «замкнулось» и окончательно оторвалось от остального общества. Дорога туда открыта представителям любых слоев, но обратно, как правило, дороги нет.

— *А у вас, в исследованиях, туда дорога есть? Вы обнаруживаете этот слой в ответах на свои анкеты?*

— Нет, мы можем только предполагать, что в таких-то ответах проявляет себя люмпенизированное мышление. Никаких объективных данных для вычленения этого слоя у нас в опросах, конечно, нет и быть не может. Ну как вы себе это представляете? Герой айтматовской «Плахи», попади он в случайную выборку, скажет о себе: я — учащийся ПТУ. Он же не заявит, что занимается наркобизнесом. А если это люди без всякой работы, без формального статуса, без жилья,— как мы вообще можем на них выйти?

Кроме того, и сами наши анкеты часто не приспособлены к таким задачам, посвященным конкретным вопросам. Вообразите, как какая-нибудь Сонька Золотая Ручка объясняет нашему интервьюеру, как она относится к социализму. Или алкоголик, бомж отвечает, как он относится к индексации доходов.

Так что эта часть общества для нас отрезана. Но еще интереснее, что мы не можем добраться и до того самого верхнего одного процента. Сверху наша выборка тоже обрезана.

Как-то во время встречи с руководителями региональных отделений ВЦИОМа я спросила: попадала ли у них в случайную выборку «крупная рыба»? Оказывается, хоть редко, но попадала, но, к сожалению, всегда с одним результатом. Один большой начальник спустил интервьюера с лестницы, громко спустил, с матом. Другой бросился звонить в КГБ: «Как недосмотрели?! Что происходит?!» Третий анкету разорвал. Хоть бы один вел себя цивилизованно. Здесь, безусловно, проявило себя особое групповое сознание, ощущение своего величия, во всяком случае, неординарности. Этим людям просто в голову не приходит, что они могут попасть в случайную выборку. За этим видится какая-то далеко идущая интрига. В конце концов, любой имеет право отказаться отвечать на анкету, но не с таким же возмущением и гневом.

Злые языки утверждают, что это — свидетельство их некомпетентности: без помощников и референтов начальники порой не могут ответить на самые простые вопросы. Я думаю, тут может быть и резкая реакция на любую попытку войти в их замкнутый мир, что-то в нем высветить. Они относятся к любой такой попытке как к диверсии.

Так что в опросах общественного мнения нам доступны все слои, кроме самого верхнего и самого нижнего.

— *Простите, так какие же «все»? Прослойка и «нижний» класс? Вы прежде говорили о множестве социальных групп; их взаимодействие, столкновение их интересов и составляют как бы ткань социальной и экономической жизни общества. Где же все эти группы, куда подевались?*

— Но ведь мы до сих пор говорили не о группах, а только о классах. А деление на классы всегда бывает довольно грубым и совсем недостаточным для описания социально-экономической структуры. По-настоящему она у нас еще не описана, хотя в этой области есть немало очень интересных исследований. Принадлежность к одному классу вовсе не значит, что интересы у всех одинаковые. Исследование, проведенное на Дальнем Востоке Е. Антоновой,— вы о нем писали — показало, что больше всего стремятся к заработку мужчины в расцвете сил, примерно между двадцатью пятью и пятьюдесятью, и женщины в последнее десятилетие перед пенсией. Интересно, да? Значит, демографические характеристики важны для экономического поведения.

Потом — отрасль. Рабочие нашей нищей легкой промышленности, рабочие привилегированной «оборонки», столичные таксисты — это же все представители разных социальных групп. И интересы у них разные, и настроения, и тревоги. Или размер предприятия: рабочие крохотной спичечной фабрики где-то в райцентре или рабочие Кировского завода в Петербурге, служившие «моделью» пролетариата. Кстати, интересно было бы выяснить, сохранился ли у нас вообще пролетариат в «чистом виде», как он был описан классиками марксизма в прошлом веке? И если сохранился, то где — на громадных предприятиях в крупных городах или на мелких, разбросанных по всей стране фабричках и заводиках? И еще: рабочий — везде рабочий, и на государственном предприятии, и на частном, и в кооперативе. Но экономическое поведение и социально-экономические интересы у людей, работающих на

предприятиях разного типа, явно разные. У нас уже есть возможность в этом убедиться — известно, что интенсивность труда в кооперативах, как правило, намного выше, заинтересованность в результатах труда тоже.

В книге о социологии экономической жизни мы с доктором экономических наук Р. Рывкиной выдвинули и обосновали те характеристики, которые, на наш взгляд, наиболее важны для выделения и изучения социально-экономических групп. На пересечении этих переменных мы их и найдем.

Картину связанных с экономической и политической реформами социальных сдвигов, которые уже начались и дальше будут происходить на наших глазах, можно представить через перемены в положении этих групп. Взять как точку отсчета их положение в исходной социальной структуре и прослеживать направление и динамику перемен.

— *И что мы увидим?*

— Увидим, к примеру, группы, положение которых и раньше не было благоприятным, и дальше вряд ли улучшится. Причем разрыв между ними и другими группами, их отставание от остальной части общества, будет расти. Это неквалифицированные рабочие, малооплачиваемые служащие, пенсионеры, безработные, инвалиды.

Положение некоторых других групп в прежней структуре тоже было неблагоприятным, но у них есть основания рассчитывать его улучшить. Это специалисты социально-гуманитарного профиля, духовенство.

Может улучшиться и положение некоторых групп, ранее весьма «средних» в экономическом смысле: квалифицированных рабочих и крестьян, специалистов научно-технического профиля, начинающих кооператоров, арендаторов и так далее.

Из тех, кто раньше занимал привилегированное положение, многие небезосновательно рассчитывают его сохранить: политические лидеры, носители государственной власти, большие чины армии, МВД, КГБ, крупные хозяйственные руководители, специалисты международного профиля, высшая творческая интеллигенция. Номенклатура ведь тоже быстро расслаивается. Статус этой группы уже существенно изменился: она потеряла монополию на власть и, следовательно, стабильность своего положения; появился какой-то контроль над ее расходами и доходами, что с национализацией партийных богатств, с резким сокращением военного бюджета ее доходы, конечно, уменьшит. Но одновременно идет «тихая» номенклатурная приватизация государственного имущества. Не рассчитывая больше пользоваться государственным как своим, они просто превращают государственное в свое. Те, кто помоложе, квалифицированнее, активнее, если не вошли в новые структуры власти, то имеют полную возможность и надеются проявить себя в структурах коммерческих. У этой части номенклатуры настроение деловое.

Но есть группы из бывших привилегированных, что только теряют, — часть старого партийного и государственного аппарата, часть кадровых военных, работники многих творческих и научных организаций, которые могут существовать только при условии бюджетного финансирования, а в условиях рынка окажутся совершенно неконкурентоспособны; огромная часть работников торговли и бытового обслуживания: они умеют жить только в условиях государственной монополии на такого рода деятельность и всеобщего дефицита и не вынесут даже тени конкуренции.

Особая неуверенность в будущем и разложение царят в «прослойке» тех, кто обслуживал номенклатуру. Остались не у дел партийные идеологи, сокращение аппарата идет прежде всего за счет неквалифицированных кадров, передается государству и переводится на общие основания раскинутая по всей стране сеть закрытых и полузакрытых санаториев, магазинов, гостиниц и так далее, и так далее. В этой группе, по-моему, максимальная озлобленность на реформаторов.

— *Можете вы сказать, что социально-экономическая структура общества уже изменилась?*

— Только в какой-то мере. Она не меняется от разговоров о глубоких реформах.

— *Мобильность между группами возрастает? Легко теперь пробиться «наверх»?*

— Улучшить свое экономическое положение? Мобильность, конечно, растет, но в основном вниз. А с резким сокращением производства и неизбежным переструктурированием экономики такое падение примет прямо обвальный характер. А вверх? Легко ли двигаться вверх по эскалатору, который движется вниз? Наши опросы показывают, что подавляющее большинство людей прогнозируют ухудшение жизни своих семей. Но есть небольшая группа, которой удается двигаться вверх: примерно 7 процентов населения.

И все-таки возможности улучшить свое положение возросли — появились новые «пути наверх». Раньше в основном двигались по одному-единственному каналу, проходя через множество фильтров одной-единственной партии. Не будем говорить о специфике творчества, но даже талантливые математики, балерины, художники на каком-то этапе должны были демонстрировать свою лояльность монополисту власти. Теперь перед активным, способным и честолюбивым человеком открыто как минимум две возможности для продвижения, повышения статуса и благосостояния: политика и предпринимательство. Причем теперь обе эти сферы намного шире, чем прежде.

— *Ваш ВЦИОМ систематически проводит разные массовые опросы — разве в них не проявляется социально-экономическая структура общества? Даже неспециалисту видно, как группируются ответы, как из опроса в опрос определенные категории людей отвечают вполне определенным образом.*

— Но здесь вы говорите скорей о другой структуре — о социально-политической, а не о социально-экономической. Это разные вещи.

— *А что вы называете социально-политической структурой общества?*

— В нетоталитарных странах она более всего проявляется в деятельности и соперничестве политических партий и движений: можно изучать, какие социальные группы и слои поддерживают ту или иную партию и почему, что именно в их политических программах вызывает живой отклик каких именно групп и так далее. У нас же настоящая политическая жизнь только начинается. Пока ни одна партия не может претендовать на широкую, массовую поддержку.

Тем не менее социально-политическая структура у нас уже есть, по крайней мере, политическая структура общественного сознания. А мы именно его и изучаем — общественное мнение есть «верхний», мобильный слой этого сознания.

Группы постепенно кристаллизуются вокруг определенных политических позиций. Постепенно. Долгое время преобладали ответы, в которых смешивались разные, порой противоположные позиции — кусочек из одной, кусочек из другой. При всей политизации общественного мнения его пока трудно назвать политически зрелым, а порой и просто политически грамотным. Да и сама степень политизации, боюсь, несколько преувеличена: многие равнодушны к политике, сохраняют привычное недоверие к любым властям, не видят прямой связи между политической борьбой демократов с консерваторами или демократов разного толка между собой — и своей жизнью, и своим будущим.

Тем не менее уже ясно обнаруживаются в наших материалах группы, весьма последовательно отстаивающие вполне определенную точку зрения. Конечно, прежде всего предприниматели нового типа — кооператоры, работники совместных предприятий, биржевики. Это самая однородная в своих политических пристрастиях группа: в 70—80 процентах дает согласованные мнения, с большим отрывом в единстве от всех остальных. Это очень последовательные и радикальные демократы.

А вот, скажем, служащие низкой квалификации — публика весьма разнородная. Если речь идет, например, о секретаре-машинистке или сотруднице машбюро, обязательно надо посмотреть, чья она жена или дочь, — чаще всего ее политические взгляды формируются в семье. Но если она работает в кооперативе или в совместном предприятии, можете семьей не интересоваться. Чья бы она ни была жена или дочь, она будет придерживаться позиции своей, предпринимательской группы. Очевидно, это очень мощный фактор.

Единым фронтом чаще всего выступают кадровые военные среднего уровня.

— *Тяготеют к аппаратчикам, бюрократам среднего уровня?*

— Как бы не так! Я тоже так предполагала и первый раз даже глазам не поверила. Представьте себе, из опроса в опрос — последовательные демократы.

Чаще всего можно предугадать мнение учащихся, особенно студентов. С противоположным политическим знаком, однако весьма дружно выступают пенсионеры. Хотя среди них немало и самых радикальных борцов за реформы.

— *А как с интеллигенцией?*

— Ну, тут полный разброд во мнениях. Ведь из интеллигенции выходят идеологи всех и всяческих политических течений. И именно для интеллигенции играет огромную роль степень насыщенности информационной среды, ее окружающей. Я думаю, прежде всего с этим связана прямая зависимость политических пристрастий от места проживания. Разница не просто статистически значима, она огромна. Москва и Петербург — наивысшая приверженность к демократии. Крупные города уже дают несколько меньше демократов. Средние и мелкие — еще меньше. Село же — самое консервативное. Например, когда мы определяли долю сторонников Ельцина, распределение получилось примерно такое: Петер-

бург — 75 процентов, крупные города — 60, мелкие и средние — 50, село — 30 процентов. Аналогичную картину дал опрос об отношении к частной собственности. Хотя у нас телевидение — в любой деревне, а все-таки Пушкинскую площадь с ее нескончаемыми дискуссиями, наверное, ничем не заменишь.

Социально-политическая структура кристаллизуется прямо на глазах. Я вот называла вам группы, которые ведут себя в наших опросах наиболее последовательно,— их число постепенно растет. И все меньше людей «затрудняются с ответом». Есть у нас такая графа. Раньше в нее попадало порой до половины опрошенных. Теперь — много меньше.

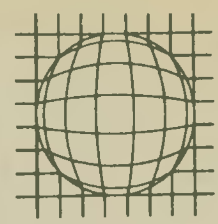
Исследование и социально-экономической, и социально-политической структуры нашего общества сейчас особенно важно. Становящиеся на ноги партии могли бы, опираясь на его результаты, быстрее нащупать свой «электорат», свою социальную базу и точнее формулировать программы, с большим основанием рассчитывая на поддержку. Государственные деятели, проводящие экономическую реформу, тоже смогли бы точнее представлять себе, на кого они могут опереться, кого и каким образом легче нейтрализовать, какой их шаг вызовет неминуемое сопротивление каких именно социальных групп. Тут многое совсем не очевидно, исследование преподнесет нам не один сюрприз.

Мы — в самом начале пути к нормальному гражданскому обществу, в котором апелляция к народу в целом годится только при решении глобальных национальных проблем: войны и мира, государственной независимости и так далее. Повседневную же ткань социальной, политической, экономической жизни составляет взаимодействие и столкновение интересов социальных групп — об этом я говорила в том, доперестроечном, докладе, так думаю и сейчас. Эти группы обретут наконец экономическую определенность. Одни — как мелкие собственники, другие — как крупные, третьи — как наемные работники разного статуса и квалификации. Обретут политическое лицо, защищая свои социально-экономические, национальные, культурные интересы через разные партии.

Вот тогда и начнется у нас нормальная общественная жизнь. Она уже начинается. И эта уникальная ситуация — благодатнейшее поле для исследований. ●

Беседу вела И. ПРУСС

ВО ВСЕМ МИРЕ

«Смотри, игрушка!»

У игрушки здесь иная роль. Американские ученые Научно-исследовательского института глаза в Сан-Франциско проверяют реакцию этой семинедельной девочки на зрительные раздражители, вспыхивающие на дисплее. А чтобы привлечь внимание ребенка к экрану, ученый использует игрушку. Реакция мозга на фон позади игрушки регистрируется специальной аппаратурой.

Вдоль «железного занавеса»

Сорок европейских природоохранных организаций призывают свои правительства взять под защиту огромные пространства «ничейных» земель вдоль бывшего «железного занавеса» и создать на них специальные пограничные парки. В течение четырех десятилетий «холодной войны» эти зоны оставались фактически нетронутыми. Там в естественных условиях процветало множество растений и животных, которые уже почти не сохранились в Европе. По мнению Джимя Торселла, сотрудника Международного союза охраны природы и природных ресурсов, эти полосы земли, обладающие наибольшей экологической ценностью, включают Родопы и долину реки Дунай.

Судебные стрессы

Судебные заседания, на которых рассматриваются тяжкие преступления, трудно вынести не только подсудимым, но и судебным заседателям. Американские исследователи из Медицинского центра в Цинциннати обследовали сорок судебных заседателей после того, как они присутствовали хотя бы на четырех криминальных процессах. Обнаружено, что у двух третей из них наблюдаются явные психические и телесные заболевания, начиная от нервных расстройств и депрессий и кончая аллергией и язвой желудка. Причем интенсивность заболевания, как выяснилось, зависит от нескольких факторов: от продолжительности и характера свидетельских показаний, от отношения к ним публики и тому подобного. Наиболее разрушительны для здоровья судебных заседателей дела, в которых рассматриваются зверские убийства, приводящие к смертному приговору. Причина — опасение сделать судебную ошибку. Остроту ситуации усугубляется тем, что заседатели изолированы от своих близких именно тогда, когда особенно нуждаются в моральной поддержке.

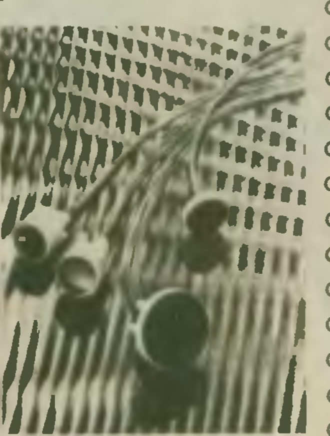
По мнению профессора Стенли Каплана, после тяжких судебных процессов заседатели должны пройти осмотр и при необходимости — курс лечения.

Экологический поезд

По Италии курсирует так называемый экологический поезд. Находящиеся в нем ученые измеряют уровень шума и степень загрязненности воздуха в различных районах Апеннинского полуострова. В шести вагонах размещены измерительные приборы и нормативная документация по охране окружающей среды. По сообщениям итальянской Лиги охраны среды, Рим, Милан и Турин — города, наиболее загрязненные выхлопами автомобилей и отходами промышленного производства. Примерно два миллиона итальянцев пьют воду, содержащую недопустимо большое количество ядовитых веществ. Больше всего в ней гербицидов, используемых в сельском хозяйстве. Эти печальные открытия сотрудников экологического поезда регулярно передаются по итальянскому телевидению.

Чудо поликерамики

Французская фирма «Имасоник» создала новый материал с пьезоэлектрическими

свойствами — речь идет о сочетании полимера с керамикой. Новый продукт позволяет преодолеть многие недостатки традиционных керамических материалов и создавать ультразвуковые преобразователи высокого качества, которые работают с частотами от 0,3 до 12 мегагерц.

Преобразователи имеют значительные преимущества. Они обладают высокой чувствительностью, очень хорошей акустической изоляцией между отдельными элементами, слабым отражением акустических волн и хорошим электроакустическим сочетанием между элементами.

Преобразователи найдут применение всюду, где требуется высокий уровень изображения. Фирма «Имасоник», например, разработала серию медицинских аппаратов для диагностики и терапии. Та же технология использована и при создании приборов, проводящих неразрушающий контроль в промышленности. Она могла бы послужить основой многих новых типов преобразователей для работы при высоких температурах, при высоком напряжении и т. д.

Назад, к плоским приводным ремням!

Наверняка этот заголовок вызовет удивление у многих читателей, в памяти которых понятие «плоский приводной ремень» связано с громоздкими трансмиссиями старинных станков на заре промышленной революции. Их можно видеть на рисунках и фотографиях тех лет. Устаревший из-за ряда серьезных недостатков и замененный системой шестерен или трапециевидными ремнями, в наши дни старый знакомец — плоский приводной ремень — с триумфом возвращается и восстанавливает свои некогда утерянные позиции в разных областях техники. Многие фирмы в развитых странах быстро отреагировали на эту забытую новинку и успешно внедряют ее.

Плоские ремни нового поколения — это прежде всего новые материалы, использованные для их создания. Они обладают высокой степенью сцепления с поверхностью, имеют большую износоустойчивость, выполнены трехслойными, поэтому практически не растягиваются и отпадает нужда в их регулировке и натяжке. С их помощью можно передавать мощности свыше пятисот киловатт. Минимальное сопротивление на изгиб в сечении плоского приводного ремня и ничтожный коэффициент трения позволяют экономить при их применении от восьми до шестнадцати процентов электроэнергии, причем эта экономия возрастает с увеличением передаваемой мощности.

Пионером в производстве плоских приводных ремней стала швейцарская фирма «Хабасит», основанная в 1946 году Фернандом Хабигером в Базеле. Она выпускает более 1200 разновидностей плоских приводных ремней.

Б. Родоман, доктор географических наук

Похороненная утопия или оправдавшийся прогноз?

Человек и природа должны мирно соседствовать в культурном ландшафте. Должны. Но будут ли?

Я боюсь бродить по лесу в одиночестве. Боюсь не бандитов, а собственных мыслей. Голова на свежем воздухе работает слишком хорошо. К концу прогулки рождается замысел статьи или книги, а значит — новое бремя на всю оставшуюся жизнь.

Так оно и случилось однажды — на лыжном солнцепеке в феврале 1970 года. Роившиеся в мозгу осколки внезапно соединились в красивую мозаику. Нарисованная цветными карандашами и тушью, моя «поляризованная биосфера» явно просилась на обложку научно-популярного журнала, но попала в него лишь как отрывок из статьи А. Д. Арманда*. Сегодня «апробированная» в научных статьях и докладах, упомянутая во многих монографиях старая картина возвращается в «Знание — сила», для которого и была написана, но в новой раме, для переоценки «в свете современных задач».

Два полюса биосферы

Начнем с простейших постулатов и первоочередных следствий. Человек как биологический вид не может жить на Земле без своих меньших братьев — животных и растений, а они не уцелеют без естественной для них среды обитания. Охранять природу — значит, прежде всего, сохранять природные ландшафты, в том числе и совсем безлюдные, ибо многие организмы не выносят контакта с людьми и продуктами их деятельности.

В то же время жители больших городов и многоэтажных домов должны время от времени погружаться в природную среду, подражая своим первобытным и деревенским предкам, чтобы компенсировать односторонность повседневного образа жизни. Эта так называемая рекреация включает любительский сельскохозяйственный труд, многие виды спорта и туризма, прогулки, пикники и т. п.

Рекреация, конечно, влияет на природу. И влияет двояко. С одной стороны, занимая землю парками, дачами, пляжами, охотничьими угодьями, люди предотвращают их захват заводами и фабриками, складами и свалками, дают убежище известной части флоры и фауны. С другой стороны, благоустраивая места отдыха, наполняя их асфальтом и бетоном, кирпичными стенами и гаражами, мы тянем за собой город, из которого убежали на досуге, и уничтожаем ту самую природу, среди которой хотим жить с комфортом.

Проект поляризованного ландшафта призван смягчить эти противоречия. В проекте принимается допущение, что большой город и дикая природа — противоположные и равноценные виды окружающей среды. Оба они необходимы людям в одинаковой степени и притягивают их как два разных магнита.

Чтобы растущий город не мешал природному ландшафту, раздвинем полюсы биосферы как можно дальше, а между ними разместим все прочие земли так, чтобы они служили прокладкой, уменьшали трение между цивилизацией и природой. Вообразим некоторую линию длиной от нескольких десятков до двухтрех сотен километров. На одном конце ее пусть будут безлюдные дебри, а на другом — многоэтажный центр большого города. Остальные места сделаем во всех отношениях промежуточными и по плотности населения, и по степени изменения природной среды. Получим ряд функциональных зон.

Первая из них — природный заповедник, доступный ученым и студентам для исследований и учебы, а широкой публике — только для кратковременных экскурсий. Никто не разводит костров в залах Эрмитажа, не укладывается спать на мраморной лестнице Зимнего дворца. Так же и в музее природы — его посетители передвигаются по тропинкам, иногда огороженным, а то и по мостикам, чтобы не повредить, например, нежные дюны или болота; наблюдают с видовых площадок и вышек. Вмешательство ружья и топора в жизнь заповедника допустимо не ради промысла, а для лечения естественного природного комплекса. Мы окрасим заповедную зону на карте в сине-зеленый цвет — так выглядит издали тайга, тонущая в дымке.

Вторая зона — это обширные загородные парки для отдыха и туризма на равнинах и в горах, перемежающиеся с лесоразработками, естественными сенокосами и пастбищами. В этой зоне разрешается купаться, собирать грибы и ягоды, ловить рыбу и охотиться; можно ночевать и жить подолгу кое-где в многоэтажных гостиницах со всеми городскими удобствами, а вдали от них — в дачных домиках и палаточных лагерях. Леса и луга здесь надо периодически очищать от мусора, поддерживать посадками устойчивых растений, которые приспособились к умеренному напору людей, как степные травы к копытам антилоп. Эту зону мы окрасим в травянисто-зеленый цвет.

Третья зона — чисто сельскохозяйственная, точнее, агропромышленная, район земледелия и животноводства средней и высокой интенсивности, вовсю использующего машины и удобрения, с капитальными постройками и густой сетью хороших дорог, с переработкой сельскохозяйственной продукции, получает, как это принято на экономических картах, желтый цвет спелой нивы.

Четвертую зону, селитебную, образуют постоянные жилища людей в городах и прочих поселениях городского типа вперемежку с промышленными предприятиями, не загрязняющими свое окружение. Остальные заводы и фабрики сосредоточатся внутри зоны, в обособленных секторах, удаленных от жилья. Эту зону мы окрасим в оранжевый цвет, напоминающий об огне, кирпиче, железе, о мощных источниках тепла.

Пятую и последнюю зону составят места общественного обслуживания в широком смысле слова — «городской форум», объединяющий торговлю, бытовые услуги, зрелища, а отчасти учебные, медицинские и спортивные заведения. Расчеты градостроителей, толпы торговцев у станций метро и развешанные там объявления показывают, что универсальные общественные центры должны располагаться в транспортных узлах: люди сэкономят уйму времени. Чтобы лучше выделить пятую зону, небольшую по площади, но очень важную, дадим ей красный цвет.

---

* А. Арманд. География: три парадокса нынешнего дня. «Знание — сила», 1973 год, № 10.

Функциональные зоны поляризованного ландшафта.

Из закономерного ряда зон составляется своего рода спектр. Мы наделили зоны разными красками в том же порядке, что и в радуге, за исключением голубого цвета, который оставим для водоемов.

Урбанизация в России, ускоренная насильственным разорением деревни, выкачала немало жителей из сельских районов, привела к исчезновению многих сел. Но этим можно воспользоваться, чтобы вдали от городов восстанавливать природный ландшафт и создавать условия для отпускного и каникулярного отдыха взрослых и детей, для летнего проживания и труда пенсионеров, что и осуществляется у нас стихийно и вопреки сопротивлению властей. Живописные мелкие деревни и хутора, пришедшие в упадок, было бы непрактично сносить и распахивать. Их лучше превращать в дачные поселки и туристские базы, вместо того чтобы раздавать садовые участки на лесных полянах, болотах и в поймах.

Товарное сельское хозяйство должно не равномерно размещаться по всем пригодным для него землям, а собираться вблизи городов; в нечерноземных частях нашей страны оно и сегодня рентабельно только в пригородах. Будущие фермы в медвежьих углах при рыночной экономике не выдержат конкуренции с крупными пригородными хозяйствами и потребуют государственных дотаций, как и прежние упадочные колхозы. Затраты на возрождение периферийной деревни оправданы, если на первые места поставить рекреацию и экологию. Побочным, но важным результатом станет экологически чистая сельскохозяйственная продукция сезонных фермеров — дачников.

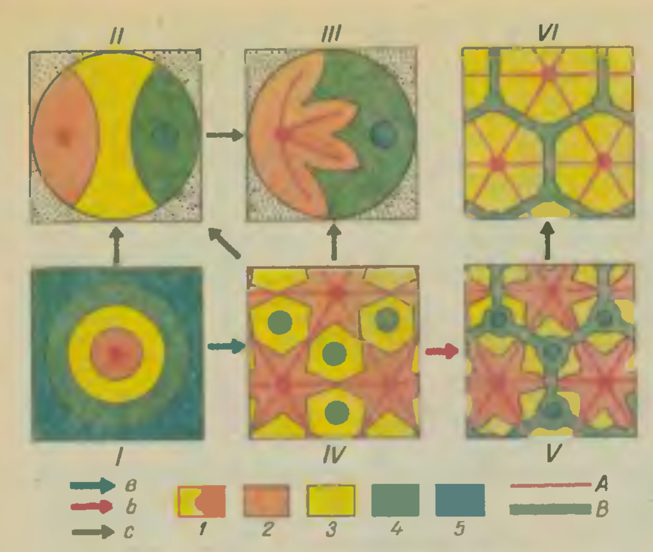
Границы функциональных зон не предполагаются неизменными: у городского полюса они будут подвижнее, а возле заповедников устойчивее. Соотношение площадей зон во многом зависит от продуктивности сельского хозяйства: чем выше станут урожаи, тем скорее сельскохозяйственная зона уступит часть своей территории растущему городу и загородным паркам.

Переплетающиеся сети

Мы установили порядок расположения функциональных зон поляризованного ландшафта. Посмотрим теперь, от чего зависят их геометрические формы.

Для сохранения природы лучше, когда застроенные участки и возделанные поля располагаются в окружении лесов и лугов. Но урбанизация приводит к обратной картине: жалкими островками становятся леса и парки. Города и поселки, разрастаясь лучами вдоль дорог, разбивают территорию на клеточки, слишком тесные для размещения всех необходимых органов естественного ландшафта и обитания в нем достаточно многочисленных популяций диких животных. Пока не поздно, надо не только заповедать уцелевшие уголки природы, но и связать их широкими «зелеными коридорами» в единый массив, охватывающий всю сушу. Для этого можно использовать сохранившиеся просветы в застройке, полезащитные лесные полосы, озелененные пустыри, берега озер, поймы рек, овраги, болота, горные хребты. Пересекающие их дороги будут огорожены или пройдут без остановочных пунктов в тоннелях и по эстакадам, в выемках и по насыпям.

После соединения природных угодий в сплошной массив в поляризованном ландшафте пересекутся две основные транспортные системы: дороги для спешащих людей и грузов с общественными центрами в узлах и пути диких животных, сходящиеся к заповедникам. На этот каркас, как мясо на скелет, наращиваются функциональные зоны, и в них встраивается третья сеть, добавочная, предназначенная для отдыха и туризма. Из городов вдоль по осям зеленых клиньев, начинающихся в городских парках, связав все поселения между собой и с местами загородного отдыха, огибая заповедники и касаясь их в немногих точках, протянутся туристские автодороги и тропы для дальних путешествий, оборудованные согласно требованиям ландшафтной архитектуры. Поперек клиньев пройдут тропинки для прогулок и походов выходного дня — чем дальше от центра города, тем длиннее маршрут. Кольцевые отрезки туристских путей расположатся по краям зеленых коридоров, ставших узкими зонами рассредоточенного отдыха. Осевые части этих коридоров получат режим, более близкий к заповедному.

Экологическая поляризация территории:

a — объективный процесс, b — желательное направление реконструкции, c — мысленные преобразования модели, иллюстрирующие развитие идеи.

1 — центры поселений и транспортные узлы;
2 — прочая селитебная территория;
3 — сельскохозяйственные земли;
4 — эксплуатируемый природный ландшафт;
5 — неэксплуатируемый ландшафт;

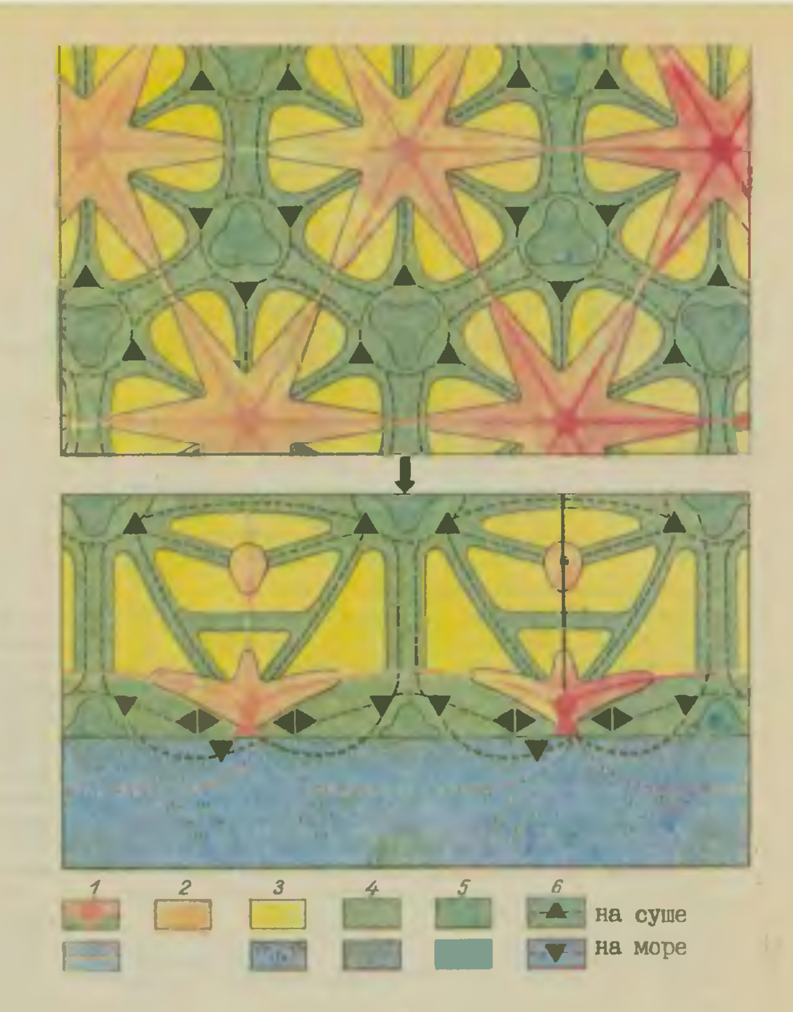
пути сообщения:
A — созданные людьми,
B — природные.

I. В эпоху очагового земледелия вокруг отдельного поселения простиралось целое море почти девственной природы.
II. На маленькой планете величиной с астероид можно разместить город и природный ландшафт как полюсы в центрах разных полушарий.
III. Но пусть городские кварталы и загородные ландшафты взаимно вклиниваются — от этого увеличится соприкосновение жилой застройки с природой, городские клинья вытянутся вдоль дорог.
IV. Сегодня растущие города сливаются и превращают природный ландшафт в жалкие островки.
V. Прорвем блокаду: заповедаем уцелевшие природные ландшафты и соединим их коридорами парков.
VI. Так в принципе должны пересекаться две транспортные сети — человеческая и природная.

В таком поляризованном ландшафте будут сосуществовать три обособленных сетевых пространства, связанных некоторыми общими узлами, три мира, в каждом из которых действуют до известной степени свои законы. Первый мир подчиняется принципу экономии энергии и времени. Второй — это дикая и полудикая природа. Третий мир — пространство для рекреации, то есть отдыха и туризма в окружении природы. Принцип экономии ресурсов здесь осуществляется не полностью: люди добровольно переносят некоторые физические трудности и жертвуют временем для спорта и эстетического удовлетворения, расходуют излишнюю энергию, накопленную из-за недостатка физического труда. Пользуясь рекреационной сетью, турист «снимет сливки» с района, который он посетил,— увидит местные особенности природы и памятники культуры, сосредоточенные в центрах городов, минуя стандартную современную застройку и агропромышленную зону; по парковой тропе выберется из города в окрестные леса.

Природа в поляризованном ландшафте равноправна с городом, но при пере-

Переплетающиеся сети поляризованного ландшафта
1 — центры городов и скоростные дороги;
2 — жилые кварталы с постоянным населением и обрабатывающей промышленностью, безвредной для окружающей среды;
3 — сельское хозяйство высокой и средней интенсивности, морские плантации и промыслы;
4 — загородные природные парки для отдыха и туризма, экстенсивное сельское хозяйство (естественные сенокосы, пастбища, агрорекреационные угодья);
5 — природные заповедники;
6 — рекреационные поселения и жилища (дачи, дома отдыха, турбазы, плавучие отели) и соединяющие их туристские маршруты, тропы, дороги, рейсы.

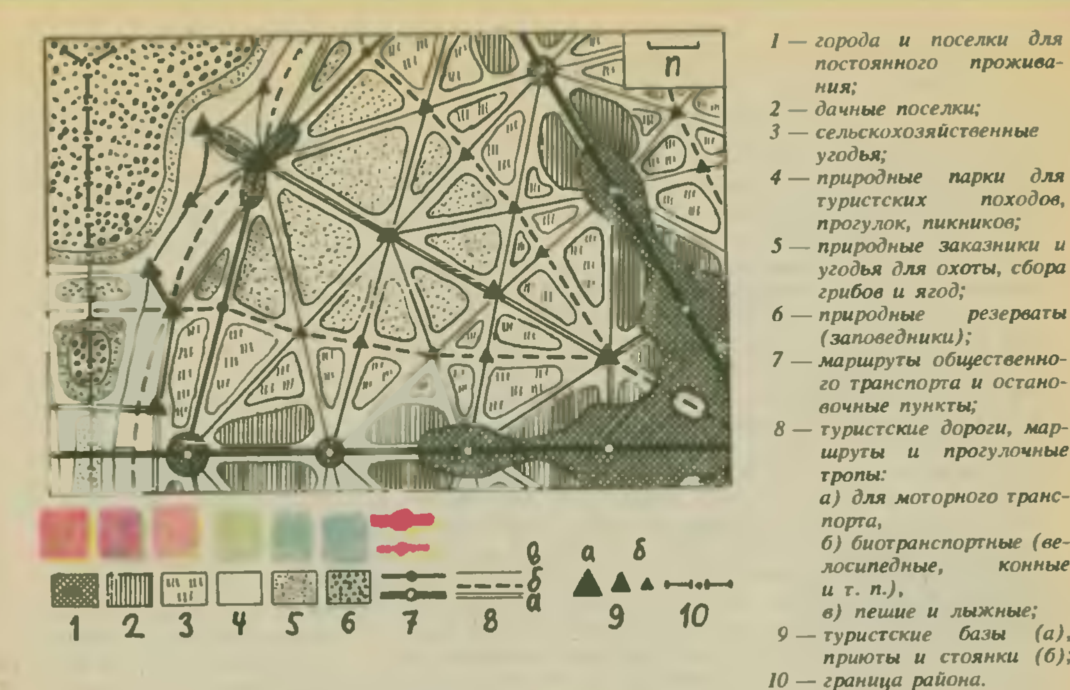

сечении различных территориальных полосой, как слабой партнерше, делается галантная уступка: сеть парков остается непрерывной, а сеть поселений слегка прерывается. В идеале зеленые коридоры и транспорт для людей должны пересекаться в разных уровнях, с использованием оврагов, мостов, эстакад, а также труб для животных, пересекающих дорогу, то есть в сущности переплетаться.

Мы рассматриваем сначала простейший вариант, когда города равновелики и расположены равномерно. В таком случае каждый город имеет круглую «сферу влияния», а при самой тесной укладке кругов на плоскости каждый из них соприкасается с шестью соседями. Однородная равнина без рек и равномерная транспортная сеть без разветвлений — это лишь теоретическое допущение, исходная модель, которую затем можно по-разному преобразовывать, приспосабливая ее к различным местным условиям.

Одно из таких преобразований показано на прибрежном варианте поляризованного ландшафта. Дороги здесь в большинстве случаев соединяют населенные пункты с берегом или связывают прибрежные поселения между собой, а берег мы опять-таки для простоты сделали прямолинейным. От этого сеть главных каркасных линий стала почти прямоугольной, но принцип их пересечения остался тем же. На схеме все еще нет рек и не отражен рельеф земной поверхности, но появились поселения второго ранга: у каждого приморского города имеется один спутник.

Функциональное зонирование может охватывать не только сушу, но и море. Особенности морских зон выяснятся в дальнейшем, если люди станут интенсивнее осваивать океан. На суше большинство ландшафтов, нуждающихся в охране и восстановлении, расположе-

Желательная планировка сектора района по принципу сетевого поляризованного ландшафта

1 — города и поселки для постоянного проживания;
2 — дачные поселки;
3 — сельскохозяйственные угодья;
4 — природные парки для туристских походов, прогулок, пикников;
5 — природные заказники и угодья для охоты, сбора грибов и ягод;
6 — природные резерваты (заповедники);
7 — маршруты общественного транспорта и остановочные пункты;
8 — туристские дороги, маршруты и прогулочные тропы:
а) для моторного транспорта,
б) биотранспортные (велосипедные, конные и т. п.),
в) пешие и лыжные;
9 — туристские базы (а), приюты и стоянки (б);
10 — граница района.
Масштаб 2 км $\leqslant n \leqslant$ 10 км.

но у берегов морей и озер, в поймах и в истоках рек. К водоемам примыкают почти все земли, ценные для летнего отдыха. В таких местах и надо устраивать заповедники и парки в первую очередь, то есть трансформировать зеленую сеть нашего проекта так, чтобы она по возможности совпала с голубой сетью рек и озер.

Раньше природные условия диктовали городам, где им возникать, а теперь города наряду с рельефом и реками указывают природному ландшафту место, где он может лучше сохраниться. Новые заповедники и парки должны приходить не только на готовые природные богатства, но и устраиваться путем рекультивации — восстановления испорченных земель на месте пустырей, свалок, карьеров, снесенных построек. Зеленый покров земли можно будет возродить после нынешней индустриальной эры так же, как после великого материкового оледенения, если мы сохраним для этого необходимый «генетический фонд» — не только отдельные виды растений и животных, но и образцы, эталоны естественных ландшафтов.

Вводя в модель рельеф и речную сеть, изгибая берега и дополняя идеальную схему новыми деталями, ее можно приспособить к любой местности. Теоретический проект сетевого поляризованного ландшафта, как узорчатый безразмерный эластичный чулок, натягивается на разные районы.

Тоталитарный ландшафт — наше наследие

Тоталитарный режим обрывал горизонтальные связи между людьми и предприятиями, но укреплял вертикальные — начальства с подчиненными. Аналогично перестроилось и «географическое поле»: его «силовые линии» стали отражать командную систему. Местные автодороги связывали правящих секретарей райкомов с директорами совхозов, но не доходили до границ районов. Множество приграничных деревень исчезло, уступив место бурьяну и кустарнику. Вот вам и готовые лесопарковые пояса, а не тот надуманный и беззащитный, который растущая Москва на себе давно разорвала.

Прежде чем изобретать новые способы охраны природы, воспользуемся существующим, самым надежным — транспортной недоступностью, не полной, а относительной, кажущейся значительной по сравнению со скоростями главных междугородных сообщений. От экспрессного транспорта пространство и вовсе искривляется, выворачивается наизнанку: труднодоступные места оказываются не на окраинах страны, а в глубине, в ячейках сети магистралей.

Для отвлечения масс людей от уязви-

мого природного ландшафта нужны концентрирующие виды транспорта: железные дороги лучше автомобильных, рейсовые автобусы лучше личных автомашин. Любители бездорожья объединятся в туристские группы и, преодолевая трудности, поневоле перестроят свой образ жизни, сами поднимутся на более высокую ступень экологического сознания и духовности. Я убедился в этом по своим многочисленным друзьям. О том же свидетельствуют книги, написанные выдающимися путешественниками, альпинистами, полярниками.

Пешком и на лыжах я прошел сотни километров вдоль и поперек административно-территориальных границ в Центральной России. Пробирался через заросли крапивы высотой больше, чем в два метра, ночевал на разогретой костром земле среди следов диких кабанов. В сотне километров от Москвы, бывало, не встречал за неделю ни одного человека. Туристские походы были для меня внутренней эмиграцией. Спрятавшись от государства, я заодно нашел подходящее убежище для природного ландшафта. В этом мое главное географическое открытие.

Поляризация ландшафта — не только программа, но и объективный процесс, идущий помимо нашего желания. Это подтвердили недавние исследования академического Института географии. Обезлюдение деревни и рост больших городов в нашей стране пока продолжаются. Предстоящая необходимая для рыночной экономики и соблюдения прав человека отмена прописки на первых порах только усилит урбанизацию, не обеспеченную жильем и рабочими местами, как это было в бедных странах «третьего мира». Обратное течение в виде дезурбанизации у нас еще не набрало силы. Сначала мы, по-видимому, пройдем через субурбанизацию — формирование малоэтажных пригородов: коттеджи для богатых, спальные будочки-трущобы для бедных. Существующие «садовые участки» — прообразы тех и других. Плохую социально-экономическую поляризацию я предлагаю превратить в хорошую экологическую: упадочное сельское хозяйство на окраинах областей не восстанавливать в традиционном смысле, а превратить полузаброшенные земли в процветающие национальные парки.

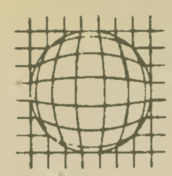
Экология требует, чтобы естественные леса и луга занимали от четверти до трети площади суши, пронизывая и охватывая все регионы. Нам, слава Богу, не нужно для этого разрушать города и выкупать частные земли. У нас в России такой экологический резерв имеется, пусть из-за бесхозяйственности, но нет худа без добра. С тоталитарным наследием в ландшафте нам предстоит жить долго, так воспользуемся же некоторыми его достоинствами.

Для создания благоприятного поляризованного ландшафта не нужно переселять людей, сгонять их на общественные работы, перерывать землю бульдозерами, сносить дома, разгораживать зоны колючей проволокой. Надо только изучить реальные желания, действия и мотивы, отметить среди них экологически приемлемые и тактично стимулировать их законами, налогами, льготами, тарифами, рекламой, а также архитектурой и планировкой. Нужно, чтобы нарушение природоохранных правил для самих нарушителей было разорительным и приводило к дискомфорту. Тогда заданный ландшафт вырастет сам собой через хозяйственную и бытовую самодеятельность, то есть благодаря свободе, а не по принуждению. Необходимая для поляризованного ландшафта конфигурация дорог, поселений и лесов пока еще существует.

Из-за автомобилей городская агломерация расплывается, как масляное пятно по бумаге; благодаря электропоездам удерживается в лучах звезд, оставляя между ними желанные зеленые клинья. Если мы не погонимся за позавчерашним днем Западной Европы и Северной Америки, сохраним сложившийся приоритет общественного и рельсового транспорта и откажемся от приватизации лесных и пойменных земель, то сбережем территориальные экологические ресурсы мирового значения и с этим богатством впоследствии войдем в постиндустриальное общество. Обидно будет, если мы не воспользуемся таким замечательным шансом.

ВО ВСЕМ МИРЕ

На пути к Сатурну и Титану

НАСА и Европейское космическое агентство разрабатывают совместный план запуска в 1995 году автоматической межпланетной станции «Кассини — Гюйгенс». В 2004 году она должна достичь района Сатурна и разделиться там на две капсулы, одна из которых — «Кассини» — направится к планете, а другая — «Гюйгенс» — к ее спутнику Титану.

«Кассини» предстоит выйти на околосатурновую орбиту, а «Гюйгенсу» — парашютиро-

вать сквозь плотную метановую атмосферу Титана и совершить на его поверхности посадку со скоростью, не превышающей шести метров в секунду. Хотя планетологи и полагают, будто условия на Титане сходны с теми, что были на Земле в ранний период ее существования, до сих пор не ясно, образована ли его поверхность твердой породой или представляет собой метановый океан.

Среди приборов, предназначенных для изучения Титана, называют оборудование для измерения температуры, для изучения химических процессов в атмосфере и движения волн, если там есть акватории. В случае если все эти приборы перенесут посадку, они должны сохранять способность передавать свои показания на борт «Кассини» до тех пор, пока эта орбитальная станция не уйдет за горизонт.

Слова, слова, слова...

В период существования ГДР от граждан обеих Германий нередко можно было услышать грустную шутку: «Еще несколько лет, и нам понадобятся переводчики». Что и говорить, все в германо-германских отношениях к тому и шло.

Теперь лингвисты объединенной страны беспокоятся, как бы не утерять тот специфический «новояз», который родился и сорок лет существовал в пору коммунистического правления в «первом государстве рабочих и крестьян на немецкой земле».

Недавно создана компьютерная база данных, куда вводится текст из четырех миллионов слов, дающих подробное представление о «комнемецком языке» середины и конца XX века. Вот, например, словечко «Oberweltkriminalität», которое с грацией, вообще свойственной немецкому языку, обозначает понятие, доступное пониманию лишь того, кто жил в ГДР. Оказывается, это всего лишь «поощряемая капитализмом преступность верхушечных слоев общества». Она как бы противопоставляется «более простительной» преступности «низов», общественного «дна», встречающейся «кое-где иногда» и при социализме, но лишь как пережиток капитализма...

История языка — дисциплина объективная и беспристрастная. К боннское Министерство по делам науки и техники безропотно выделило лингвистам около четырехсот тысяч марок на исследовательскую работу.

Намедни поели лососей и...

Несмотря на значительные усилия и восемь миллиардов долларов, затраченных на работы по очищению воды в системе Великих озер, простирающихся на территории восьми штатов США и канадской провинции Онтарио, до окончательной цели еще далеко. Речные выдры, когда-то очень многочисленные в этих местах, сегодня в наиболее загрязненных частях озер встречаются редко. Причина — высокое содержание токсичных химикатов в рыбах и моллюсках, которыми питаются выдры. Эксперименты, проведенные учеными Мичиганского университета с норками, ближайшими родственниками выдр, показали, что большинство зверьков погибали через три месяца после того, как их переводили на диету, треть которой состояла из лососей озера Мичиган. А зверьки, оставшиеся в живых, полностью теряли способность к размножению.

Страус реабилитирован

Австралиец Аллен Поллон, годами выращивающий страусов, утверждает, что общепринятое мнение, будто эти птицы прячут голову в песке, не соответствует действительности. На самом деле страус опускает голову к земле, но только для того, чтобы лучше слышать или чтобы отдохнули мускулы длинной шеи. Ведь, зарыв голову в песок, он быстро бы задохнулся.

Рисунки Э. Кириллова

ПРОБЛЕМА: ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗДУМЬЯ

С. Яковленко,
доктор физико-математических наук

Как мы обнаружили дьявола

Все началось вполне традиционно. В редакцию пришел человек и принес свою статью. Статья была небольшая, всего на нескольких листочках, и на первый взгляд ничего особенного не содержала. Мелькали слова «рекомбинация», «энтропия», «принцип детального баланса», описывался эксперимент, а в конце, как и полагается, следовали выводы. Суть их сводилась к тому, что итоги научной работы будут совершенно необъяснимы, если не допустить одного: по всем раскладам получалось — им, то есть физикам, чтобы разумно обосновать полученные результаты, надо предположить существование внешнего стохастизатора. А иначе — без него — ну просто никак... Возможно, истинный драматизм ситуации, в которой очутились исследователи, остался бы непонятным до конца, если бы не последняя фраза. Столь же буднично, как и обо всем остальном, автор сообщал, что в старину внешний стохастизатор называли значительно проще — дьяволом... Все. Статья на этом заканчивалась. И выводы надо было делать самим. Мысль о розыгрыше отпадала сразу — слишком солидные научные журналы опубликовали результаты эксперимента. По той же причине следовало отбросить другие тривиальные предположения.

Правда, оставалась одна зацепка: весь эксперимент «проводился» на компьютере. Возможно, умная машина что-то нафантазировала?.. В ответ автор улыбнулся. «Нет,— сказал он,— скорее наоборот». Что значит это «наоборот», читатель поймет, ознакомившись со статьей С. Яковленко. Мы попросили его рассказать о своей работе немного подробнее. А чтобы по возможности облегчить чтение, некоторые разъяснения вынесли на поля.

Как все началось

Прежде всего — о заголовке. Возможно, он отпугнет читателей, вдумчивых и избегающих всяческих сенсаций. А жаль. Потому что именно им в первую очередь и адресована эта статья. Что же касается названия, то оно как нельзя более точно отражает результаты работы, которой мы занимались последние годы.

Мы — это автор статьи и еще два физика-теоретика, кандидаты физико-математических наук С. А. Майоров и А. Н. Ткачев — люди серьезные и образованные и, разумеется, специально нечистой силы не искали. Просто почти еще в «застойные» времена волею случая в нашем распоряжении оказался очень быстродействующий компьютер, точнее, процессор, который можно было гонять месяцами без сбоев. Его купили за границей, сэкономив на сопроводительной документации. Разобраться, как он функционирует, смог только Майоров, что позволило работать в индивидуальном режиме (обычно у таких компьютеров много пользователей). А потому мы очутились почти в таких же условиях по обеспеченности вычислительной техникой, как и американский физик.

Было еще одно обстоятельство. Ценность этого компьютера для приобретшего его предприятия сильно снижалась из-за сбоев. Нет, сам процессор работал прекрасно, но сбои все же случались, и происходили они при частом обращении к внешним (периферийным) устройствам. Чтобы такой процессор не простаивал, требовалось загрузить его задачей, в которой производится много арифметических операций, но сравнительно редко требуется обращение к периферийным устройствам **(1)**.

Плазма ведет себя неправильно

Будучи специалистами по плазме, мы приступили к исследованию так называемой классической кулоновской плазмы. Это означает, что решались классические уравнения Ньютона для частиц с положительными и отрицательными зарядами (ионов и электронов), взаимодействующих по закону Кулона. (Надеюсь, читатель не забыл полностью школьный курс физики.) А чтобы частицы не разбегались, мы «поместили» их в коробочку, то есть в куб с непроницаемыми стенками. Считали сначала, что стенки куба отражают частицы зеркально **(2)**.

Когда же мы приступили к изучению процесса рекомбинации, начались настоящие неожиданности. Известно, что рекомбинация — процесс связывания электронов с ионами. В нашем случае изучалась так называемая тройная рекомбинация. Подлетают к иону два электрона, один из них отдает другому часть энергии и оказывается «привязанным» к иону кулоновской силой. Конечно, связанный электрон может снова оказаться свободным, если получит соответствующую энергию при столкновении с быстрым электроном. Такой акт называется ионизацией. Однако статистическая механика учит, что, согласно закону возрастания энтропии, рекомбинация в классической кулоновской плазме всегда должна преобладать. При этом плазма

1. Естественно, пришла мысль о задачах моделирования из первопринципов. Известно, что оно состоит в численном решении наиболее общих уравнений движения частиц (в классической механике — уравнений Ньютона) для большого числа, скажем тысячи частиц. Если делать все правильно, то есть если методы численного решения не вносят существенных искажений в исходную постановку задачи, то можно проследить переход к законам статистической механики.

Создатели статистической механики — Клаузиус, Максвелл, Больцман, Гиббс — не смели и мечтать о такой возможности. Им приходилось все делать умозрительно и интуитивно. Конечно, они опирались на экспериментальные результаты, но эксперименты дают информацию, усредненную по большому числу частиц и большим промежуткам времени. Здесь же в численном эксперименте можно не только проследить за движением каждой частицы, но и оказать такое воздействие на исследуемый объект, которое крайне сложно или просто невозможно осуществить в физическом эксперименте.

2. Надо отметить, что аналогичные задачи неоднократно рассматривали и до нас. Но из-за большой трудоемкости решения другие авторы вынуждены были идти на различные упрощения, что в конечном счете приводило к неконтролируемому воздействию на исследуемую систему. Подобным воздействием пренебрегали, и для рассматривавшихся прикладных задач это обычно было оправданно. Однако в исследовании самых общих, фундаментальных закономерностей такие приемы использовать нельзя. Нам удалось разработать алгоритм счета, хотя и трудоемкий, но не искажающий исходную постановку задачи. (И в том — коренное отличие нашего подхода от других.)

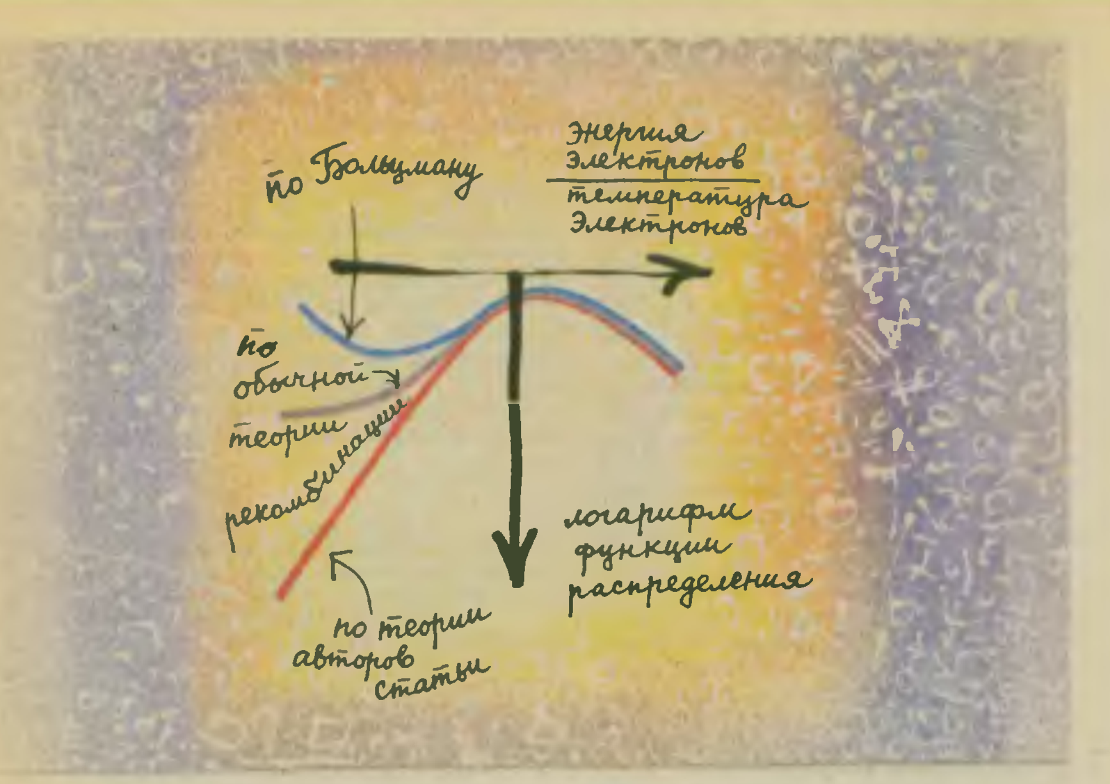

Схема выполнена Ю. Сарафановым

График функции распределения электронов по полной энергии. Теория авторов совпадает с их расчетами. Совпадает, как говорят в таких случаях специалисты, «до неприличия».

обязана все время рекомбинировать и греться.

Трудность, с которой мы столкнулись, повергла поначалу в растерянность. Наша классическая кулоновская плазма рекомбинировать и греться «не желала»! В ней устанавливалось некоторое стационарное состояние, и уже этот факт противоречил общепринятой точке зрения. Поначалу мы, конечно, пытались связать свой результат с какой-либо возможной ошибкой в численном счете. Однако все проверки показывали, что задача решается правильно.

Казалось бы, в чем «криминал»? Подумаешь, плазма не рекомбинирует вопреки каким-то там теориям. Если даже теория рекомбинации вовсе неверна, разве это так уж важно для основ физики?

Однако в том-то и дело, что наши результаты вступили в противоречие не просто с теорией рекомбинации, с этим бы можно было смириться. Трагизм ситуации заключался в том, что мы наблюдали невероятное: наш случай не вписывался в закон возрастания энтропии, или, проще говоря, второе начало термодинамики. Закон, лежащий в основе не только физики, но и всего современного естествознания, подобного не предусматривал.

Что же, тем хуже для вашего эксперимента, возразит вдумчивый читатель. Ну можно ли, опираясь на численный счет, уверенно утверждать, что сформировавшееся состояние стационарно и плазма не рекомбинирует? В конце концов, как бы долго вы ни считали, вдруг, если считать еще дольше, станут заметны какие-то существенные изменения, и плазма начнет-таки рекомбинировать?

Мы тоже подумали об этом. Увы, удалось доказать, что мы считали достаточно долго. Иными словами, противоречие с основными положениями классической статистической механики было налицо (3).

Итак, наша группа оказалась в сложной ситуации: следовало забыть о полученных результатах или надо было отказаться от закона возрастания энтропии. Мы вновь, уже в который раз, перепроверили каждый шаг своих рассуждений и расчетов. Нет, никаких ошибок обнаружить не удалось. Значит, оставался единственный выбор — пожертвовать основами статистической механики и термодинамики. То, что им противоречили расчеты лишь для одного рассмотренного нами физического объекта — классической кулоновской плазмы,— дела не спасало. Законы статистической механики должны носить самый общий характер, и если им кто-то не подчиняется, то надо так изменить законы, чтобы нарушителей не было. В этом смысле наука принципиально отличается от юриспруденции — там пытаются изменить не закон, а того, кто должен этому закону следовать.

Мы заставили ее рекомбинировать!

Да, именно заставили. И не просто рекомбинировать, а именно так, как указывает теория. Но для этого пришлось лишить систему памяти (правда, не до конца). Как? Придется объяснить.

Согласно принятым в классической физике представлениям, если мы в какой-то момент времени узнали координаты и скорости всех рассматриваемых частиц, то, решив уравнения Ньютона, можем в принципе предсказать координаты и скорости частиц во все последующие моменты времени. Как говорят физики, система помнит свои начальные условия.

Этот факт имеет принципиальное философское значение, и вокруг него возникли ожесточеннейшие споры сразу же после создания классической механики. Любопытно, но сам создатель классической механики Ньютон не утверждал, будто начальные условия полностью определяют все последующее развитие событий, не считал мир детерминированным, как говорят философы. Для периодического наведения порядка он полагал необходимым вмешательство Бога. С ним спорил Лейбниц, веривший в способность Бога так устроить мир, чтобы потом не вмешиваться. Верил он и в то, что ученые приблизятся к божественному знанию и смогут в точности предвидеть будущее. Правда, о квантовой механике, сильно подорвавшей эту точку зрения, тогда еще не знали.

Так вот, мы по отношению к нашей плазме взяли на себя функции не Бога, конечно, а чего-то такого, что заставляет ее забывать начальные условия (4).

3. Здесь нет возможности рассказать об этом подробно и достаточно строго, но на некоторых положениях статистической механики, видимо, надо остановиться. Суть закона возрастания энтропии (или второго начала термодинамики) ясна из его названия: энергия системы многих взаимодействующих частиц со временем перераспределяется между ними так, чтобы в конце концов установилось состояние наибольшего хаоса (максимальной энтропии). Из этого закона вытекает принцип детального баланса — основа статистической механики.

Известно, что каждая частица, взаимодействуя с другими, обменивается с ними долей своей энергии, то есть переходит из одного энергетического интервала в иной. Согласно принципу детального баланса, число таких переходов, когда состояние системы равновесно, в среднем равно числу обратных переходов. Если же состояние неравновесно, то приходы и уходы частиц в различных энергетических интервалах не компенсируются, соответственно среднее число частиц в этих интервалах изменяется, пока не станет таким, каким должно быть в равновесном состоянии максимального хаоса.

В наших расчетах получалось то, чего, попросту говоря, быть не может: переходы в каждый энергетический интервал и из него компенсировались, тогда как состояние не было равновесным! Вот почему такое смятение вызвало у нас нежелание плазмы рекомбинировать. Нарушался не только закон возрастания энтропии, но сам принцип детального баланса. Все это противоречило основам статистической механики.

Разумеется, теория процесса рекомбинации давно построена. Почему же результаты наших расчетов с этой теорией не согласуются? Да потому, что обычно принцип детального баланса всегда закладывается непосредственно в исходные кинетические уравнения. (Точнее, в уравнениях, описывающих релаксацию к равновесному состоянию, на коэффициенты, определяющие скорости прямых и обратных переходов, накладывается такая связь, которая обеспечивает выполнение принципа детального баланса и релаксацию к термодинамическому равновесию.)

Мы тоже рассмотрели эту задачу, используя аналитические методы. Но поступили иначе. Исходили из такого же кинетического уравнения, как и в обычной теории рекомбинации, но не стали накладывать на его коэффициенты ту связь, которая следует из принципа детального баланса. Тогда и удалось получить результаты, совпадающие с тем, что дает численное моделирование из первопринципов.

4. Поясню, в чем дело, на примере двух типов вычислительных экспериментов. В первом случае моделировалось термостатирующее воздействие стенок куба, в котором двигаются частицы. Отраженные от стенки частицы приобретали новую энергию случайным образом. И тогда рекомбинация имела место. При этом скорость процесса связывания электронов с ионами (процесса рекомбинации) вполне

Для этого в модельном эксперименте в определенные промежутки времени мы обменивали значения скоростей у разных электронов, не меняя их координат. Одному электрону присваивали скорость другого, другому — третьего и т. п. Трудно представить, чтобы такое воздействие могло реализоваться в природе. Но тем и хорош вычислительный эксперимент, что в нем можно делать с исследуемой системой почти все. Надо лишь разобраться в результатах своего всемогущества и ничего не напутать.

Для начала мы сделали самое простое: придумали имя тому, что заставило плазму забывать начальные условия. Поскольку это «нечто» воздействовало стохастически (то есть вероятностно) и извне, мы назвали его без особых претензий «внешний стохастизатор». Теперь следовало понять самое главное — как он влияет на поведение плазмы?

И что же получилось? Вот теперь она стала рекомбинировать и греться! Причем в полном соответствии с основными положениями статистической механики.

Существо Максвелла и наш дьявол

Мы победили, но какой ценой? Чтобы выполнялись законы статистической механики, нам пришлось пожертвовать законами механики Ньютона. Пришлось лезть в систему «руками», заставлять ее забывать о предыстории, «использовать» какой-то внешний стохастизатор. Иначе говоря, пришлось вводить нечто такое, что не содержится в законах взаимодействия частиц друг с другом. Это с одной стороны. Но с другой — законы статистической механики хорошо согласуются с нашими наблюдениями за материальным миром. И если внешнее стохастическое воздействие необходимо для их выполнения, то должен существовать какой-то внешний источник такого воздействия. В своих модельных экспериментах мы называли его внешним стохастизатором. Однако есть и иное имя...

Но прежде чем набраться смелости и не убояться слов, вспомним об известном демоне Максвелла. Для иллюстрации смысла второго начала термодинамики Максвелл придумал гипотетическое маленькое существо (being), которое, как бы не затрачивая энергии, делит термодинамически равновесный газ на холодный и горячий. Оно манипулирует бесконечно легкой заслонкой, закрывающей отверстие в перегородке. И с помощью такой заслонки демон Максвелла пропускает в одну сторону быстрые частицы, а в другую — медленные.

Не останавливаясь на многих интересных аспектах этого мысленного эксперимента, замечу лишь одно: гипотетическое существо назвали демоном несправедливо. Скорее здесь действует добрый дух, занятый созидательной работой по уменьшению энтропии, то есть беспорядка в нашем мире.

В своих вычислительных экспериментах нам пришлось ввести внешний стохастизатор, ответственный за деградацию, точнее релаксацию, системы энергоизолированных частиц к термодинамическому равновесию. Но в старину такой объект называли значительно проще — дьяволом. Действительно, это именно он, дьявол, противостоит созидательному развитию: приводит к смерти живые объекты, заставляя их стремиться к термодинамическому равновесию; стимулирует потерю памяти и забвение уроков прошлого; делает попытки довести Вселенную до тепловой смерти. Его присутствие мы должны ощущать всюду, где выполняются законы термодинамики.

А что думали классики?

В науке случается, что изучение какого-то вполне частного вопроса выводит на фундаментальнейшие проблемы естествознания. Нам повезло. Изучая тройную рекомбинацию, мы столкнулись с настоящим переплетением старых и, по-видимому, вечно молодых загадок природы...

С тех пор, как второе начало термодинамики было осознано, то есть после работ Карно и Клаузиуса, физики стремились найти ему рациональное обоснование (5).

Однако для обоснования статистической механики одних только уравнений движения частиц каждый раз оказывалось недостаточно. Приходилось вводить дополнительные гипотезы: гипотезу о беспорядке, гипотезу о микроканоническом распределении, эргодическую гипотезу и т. п. Не останавливаясь на их изложении, отмечу только: все они так или иначе вводят в детерминированные динамические уравнения — уравнения с однозначно предсказуемыми решениями — понятие вероятности. Образно говоря, таким путем в физику проникал дьявол и, незамеченный, устраивал состояние максимального хаоса. А физики думали: все происходит само собой.

Впрочем, не все так думали. Против позиции Больцмана, последовательно проповедовавшего, будто хаос следует из уравнений Ньютона, активно возражали. Пуанкаре доказал так называемую возвратную теорему. Она состоит в том, что классическая система рано или поздно вернется в состояние, сколь угодно близкое к исходному, причем, — если наблюдать ее бесконечно долго, — бесконечно много раз. Это явно противоречило утверждению о постоянном возрастании какой-либо характеристики системы — энтропии. Завязалась ожесточеннейшая дискуссия, в которой против Больцмана наиболее активно выступили Цермело и Лошмидт.

Больцман отвечал, что ждать, пока выполнится возвратная теорема, придется невообразимо долго. Наиболее последовательную процедуру расчета характерных времен, на которых происходит отклонение от термодинамически равновесного состояния в малых, но макроскопических объектах, дал Смолуховский. Это позволило объяснить на первый взгляд противоречащее термодинамике наблюдение Броуном хаотического движения малых пылинок в растворах. Тогда все как-то успокоились и решили, что осталось сделать совсем немного — доказать эргодическую гипотезу. И тем самым продемонстрировать, что кроме уравнений Ньютона для статистики ничего не нужно.

Но соответствующие теоремы все не доказывались и не доказывались. Вместо них доказывались совсем другие, скорее противоречащие эргодической гипотезе, например теорема Колмогорова — Арнольда — Мозера. Надежды на доказательство эргодичности как универсального внутреннего свойства уравнений Ньютона постепенно пропадают. Это, конечно, не означает, что уравнения Ньютона противоречат закону возрастания энтропии. Лучше сказать, что они недостаточны. Нужно дополнительное внешнее воздействие стохастического — случайного — характера. Значит, место для дьявола остается.

А как думают сейчас?

Подавляющее большинство физиков старается на эту тему вообще не думать. Если в прошлом веке каждый ученый был еще и философом, размышляющим над основами мироздания, то сегодня такие размышления среди физиков считаются как бы позорными. Мы, дескать, люди солидные, ерундой не занимаемся, считаем конкретные задачи. Исключения в виде чудачества допускаются только для тех, кто завоевал достаточно прочный авторитет, например получил Нобелевскую премию.

Что ж, позиция во многом оправданна. Она служит неким барьером, позволяющим обороняться от невежественных в физике, но активных в навязывании своего мнения философов. Однако, если проводить такую точку зрения последовательно, это неизбежно приведет к вырождению и физики, и физиков.

Впрочем, всегда есть какое-то количество специалистов, работающих в данной области и вынужденных размышлять об истоках второго начала, так сказать, «по долгу службы». Может, они все выяснили? Увы, в их рядах нет единства. Настолько нет, что одна из вполне серьезных книг, изданных на французском языке, так и называется: «Свара по поводу детерминизма». Пересказывать перипетии этой «саары» нет никакой возможности. Остановлюсь только на одном моменте.

Что главнее?

Квантовая механика примечательна тем, что ее законы имеют принципиально статистический характер. Точнее говоря,

соответствовала обычной теории, основанной на принципе детального баланса.
В случае термостатирующих стенок кинетическая энергия, выделяющаяся за счет рекомбинации, поглощается стенками. При этом полная энергия системы не сохраняется — часть ее отводится на стенки. Возникает вопрос: что важнее для стимуляции рекомбинации — отвод энергии на стенки или стохастический (вероятностный) характер взаимодействия частиц со стенками? Для ответа на этот вопрос мы рассмотрели пример такого стохастического воздействия, при котором полная энергия системы частиц остается все время неизменной.

5. Наиболее общую и совершенную формулировку статистической механики дал Гиббс. Его классическая обобщающая работа так и называется: «Основные принципы статистической механики, излагаемые со специальным применением к рациональному обоснованию термодинамики». Вторую часть заголовка при цитировании этой работы для краткости обычно отбрасывают. В чем же должно состоять, по мнению классиков, такое рациональное обоснование? Само собой подразумевалось, что закон возрастания энтропии и вся статистическая механика должны непосредственно следовать из динамических уравнений движения частиц, уравнений Ньютона, и только из них, без каких-либо дополнительных гипотез. С появлением квантовой механики при учете квантовых эффектов стали, естественно, базироваться на ураанении Шредингера с учетом принципа Паули.

она однозначно предсказывает, как изменятся во времени среднестатистические характеристики системы частиц, но значения этих характеристик в каждом конкретном случае предсказать нельзя в принципе. Можно вычислить только вероятность, с которой реализуется то или иное значение. И не потому, что мы задачу решить не можем, а потому, что мир так устроен.

Надеялись, что с помощью квантовой механики удастся вывести закон возрастания энтропии из законов взаимодействия частиц в макроскопической системе. Однако проследить непосредственно такую связь не удалось. По-видимому, мешает то, что фундаментальное уравнение квантовой механики — уравнение Шредингера — вполне детерминировано. Оно однозначно предсказывает поведение той величины, для которой написано, — волновой функции. Стохастические законы возникают при «обработке» волновой функции с целью получить наблюдаемые величины.

Возможно, эти неудачи привели некоторых физиков середины и второй половины нашего века к смелой мысли: надо просто считать основными законами природы статистические законы, а детерминистские уравнения либо считать приближением к действительности, либо сохранить их только для описания среднестатистических характеристик. Мысль вполне разумная. Предполагается, что статистика главнее динамики, или, на языке наших предков, дьявол правит материальным, тварным миром (князь мира сего). Жаль только, на этом пути в физике пока не получены конкретные результаты.

Впрочем, та точка зрения, что надо не выводить закон возрастания энтропии, а взять его в качестве исходного (ее отстаивает, например, Пригожин), далеко не общепринята. Некоторые полагают, будто необходимость возрастания энтропии «сидит» лишь в начальных условиях, предложенных Боголюбовым для цепочки кинетических уравнений. Грубо говоря, они думают — почти, как Лейбниц, — что дьявол предпринял некие действия в самом начале и может далее быть спокойным — релаксация к состоянию максимального хаоса обеспечена.

Давайте пофилософствуем

Итак, начав с изучения рекомбинации, мы подошли, как ни странно, к одной из самых важных загадок, стоящих перед человеком, — что есть жизнь?

Интуитивно понятно, что неживые объекты полностью подчиняются закону возрастания энтропии — тенденции к установлению максимального хаоса, а живые явно могут в чем-то этот закон нарушать. Развитие живых организмов идет по пути усложнения, формирования высокоорганизованных существ, обладающих все большей памятью. Так, амеба сама по себе почти ничего не помнит. Информация в ней содержится лишь на клеточном уровне. Животных можно многому научить. Человек же способен к выработке качественно новой информации. Для ее хранения он использует не только свой мозг, но обращается и к «внешним устройствам» — библиотекам. Люди организуются в большие коллективы, чтобы вместе добывать хлеб насущный, а еще — чтобы обмениваться информацией и передавать ее последующим поколениям.

Неживые объекты (косная материя) в отличие от живых деградируют к состоянию наибольшего хаоса и полностью теряют память, то есть информацию о предыстории. В науке это носит название тепловой смерти. Уже почти век ученые обсуждают гипотезу о тепловой смерти Вселенной. Похоже, первым гипотезу о тепловой смерти Земли выдвинул В. Томсон; кстати, он же первым назвал существо Максвелла демоном. Многих утешает то, что тепловая смерть невообразимо далеко, а пока Вселенная находится в сильно неравновесном состоянии. Жизнь, полагают, формируется за счет неких самоорганизационных процессов, наподобие диссипативных структур.

Напрашивается довольно смелый вывод. Впрочем, он логически вытекает из всего сказанного выше. Итак, деградация косной материи происходит не сама по себе. Точнее говоря, кроме законов взаимодействия частиц друг с другом, нужно еще внешнее по отношению к этим законам воздействие, лишающее систему частиц памяти. Но если это так, естественно предположить, что и развитие живых существ происходит не само по себе. Точнее, оно определяется не только законами взаимодействия частиц, составляющих живой объект. Нужно какое-то внешнее организующее влияние.

Мне кажется, если бы мы могли написать и решить уравнение Шредингера для всех электронов и атомных ядер, например амебы, то получили бы поведение некоего муляжа, не способного ни питаться, ни размножаться. Еще сложнее предположить, что можно промоделировать из первопринципов поведение теплокровных, тем более — человека с его разумом.

Естествен вопрос: чем обусловлены эти внешние воздействия — организующее и стохастизующее? То ли они возникают вследствие неизвестных нам законов, относящихся не к взаимодействию отдельных частиц, а к макроскопическому объекту как целому. То ли источники этих воздействий находятся вне доступного нам поля наблюдений. Можно ученым языком сказать, что рассматриваемые нами объекты не замкнуты, и поставить вопрос: все ли доступные нашему наблюдению системы, в том числе и Вселенная, являются открытыми?

На эти вопросы человечество в той или иной форме уже пыталось ответить и, по-видимому, будет продолжать попытки весь дальнейший период своего существования.

Как жить дальше?

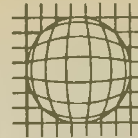
Программа дальнейших исследований вполне ясна. Не ясно, сможем ли мы ее реализовать. Во-первых, надо ввести какие-то характеристики стохастического воздействия типа мощности и посмотреть, какое из них заставляет, а какое еще не заставляет плазму подчиняться законам статистической механики. Как говорят физики, надо исследовать переходную область. Во-вторых, и это главное, надо найти такой объект, который допускает прямую экспериментальную проверку изложенных результатов. Такой объект мы нашли, но рассказывать о нем я здесь не буду. Скажу только, что мы уже получили первые весьма интересные теоретические результаты, но дальнейшей работе сильно мешает общее положение в стране.

В эпоху пещерного капитализма фундаментальная наука не нужна правящему слою. Для науки удобнее всего просвещенный абсолютизм и меценатство. От абсолютизма, правда, далеко не просвещенного, мы, может быть, ушли, но до меценатства, похоже, еще далеко. К чему это приведет, как в науке, так и в обществе, страшно предположить. Так можно в пещерном капитализме и остаться. Но будем, как говорится, поддерживать дух исполненного надежды пессимизма и безмятежной готовности к худшему. Будем искать благодетелей. Ведь нужно-то всего пять тысяч долларов на покупку компьютера. Правда, на эксперименты требуется больше — от пятидесяти до ста тысяч.

От редакции

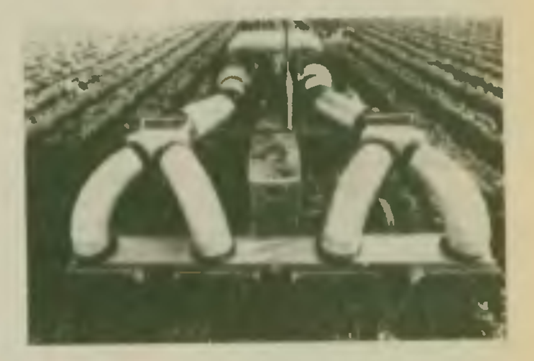
Обзор научных работ, в которых изложено то, о чем говорится в этой статье, — С. А. Майоров, А. Н. Ткачев, С. И. Яковленко, «Исследование фундаментальных свойств кулоновской плазмы методом динамики многих частиц», «Известия вузов», «Физика», 1991 год, № 11. ●

ВО ВСЕМ МИРЕ

Пылесос для насекомых

На этом непривычном для нашего взгляда агрегате калифорнийский фермер избавляется от насекомых-вредителей на плантации клубники. По сути дела, перед вами установленный на тракторе гигантский пылесос, только вместе с пылью в его сборник попадают и насекомые. На салатных плантациях Америки применяют подобные аппараты еще больших размеров. Это позволяет отказаться от использования пестицидов. В настоящее время в США 98 процентов продукции сельского хозяйства выращивается без применения пестицидов. Пора бы и нам перестать травить людей химикалиями.

«Плавающая» крепость

Американская фирма 3М из штата Миннесота разработала новую конструкцию бетонных плит. В них вместо тяжелого цемента используется легкая керамическая крошка. Ее круглые трехмиллиметровые частицы полые, а через их внешнюю оболочку вода не проходит. В результате бетон, получаемый с таким наполнителем, оказывается в два с половиной раза легче обычного и может плавать на воде. С учетом того, что он еще и не боится высоких температур, новый материал может найти применение при строительстве судов.

Летят перелетные птицы
Эпиталама эпиталамину
Ценнее золота и алмазов

Перелетая каждый сезон из Европы в Африку и обратно, птицы-мигранты всегда находят свой брошенный осенью дом, свое гнездо, и никогда не ошибаются. Как же это им удается? Здесь природа демонстрирует нам такой совершенный навигационный прибор, о котором инженерам приходится только мечтать. Тем не менее кое-что уже и им понятно. У птиц есть особый орган, так называемое внутреннее ухо. Оно выполняет функции вестибулярного аппарата и еще навигационного прибора. Не вникая в особенности морфологии этого органа, можно сказать, что он состоит как бы из двух блоков — вертикального и горизонтального «акселерометров». Такие «приборы» работают достаточно просто. Здесь в маленьком объеме жидкости плавает множество мельчайших известковых кристаллов — отолитов. При любом ускорении в движении птицы они в силу инерции отстают и нажимают на расположенные сзади специальные нервные клетки. Эти клетки настолько чувствительны, что выдают электрический сигнал в мозг при смещении массы отолитов даже на тысячные доли микрона.

Весь аппарат можно считать гравитационно-инерциальным, так как он «измеряет» силу тяжести. А она везде разная: у полюсов притяжение Земли больше из-за сплюснутости планеты, а у экватора, наоборот, меньше. Кроме того, учитывается еще и сила Кориолиса, помогающая отличить западное направление от восточного, это она подмывает один берег у рек, текущих с Севера на Юг или с Юга на Север.

Эти два постоянных физических фактора и контролируют биологическую навигационную систему. Как показывают работы ученых из опытного конструкторского бюро «Радуга» в городе Владимире, слежение за величиной этих сил могло бы вполне обеспечить перелетной птице, летящей в полной темноте над океаном, и точное определение ее местоположения на «карте», и «верность избранному курсу».

Как считают медики, организм стареет еще и потому, что слабеет функция шишковидной железы (она больше известна как «эпифиз»), это орган, регулирующий работу нервной, иммунной и эндокринной систем у человека и животных. Как только железа начинает «барахлить», наступает общее разбалансирование всех систем организма, усиливаются болезни, развиваются опухоли, начинается общее старение. Вот почему эпифиз пристально исследуют ученые.

Среди прочих веществ, вырабатываемых этой железой, сотрудники НИИ онкологии имени Н. Н. Петрова в Санкт-Петербурге обнаружили еще одно, названное «эпиталамином» по эпиталамусу — области мозга, включающей эпифиз. Может быть, именно нехватка этого вещества и влияет так плохо на состояние организма? Но ведь дефицит вещества легко компенсировать простыми уколами. Эту идею решили проверить в опыте на лабораторных крысах. Выбрали стареющих особей, сделали им инъекции эпиталамина и затем контролировали их состояние. И выяснилось, что после уколов у животных втрое меньше образовывалось опухолей, да и жили подопытные грызуны почти на четверть срока дольше, чем это им отпущено природой.

Вот так, всем хорош новый препарат — он продлевает жизнь, предохраняет от опухолей, да и синтезировать его химически, наверное, будет не очень сложно. Но только странное дело — почти такой же эффект дает и обычная диета, простое ограничение калорийности в ежедневном рационе питания животных. И это совсем без уколов.

В обычных горных породах рассеяно очень много микроскопических включений драгоценных и редкоземельных металлов, камней и алмазов. В любой горной выработке этих включений никак не меньше нескольких граммов на тонну пустой породы. Но их тут не добывают — расходы превышают всю возможную прибыль. Однако есть вещи ценнее, чем золото и алмазы,— это информация. То есть бесценные сведения о минувших геологических эпохах, о путях рассеяния тех же частиц и о местах их возможной концентрации где-нибудь неподалеку. Вот для получения такой информации и приходится перемалывать горные породы, добывая ценные в смысле знаний крупицы минералов. При этом важно не повредить сами частицы, так как именно в их форме, размерах и прочих особенностях заключена столь необходимая для геологоразведки информация.

Но как это сделать? Инженеры из Санкт-Петербурга и Томска одними из первых попытались применить для этой цели электрический ток. В лабораторной установке через закрепленный камень — образец горной породы — пропускают электрический импульс высокого напряжения. Минерал — это обычно диэлектрик, но при определенной силе тока и он не выдерживает, происходит пробой, цепь замыкается, а сам образец раскалывается. Но, что самое главное, электрический импульс оказался очень аккуратным «камнедробителем» — зерна минералов отлетали в стороны целыми и невредимыми, сохраняя свою познавательную ценность.

Такой способ вызволения драгоценных крупиц из каменного плена показал себя настолько эффективным, что ученые всерьез намереваются рекомендовать его для добычи рассеянных минералов, во всяком случае на стадии обогащения их концентратов.

Расстройство желудка и... революция
Как Солнце сотрясает Землю
Ваш диагноз — на ладони

Бактерии сальмонеллы, возбудители острых кишечных заболеваний, оказались небезразличны к глубинным социальным процессам, охватившим в последние годы мир Восточной Европы. Можно подумать, что они, озабоченные «судьбами мира и социализма», стали хуже себя чувствовать на этой земле, а это выразилось, в частности, в понижении их устойчивости к антибиотикам. Одновременно сей факт означает, что устойчивость организма человека к данной инфекции возрастает, ему для излечения требуется меньше лекарств.

Как выяснили ученые из Центрального НИИ эпидемиологии в Москве и Института превентивной медицины в Братиславе, в годы перестройки у микробов, распространенных на территории СССР и Словакии, совершенно синхронно изменялась устойчивость к антибиотикам. Точнее, в период 1987—1988 годов она повсеместно была заметно ниже, чем в 1985—1986 годы. Бактерии в целом стали «беззащитнее» перед убивающими их лекарствами. Но выяснились и отличия, тоже повторяющие очередность перемен в обеих странах: советские сальмонеллы в среднем показали себя пока еще более устойчивыми, чем словацкие, но надолго ли?.. Ведь мы уже догоняем Чехо-Словакию по части реформ.

А общее впечатление таково: жизнеспособность инфекций явно коррелирует с событиями, которые в конце концов привели к «бархатным революциям» в обеих странах. И чем круче развиваются социальные процессы, тем хуже чувствуют себя в такой нестабильной обстановке бактерии.

Есть данные о некой корреляции циклов солнечной активности и сейсмических процессов в земной коре. Так, усиление процессов на Солнце каким-то образом воздействует на частоту и силу землетрясений. Механизм влияния неясен и вызывает повышенный интерес в кругах исследователей. Свое решение предлагают московские геофизики из Института физики Земли имени О. Ю. Шмидта АН, проанализировав наблюдения в разных районах страны. Ученые с помощью приборов одновременно записывали два вида информации — пульсации геомагнитного поля и микросмещения почвы в точке наблюдения. Надо сказать, что оба показателя свидетельствовали о необыкновенно насыщенной жизни недр нашей планеты, каждую минуту здесь происходило по нескольку разных событий — толчков в почве и геомагнитных всплесков. Но самое интересное то, что большинство механических и магнитных импульсов приходили на приборы одновременно, как если бы одни из них служили причиной возникновения других.

Проведя расчеты возможных электромеханических эффектов, связывающих ионосферу и литосферу Земли, исследователи пришли к такому выводу. Первичны геомагнитные вспышки. Это они, влияя на внутренний источник постоянного геомагнитного поля, расположенный на границе земного ядра, вызывают ничтожные нарушения скорости вращения Земли, выражающиеся в микросмещениях почвы. Но откуда тогда берутся эти магнитные импульсы? Ответ известен: солнечный ветер — поток заряженных частиц,— усиливающийся в годы неспокойного Солнца, врываясь в земную ионосферу, легко вносит туда магнитные всплески в обычно ровное, спокойное геомагнитное поле.

Так далекое Солнце потоком своих частиц, по-видимому, влияет на процессы развития землетрясений.

Можно не верить в хиромантию, но предписанный вам в отдаленном будущем инфаркт миокарда можно прочесть на вашей же ладони. Мы уже писали об успехах дерматоглифики в части возможности предсказания долголетия («За что сжигали ясновидцев на кострах?», «Знание — сила», 1991 год, № 11). Теперь же наступила очередь прогноза сердечно-сосудистых заболеваний. Ученые из екатеринбургского Медицинского научного центра профилактики и охраны здоровья рабочих промышленных предприятий срисовали узоры на ладонях людей, уже перенесших инфаркт, затем то же самое сделали для лиц без каких бы то ни было сердечно-сосудистых отклонений, для чего их тщательно обследовали. Далее рисунки ладоней обеих групп испытуемых сравнили на компьютере по двадцати признакам, особенностям узоров. И разница была поразительная. Более того, по характеру рисунка компьютер очень скоро научился распознавать образ ладони инфарктника и мог каждому интересующемуся предсказать, что того ждет, разумеется, с определенной вероятностью.

Предрасположенность к кардиологическим заболеваниям заложена на генетическом уровне, но и рисунки ладоней запрограммированы в генах. Значит, стоит один раз запомнить, какие узоры на ладони сердечника, как можно будет уверенно предсказать ишемическую болезнь каждому носителю похожих рисунков. Видимо, так поступали гадалки в древности. И точно так же действовал в данном случае компьютер. Однако цель исследования ученых другая. При выявлении генетической предрасположенности можно заранее предупредить развитие болезни сердца, вовремя начав профилактические меры по укреплению здоровья пока еще далекого от инфаркта человека.

Эта статья очень субъективна и спорна, но смела. Редакция далеко не во всем — и даже почти не во всем! — согласна с нею, так же как и с предыдущей статьей того же автора «Хомо советикус — хомо сапиенс?» (1991, № 7). Но тема статьи важна и интересует многих. Пора запретов на неудобные вопросы прошла. Давайте обсуждать и этот — возможно ли вмешательство в наследственность человека с целью ее изменения?

А. Акифьев,
доктор биологических наук

Евгеника: вечный монстр или надежда человечества?

Алексею Линькову

«Eugenes» означает «благородный».

Возможна ли дальнейшая эволюция Homo sapiens? Или же наш вид находится в эволюционном тупике? У каждого думающего человека, будь то биолог или философ, историк или богослов, на этот счет есть особое мнение. Понимая всю сложность вопроса и сознавая, что далеко не все согласятся со мною, тем не менее хотел бы высказать свою точку зрения. Я — биолог. И, отвечая на вопрос об эволюции, буду опираться на синтетическую теорию эволюции, основы которой заложили Ч. Дарвин и А. Уоллес[1]. По ней наследственная изменчивость и естественный отбор — главные факторы эволюционного процесса. Что касается первого, то возникновение вида Homo sapiens ничего особенного в мутационный процесс не внесло.

Иное дело — отбор. Уже 40—50 тысяч лет назад естественный отбор перестал быть фактором видообразования. Казалось бы, как ни глубоки иногда различия между расами, однако доказано, что межрасовые браки дают нормальное потомство. Значит, отбор не смог создать генетических барьеров видового ранга между расами. Более того, принято считать, что генофонд, то есть совокупный генетический материал современного человечества и наших далеких предков, живших в пещерах, практически одинаков.

Эти факты позволяют предположить, что биологическая эволюция человека прекратилась. Значит ли, что завершилось и его историческое развитие? Разумеется, нет. Просто оно перешло под контроль иных законов, а не тех, которые действуют в дикой природе. Однако человек не утратил свою биологическую сущность. Она реализуется через его уникальное, по сравнению с другими живыми существами, социальное поведение. Вот почему люди много раз в течение своей истории пытались действовать «биологическими» (селекционными) методами, чтобы повлиять именно на социальное поведение.

Классический пример такого рода — уничтожение слабых и больных младенцев мужского пола в Спарте. В живых оставляли только тех, кто обладал физическими качествами, необходимыми будущему воину. Столь жестокая чистка генофонда не была осознанной целью, скорее, ее можно считать побочным следствием решения текущих государственных задач.

Осознанные же, научно обоснованные попытки воздействия на наследственность человека имеют гораздо более позднюю точку отсчета: рубеж XIX—XX веков. Именно тогда английский ученый Ф. Гальтон основал новую науку — евгенику (от eugenes — благородный). Один из горячих сторонников новой науки в нашей стране, Ю. А. Филипченко так формулировал цели евгеники: она «стремится к улучшению человечества путем создания в процессе размножения лучших комбинаций наследственных задатков и устранения худших, для чего, конечно, должны быть предварительно изучены все влияния, которые улучшают или ухудшают природные качества расы».

[1] В принципе я далеко не во всем согласен с дарвинизмом как с учением. На мой взгляд, оно фактически не объясняет основные закономерности макроэволюции. Но это — тема отдельного разговора.

Фотопостановка В. Бреля

Задача, что и говорить, благородная. О чудовищных последствиях тогда, разумеется, никто и не помышлял. Попробуем и мы на время забыть о своем предубеждении. Попытаемся понять, чем «грозит» нам современная наука? Ведь ей сегодня вполне по силам изменение генофонда.

Реализация подобной задачи способна создать условия для стойкого воспроизведения новых признаков в ряду поколений. В сущности это будет подобно эволюционным процессам. Так что сулит нам «новая евгеника»?

Как это начиналось?

Основатели евгеники почему-то предпочтение отдали генофонду англосаксонской расы, точнее, даже ее элитарному слою как наиболее высококачественному. Первые евгеники изучили немало родословных отдельных семей, находившихся на различных уровнях социальной иерархии. Они обнаружили поразительные факты, свидетельствующие о генетической обусловленности социальной деятельности. Например, среди 1394 мужчин из семьи Эдвардсов в США не менее четверти лиц внесли заметный вклад в общественную жизнь. Среди них талантливые ученые, писатели, юристы, политики, священнослужители, врачи, офицеры[2]. Тогда же Ф. Гальтон и пришел к общему выводу о том, что шансы сына знаменитого отца стать известным человеком в пятьсот раз превышают шансы случайного человека.

А как с примерами противоположного свойства? Они тоже имелись. Одни из известнейших — семья некоего Джюка из Северной Америки. Сохранились данные, позволяющие проследить историю этого рода на протяжении почти двухсот лет. Что же дал брак пьяницы-рыбака и беспутной женщины? Из 2500 потомков Джюка около шестисот оказались слабоумными, а 55 процентов — ворами, мошенниками, пьяницами, бродягами, проститутками.

Заключение первых евгеников напрашивалось само собой: следовало защищать генофонд элиты от проникновения чуждых и опасных генов «низших» социальных слоев и рас. Вывод, который повлек за собой страшные последствия. Что тогда могла предложить наука? Генетика, ставшая в 1900 году после «переоткрытия» законов Менделя научной основой евгеники, по существу, не знала иных методов контроля над структурой генофонда, кроме селекционных. Правда, в 1927 году Г. Меллер открыл мутагенное действие ионизирующих излучений. Но в рамках традиционного мутагенеза мечты о направленной изменчивости не были подкреплены серьезной теоретической базой. А потому методы охраны и улучшения качества генофонда целиком заимствовались из практики селекционеров-животноводов.

Для защиты не придумали ничего лучше методов «генетического карантина». В итоге — ограничение иммиграции в страны Европы и Северной Америки, запреты на межрасовые браки, даже стерилизация слабоумных и преступников-рецидивистов. Но идеи так называемой позитивной евгеники (для улучшения генофонда) были не менее отталкивающи. В конечном счете они сводились к идее искусственного оплодотворения спермой, скажем, лауреатов Нобелевской премии (на Западе) или вождей революции (у нас в двадцатые — тридцатые годы), а также к поощрению со стороны государства браков между выдающимися людьми и даже созданию внутри общества искусственных элитарных популяций.

Когда же теориями некоторых евгеников воспользовались фашисты для оправдания чудовищной практики геноцида, престиж новой науки был окончательно подорван.

И все же главной причиной краха классической евгеники мне представляется неготовность фундаментальной науки к проведению евгенической практики, а проще говоря, извечный конфликт между целью и средствами ее достижения.

Где граница дозволенного?

Предвижу вопросы: уверен ли я, что цель в данном случае однозначно хороша? Не скрываются ли здесь подводные камни, которые неминуемо ведут к гибели любые благие начинания в этой области? Видимо, любая наука проходит через сомнения подобного рода. И чтобы ответить на возникшие вопросы, их надо хотя бы обсудить. Что я и предлагаю сделать.

А потому обратимся к семидесятым годам нашего столетия. Именно тогда появилась на свет генетическая инженерия. Она представляет собой совокупность приемов, с помощью которых, как писал С. Гершензон, можно «уверенно изменять в нужную сторону наследственность живых существ — исправлять генетические дефекты, создавать формы растений, животных и микроорганизмов, обладающих заранее заданными ценными признаками». В основе генетической инженерии лежит введение в реципиентные клетки (половые или соматические) определенного генетического материала и, следовательно, получение соответствующих признаков у любого организма, подвергнутого генно-инженерной операции[3]. Таким образом, отбор как инструмент создания новых форм перестает быть единственно необходимым. Именно поэтому генетическая инженерия с полным правом может рассматриваться в качестве метода новой евгеники, достойного человека.

Встает вопрос о правомочности использования термина «евгеника» для обозначения новых областей деятельности по оптимизации генофонда человечества. Думаю, что термин этот следует сохранить, он вполне соответствует тем задачам, которые ставятся сейчас. Кроме того, каждая наука непрерывно развивается; наполняются новым содержанием и отдельные концепции, например сама теория биологической эволюции. Это еще не основание для смены имени науки.

Сегодня некоторые методы генетической инженерии уже проходят клинические испытания. Осенью 1990 года в США была осуществлена генно-инженерная операция по введению нормальной формы генов в клетки крови больного с наследственным дефектом одного из ферментов. В данном случае речь идет о коррекции генома соматических (не половых) клеток конкретного индивидуума, страдающего тем или иным заболеванием. Потомки этого человека исправленный геном не получат. Подобная процедура должна рассматриваться как чисто медицинская, по существу она не евгеническая. И как раз медицинские аспекты применения генетической инженерии особых сомнений не вызывают. Однако это первый крошечный шаг на пути к таким целям, как укрепление генно-инженерными методами иммунных систем организма человека, создание наследственно обусловленной устойчивости к гриппу, столбняку, бешенству, раку, СПИДу и т. д.

Вряд ли кто-то будет оспаривать необходимость подобных мер. И хотя здесь речь идет уже о коррекции генома (разумеется, на добровольной основе), провести грань между «дозволенным» и «недозволенным» вмешательством очень трудно. Ведь на чаше весов — спасенная человеческая жизнь. И человечество вновь будет вынуждено столкнуться с обсуждением проблем евгеники. Потому что сегодня евгеническая идея по сути заключается в оптимизации генофонда, создании генетической основы, наиболее благоприятной для здоровья, выживания и процветания человечества.

Евгеника и... космонавтика

А что же дальше? Перед человечеством в ходе его исторического развития возникают качественно новые задачи. Некоторые из них вполне отчетливо видны и сейчас. Например, все большую остроту приобретает проблема «человек и космос». С одной стороны, считается, что выход в космос — неизбежный этап развития цивилизаций, подобных земной. С другой — условия существования человека в космическом пространстве исключительно трудны. Слишком много усилий и времени тратится на преодоление отрицательного влияния невесомости на человеческий организм, который в ходе эволюции приспособился к действию силы тяжести. Соответственно протекают и все биохимические процессы в клетках.

С такой проблемой — разрушительным действием своей собственной биологической природы при попытке решить исторически неизбежную социальную задачу — человечество не сталкивалось еще никогда. Конечно, можно сконструировать систему искусственной гравитации. Однако опасность представляет не сама невесомость, а разрушительные биохимические процессы в организме. Если их удастся скорректировать генно-инженерными методами, то, возможно, люди предпочтут биологическую толерантность к невесомости, а не искусственную гравитацию.

Впрочем, в весьма отдаленном будущем человечество ожидают проблемы куда более серьезные. Рано или поздно естественное течение космических процессов приведет к тому, что жизнь на нашей планете станет невозможной. Человечество может избежать гибели, лишь освоив «Большой космос» по-настоящему. Решение же этой задачи на базе существующего генетического материала представляется маловероятным. И дело не только в изменении внешних условий окружающей среды. Преодоление «космической пропасти» требует отсутствия таких, казалось бы, естественных человеческих качеств, как, например, страх смерти...

Разумеется, евгенические проекты, вы-

---

[2] В России также известны подобные роды, например Ляпуновы, — математики, музыканты, биологи, писатели... Есть также множество ярких примеров наследования специальных талантов — музыкальных и математических способностей, «кисти художника» и т. п. В роду И.-С. Баха известно 56 (!) музыкально одаренных людей.

[3] В настоящее время желаемый результат достигается с большей или меньшей степенью вероятности. Однако успехи генной инженерии позволяют предположить, что к началу XXI века вероятность получения желаемого результата будет приближаться к ста процентам.

ходящие за пределы намерений улучшить здоровье людей, должны иметь общественный заказ. В данный момент едва ли найдутся такие заказчики. Мне думается, что многие проблемы человека, его духовного мира, его места в истории в сменяющейся череде поколений станут реально решаться тогда, когда человечество покончит (если это вообще возможно) с собственной агрессивностью. Выход в космос, строительство искусственных поселений, сверхдальние путешествия — вот те обстоятельства, которые с неизбежностью поставят вопрос о том, сколь перспективен генотип человека.

Понятно, что генетическая адаптация человека к условиям существования в космосе (сюда, очевидно, можно включить и повышение устойчивости к действию различных излучений — проблема, которая изучается в генно-инженерном аспекте уже сегодня, — и другое) не может не отразиться на его социальном поведении. И здесь мы подходим к тому, что составляет сокровенную мечту и главную опасность для евгеники. Речь идет о генно-инженерном вмешательстве в социальное поведение человека.

Возможно ли вмешательство?

Известно, социальное поведение зависит от многих факторов. Если поведение животных, в особенности низших, достаточно жестко контролируется генами, то подобной однозначной диктатуры генов для человека, видимо, нет.

Живые существа неповторимы. И у людей это свойство выражено наиболее ярко. Почему? Генетика объясняет это, указывая на реальные факторы, обусловливающие бесконечное разнообразие всех живых организмов, в том числе и человека. Эти факторы — генетическая рекомбинация в процессе созревания половых клеток и при оплодотворении, а также мутационный процесс. Генетическая индивидуальность может выражаться в специфическом характере клеточных и тканевых структур, в том числе и нервной ткани, особенностях биохимических реакций, например различной активности ферментов, характере процессов возбуждения и торможения и т. д.

В монографии Фогеля и Мотульски «Генетика человека», недавно переведенной на русский язык, проблемы генетики поведения рассматриваются весьма подробно. Конечно, поведение человека, особенно социальное — это та область генетики, где путь от гена к признаку наиболее сложен и в большинстве случаев пока не прослежен. Тем не менее авторы утверждают, что генетическая изменчивость биологических факторов, влияющих на интеллект, и другие аспекты поведения человека, по-видимому, столь же распространена, как и генетическая изменчивость, оказывающая влияние на состояние индивида а условиях изменяющейся окружающей обстановки.

Иначе говоря, суть эволюционного преобразования генетической программы человека в момент перехода от животного состояния в общество людей разумных состоит в том, что гены поведения приобрели исключительную пластичность, так что их действие стало как бы и незаметно в тени самопроявления сложных признаков. На этой гибкой основе произошло формирование собственно человеческих отношений.

Наиболее четко уловить функцию генов поведения можно в момент их включения в работу. Это происходит в довольно узкий период индивидуального развития, как раз тогда, когда ребенок начинает говорить. Появление речи означает, что ребенок уже воспринимает ту информацию, которую накопило человечество. Используя термины, предлагавшиеся Н. К. Кольцовым и Н. П. Дубининым, ее можно назвать социально-культурной программой. Подобная «программа» в генах половых клеток не записана и вообще там никак не фиксируется. Ее база — в нервных клетках коры головного мозга, притом соответствующие гены обеспечивают специфический, сугубо индивидуальный характер ее восприятия. Именно этим и определяется причастность будущей человеческой личности к добру и злу, собственности, лидерству или конформизму.

В этой связи рано или поздно обязательно всплывает вопрос о преступности. Какова в данном случае роль биологической компоненты? Наблюдения, в особенности над близнецами, показывают: генетическая программа может ориентировать поведение человека таким образом, что он с высокой долей вероятности совершает преступные действия. Вот почему, пока борьба с преступностью будет вестись только с позиций идеи о ее чисто социальной обусловленности, достижение полного успеха невозможно. Это следовало бы понять нашим юристам.

Для понимания биологических истоков преступного поведения весьма интересно уяснить роль генотипа в формировании таких черт, как стремление к лидерству или конформизм. Сейчас уже можно уверенно говорить, что в данном случае эта роль велика. Причем конформистов в любом сообществе гораздо больше, чем лидеров. Потому так опасны, к сожалению, имеющиеся в нашей стране очаги концентрации преступных элементов. Именно там многие конформные натуры, которые в других условиях никогда бы не нарушили закон, могут стать настоящими преступниками.

Так или иначе, личность, индивидуальность человека формируют не только социальная среда, а и конкретная неповторимая генетическая программа. Однако между генами и признаками поведения дистанция, как ни в одном другом случае, огромна. Вот почему сегодня евгеническая коррекция социальной ориентации человека, даже с самыми благими намерениями, должна быть отвергнута. Эта мысль настолько очевидна, что, на мой взгляд, не нуждается в особом обсуждении. Но вечен ли запрет? И здесь мне бы хотелось высказать ряд соображений, требующих некоторого осмысления уже сейчас.

Графика О. Брель

Истинная свобода — миф или реальность?

Задумаемся, что означает неповторимость генетической программы каждого конкретного человека? Ведь на ее основе формируется личность. Видимо, в этом факте и заключена основа основ человеческого существования — свобода. Мы не имеем права осуждать человека только потому, что он ведет себя не так, как хочется кому-то другому. Когда говорят об общечеловеческих ценностях, не надо забывать, что это не более, чем ценности большинства. Абсолютных ценностей нет и быть не может, покуда биологическая природа человека такова, как сейчас.

Понимание биологических основ свободы — один из важнейших элементов всей человеческой культуры.

Человек чувствует себя свободным и счастливым, ощущает гармонию в жизни лишь тогда, когда его социальное поведение не находится в конфликте с его натурой. И потребность иметь собственность, стремление к свободе творчества столь же естественны для людей, как чувство голода или жажды, — все это обусловлено биологической природой человека.

Но в то же время Homo sapiens обладает такими чертами, что некоторые ученые даже считают, будто природа «схалтурила», допустила некий конструкторский просчет при его создании. Думаю, подобные упреки несправедливы. В человеке осталось все то, что прямо не препятствовало выживанию данного вида в тех конкретных условиях, в которых он

возник. В этом находит отражение один из важнейших законов природы — относительность целесообразности. Нас всегда восхищает гармония организма и среды, а того, что в эту идиллическую картину не укладывается, мы часто не замечаем.

Но попробуем быть объективными. И для начала попытаемся ответить на первый вопрос. Как относиться к способности человека к убийству? У многих видов млекопитающих имеется жестко генетически детерминированный запрет на убийство себе подобных. Однако люди не только способны на это, но могут планировать и осуществлять подобные действия в глобальных масштабах. Свидетельство тому — четырнадцать с половинной тысяч войн за время существования цивилизации, сотни миллионов убитых. Надо ли объяснять, что новая война (с применением ядерного оружия) может привести к гибели всего человечества?

Катастрофа, в основе которой лишь одно — способность людей к убийству...

Другая проблема — страх смерти. Ни одно животное не может испытывать страх смерти вне минут реальной опасности. Человек же не только обладает таким качеством, но и жестоко страдает от него. Это очень точно подметил В. Дудинцев, говоря: «Забудь о смерти. Поднимись над этим биологическим явлением. Страх смерти — пособник и опора всяческого зла. Отними у зла единственную его силу — возможность лишать свободы и жизни...»

Но можно ли отнять у зла его силу? На это мне хотелось бы ответить словами С. Лема, рассматривавшего различные аспекты будущей человеческой деятельности, в том числе и евгенику (которую он называет автоэволюцией челоаека): «Привычку оценивать творения рук человеческих как более жалкие, чем естественные, эту привычку, понятную на нынешнем этапе развития, мы должны отбросить, если собираемся говорить о весьма отдаленном будущем. Мы будем соперничать с Природой в любом отношении: в надежности и прочности всех наших творений, в универсальности их действия, в отношении их регулирующего потенциала, диапазонов гомеостаза и многих других. Совершенство Природы только кажется недостижимым».

Избавление от способности убивать, страха смерти в их изначальном биологическом смысле — это и есть новый путь евгеники. В его основе лежит главная тенденция эволюции человека — освобождение от диктатуры генов. До той поры, пока внутренней свободе людей препятствуют гены, доставшиеся в мало изменившемся виде от наших животных предков, до той поры человек не будет полностью свободен, какие бы замечательные социальные структуры, мораль и законы он ни придумал.

Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что касаюсь одной из сложнейших научных проблем. Но невозможное сегодня может стать осуществимым завтра. Люди всегда остаются людьми. Именно поэтому они не в силах будут удержаться от того, чтобы не воспользоваться результатами научного прогресса, в том числе и методами новой евгеники.

Эпоха технологии, позволяющей реконструировать генотип человека, — на пороге. Надо встретить ее достойно, с ясным пониманием задач и целей, а не с трусливой осторожностью или шаманскими заклинаниями, что, мол, то или другое нельзя.

Я уверен, присущее людям стремление к новому знанию способно сочетаться с высокой ответственностью перед человечеством. Приведу один лишь пример, непосредственно касающийся обсуждаемой проблемы.

В начале семидесятых годов, когда методы генной инженерии вошли в практику молекулярных биологов, у них возникли серьезные опасения. Ведь при недостаточном контроле над некоторыми генно-инженерными операциями вполне могли появиться супервирулентные микроорганизмы или новые опухолеродные вирусы. На состоявшемся в 1974 году в США (Асиломар) совещании были приняты обязательные для всех ученых рекомендации, исключающие саму возможность подобных побочных эффектов. Меры предосторожности соблюдаются и сейчас, благодаря чему, вероятно, генная инженерия и не привела к нежелательным последствиям.

Этот случай внушает оптимизм. Он свидетельствует о том, что традиционный путь развития науки (когда решающую роль при внедрении научных достижений в практику играет не прямая выгода, а побочные результаты) в конце концов будет преодолен человеческим разумом и нравственностью. ●

НАУКА И ОБЩЕСТВО

И. Касавин,
доктор философских наук
В. Степин,
член-корреспондент РАН

О магии, астрологии и... науке

Мифы потрясенного сознания

Магия должна быть понята нами
в ее неразрывной связи с величественным
безрассудством надежды,
которая всегда была лучшей школой
человеческого характера.

Б. Малиновский
«Магия, наука и религия»

И. Касавин: — Когда мы говорим о таких вещах, как астрология, магия, оккультизм и прочее, мы часто используем термин, принятый в прессе,— «аномальные явления». Этот термин употребляется как по отношению к «летающим тарелкам», так и по отношению к определенным состояниям сознания, которые предстают для нас в качестве непознанных. Нередко можно услышать от ученых, что в истории такие вот периоды повышенного интереса к аномальным явлениям каким-то образом совпадают с периодами социальных катастроф, радикальных кризисов. Как вы полагаете, есть ли здесь какая-то связь?

В. Степин: — Начнем с того, что́ такое «аномальное». Оно имеет смысл только тогда, когда задана норма: нечто воспринимается как нормальное и нечто как аномальное. Но тогда необходимы какие-то установки и ориентации, которые позволили бы их различать.

Когда-то человеку было очень трудно принять идею бесконечного евклидового пространства Вселенной. Человек средневековья мыслил мир как ограниченный и замкнутый. Но потом в европейской культуре утвердился интерес к науке, возникла механическая картина мира, и тогда через систему образования, воспитания, через оперирование техническими устройствами постепенно в сознание вошло понимание ньютоновского пространства и времени, лапласовской причинности. Все это стало достоянием, если угодно, здравого смысла той эпохи.

Эта система взглядов даже сегодня сохраняется в обыденном сознании. И она постоянно приходит в столкновение с достижениями науки, которые с конца XIX — начала XX века планомерно разрушали систему представлений классического естествознания. И здравому смыслу уже казались аномалиями идеи теории относительности и квантовой физики, разрушающие привычные классические представления о пространстве-времени и причинности.

В общем, идея здесь очень проста: существует система мировоззренческих установок, функционирующая как доминанта культуры определенной исторической эпохи. Эта система формируется под влиянием самых различных сфер, в том числе и науки. Как сейчас люди воспринимают явления, именуемые «летающими тарелками»? Чаще всего — как вестников иных цивилизаций. В средние же века их воспринимали бы как знамение второго пришествия, а может быть, иначе — как знак беды. Так уж устроено человеческое сознание. Когда на Марсе были обнаружены странные пятна и полосы, сразу же появилась гипотеза, что это каналы. Тогда время строительства больших каналов — Суэцкого, Панамского. Идея строительства каналов витала в сознании людей. Поэтому, когда мы говорим об аномалиях, очень важно выявить те установки, которые выступают мировоззренческими доминантами и заставляют нас считать что-то нормой, а что-то аномалией.

Пока эти мировоззренческие установки обеспечивают человеческое бытие — воспроизводство человеческих связей, трансляцию социального опыта в культуре,— они выступают как само собой разумеющиеся. Часто те аномалии, о которых мы сейчас говорим, просто отвергаются этими установками. В пятидесятые — шестидесятые годы никто всерьез не стал бы разговаривать на темы магии и оккультизма. Мышление шестидесятых годов в нашей стране было по преимуществу физикалистским. Оно квалифицировало как лженаучное все, что не укладывалось в господствующую парадигму.

Официальная пропаганда внушала массам, что наше общество строится на строго научной основе. Термин «научный» сопрягался с такими терминами, как «политически благонадежный», «патриотичный». Советский человек должен иметь научное мышление — атеистическое и материалистическое, и ему не пристало верить чему-то, что не соответствует марксистско-ленинскому мировоззрению.

Интерес к чудесам действительно повышается в эпоху социальных ломок и катаклизмов, и я бы объяснил это следующим образом. Когда мировоззрение начинает разламываться, когда старые ориентиры уже не задают человеку устойчивой системы видения мира, в которой он может жить и в которой он может не сомневаться, когда возникают новые образцы и нормы деятельности и наступает эпоха социальных катаклизмов, социальной неустроенности, вот тогда-то и возникает интерес к аномалиям и чудесам, которых мы раньше не замечали. Это своеобразный сигнал того, что старые мировоззренческие ориентиры ломаются, а новых еще нет. Люди могут видеть в этих явлениях знамения грядущих неурядиц или, наоборот, знаки избавления от тягот жизни. Уже не раз писалось о том, что наш интерес к инопланетянам вызван не только чисто человеческим любопытством, но и надеждой, что они помогут нам справиться с нашими земными делами. Надеждой, что, может быть, есть какие-то высшие силы, которые смогут нам помочь.

И. Касавин: — По-видимому, в те периоды социального развития, когда человек постоянно убеждается в своем бессилии перед природной и общественной стихией, пропадает желание реализовывать себя в действительном мире. Разочарование в неподвластной ему реальности заставляет человека подыскивать более пластичную и доброжелательную реальность, а также видоизменять свое сознание, делая его более терпимым и многообразным по сравнению с противостоящим ему миром.

Кризис коммунистической утопии сегодня не избавил нас от потребности в утопии. Мы готовы до небес превозносить и даже огосударствить религию, отчаянно полагаться в избавлении от телесного недуга на знахаря-психотерапевта, рискованно культивировать национальную идею. Эти вчера еще запретные «культурные аномалии» сегодня претендуют на ядро нового утопического движения. Поймем ли мы это? Сумеем ли не обмануться на этот раз?

В. Степин: — Да, социальный утопизм по-прежнему влиятелен. Новое мировоззрение никогда не возникает на голом месте, оно всегда прорастает из старого и несет на себе печать этого старого. Когда ученые в средние века объясняли мир, то говорили так: Бог написал книгу природы тайными письменами, и мудрец должен расшифровать эти письмена. Между вещами есть симпатии, антипатии, аналогии, тайные смыслы, которые надо узреть, чтобы понять тайну божественного творения. Галилей, восставая против средневекового мышления, критикуя перипатетиков, использовал этот же старый прием. Он говорил: да, книга творения написана тайными письменами, да, мудрец (ученый) должен ее расшифровать. Только маленькая добавка: книга природы написана языком математики. Поэтому, чтобы понять природу, надо математически описать движение тел.

Перед нами новые формы в недрах старого. Так всегда бывает. И сегодня то же: возникают какие-то ростки новых мировоззренческих ориентаций, но на первых порах они будут развиваться в старых формах. Конечно, мы будем пытаться объяснить не укладывающиеся в современную парадигму явления, опираясь на методы современной науки.

И. Касавин: — Вы зафиксировали параллель, которая прослеживается до сих пор между сциентистским мировоззрением и тоталитарной общественной структурой. По-видимому, это можно понять как жажду обладания истиной в любой области.

Сегодня теоретическим оправданием тоталитаризма может оказаться исламская религия, буддизм, чу-чхе, но также и вполне европейское создание, например марксизм. Случайно ли, что марксизм использовал новоевропейский миф о всесилии науки и соединил воедино социальную утопию коммунизма со сциентистским мировоззрением?

В. Степин: — Я бы не стал жестко связывать научно ориентированное мировоззрение с тоталитаризмом. Можно быть ориентированным на научное осмысление мира и быть демократом. Сама наука внутри себя достаточно демократична. Она всегда предполагает борьбу гипотез, проблем, идей. Наука внутри себя содержит определенные этические нормативы, которые, если бы политики их усваивали, сделали бы их чрезвычайными демократами. Ведь фундаментальное правило науки — ищи истину и перед истиной все равны. Это значит, что клерк патентного бюро Эйнштейн и академик многих академий Лоренц находятся в равном положении, когда они спорят о смысле известных преобразований Лоренца. Эйнштейн побеждает в этом споре, и никто не говорит ему: откуда ты взялся, ты не известен как физик-теоретик, ты пришел в физику откуда-то из патентного бюро. В науке ценятся обоснования и доказательства.

И второе. В науке есть еще одна очень важная презумпция — ценность новизны. Наука основана на инновациях. Она всегда фиксирует: вот это сделали до меня, вот это сделал я. И за всем этим кроется еще одна установка: сколько бы я ни искал истину, сколько бы я ни сделал открытий, все равно истину в конечной инстанции я не приобрету. Ни я, ни мое поколение, ни все мы никогда ее не приобретем, потому что бесконечно разнообразен мир, а мы — ограниченные существа с ограниченными средствами познания. Вот эти установки незримо сидят в теле науки.

И. Касавин: — Современной науки. Но сциентистское мировоззрение эти установки абсолютизирует.

В. Степин: — Это другой вопрос. Но, повторяю, можно считать, что мир объясним лишь на основе науки, и вполне можно быть демократом. Можно считать, что мы должны устроить политическую жизнь так, как устроена (в идеале)

жизнь научного сообщества, когда мы все равны перед лицом истины, когда мы все спорим, обосновываем, доказываем, когда сталкиваются разные мнения, когда мы ищем какое-то решение, которое приблизило бы нас к истине. Вот вам и демократия.

И. Касавин: — Но я хотел сказать о другом. Ведь наука предлагает определенный способ решения проблемы, и способ этот она принимает как единственно истинный.

Наука очень часто, по крайней мере начиная с XIX века, отвергает все другие способы познания — религиозный, мистический, магический, скептически относится к обыденному познанию.

В. Степин: — Благо науки, но и ее ограниченность, если угодно, ее первородный грех состоит не в том, что она напряженно и постоянно ищет истину, а в том, что, к чему бы она ни прикоснулась, все становится для нее предметом и объектом. Она видит мир сквозь призму предметов, объектов и законов. Поэтому для нее все — объекты, живущие по своим законам. А мир человеческих отношений укладывается в эту схему только частично, потому что есть какие-то человеческие, бытийстаенные состояния, в которых человек выступает не как объект, а как самодеятельное творческое существо, как свободный прорыв духа. Человек не может жить без надежды, веры и любви. Он не может жить, только опираясь на научные знания о том, как устроен мир. Вот где ограниченность науки.

Но приводит ли научный способ мышления к тоталитаризму? Думаю, что нет. Другое дело, что тоталитаризм может использовать те или иные идеи, вырванные из контекста науки, превращая эти идеи в мифы, которые затем начинают функционировать в качестве мировоззренческих установок. Он даже может абсолютизировать свойственное науке видение мира как объекта, полагая мир и самого человека только в качестве материала для технологических манипуляций. Подобные представления были свойственны, например, тоталитарному мировоззрению, которое утверждалось в нашей стране в двадцатые — тридцатые годы. Причем идеологизированный сциентизм выступал в эту эпоху в наиболее примитивной, механистической форме.

Природа, человек и общество рассматривались как простые машинообразные устройства, выступающие материалом для силового преобразования. Результатом же этого преобразования должны стать более совершенные машины технического и социального мира. Вспомним излюбленные метафоры партийного лексикона тех времен: партия — мотор, профсоюзы — приводные ремни от партии к массам, люди — винтики и т. д.

Поэтому уместно различать сциентизм как мировоззренческую установку и систему тоталитарного мышления, использующую сциентистскую идеологию. Научное познание многое дает человечеству, но не все. Оно всегда дополняется другими сферами культуры, с которыми наука взаимодействует. И только вся культурная жизнь обеспечивает человеческое бытие. А какая-то одна сфера никогда полностью этого бытия не исчерпывает.

В этом смысле, когда мы говорим о непознанных феноменах, их можно анализировать как явления культурной жизни, и тогда они функционируют как верования, как некие знаки, семиотические системы, которые как-то регулируют взаимоотношения людей. С этой точки зрения я должен очень серьезно к ним отнестись. В качестве семиотической системы, которая регулирует отношения людей, может выступать все, что угодно. Образ пятна, появившегося на небе, может интерпретироваться как «летающая тарелка» с инопланетянами. Солнечное затмение — как предзнаменование неудачного похода князя Игоря на половцев.

Колдовство, пророчество, предвидение, попытки заглянуть в будущее, использование различных явлений в качестве знаков — это всегда было в культуре, и явления природы никогда не выступали только как явления природы. Они были всегда и семиотическими системами, которые несли человеческий смысл. Поэтому, когда мы говорим о пророчествах и чудесах, необходимо понимать, какие культурные функции они выполняют, какие типы культуры здесь взаимодействуют.

Культура никогда не бывает однородна, она всегда гетерогенна. В ней всегда есть реликты прошлого, ценности и жизненные смыслы настоящего, начатки будущего, и все они причудливо взаимодействуют между собой.

И. Касавин: — А можно ли интерпретировать эти явления, опираясь на знания, на теоретические представления современной науки?

В. Степин: — Когда наука сталкивается с чем-то необъяснимым, она либо до поры до времени закрывает на это глаза, если явление не включается в картину мира, которую она изобрела до этого столкновения, либо вообще объявляет, что это не имеет для нее значения и она будет развиваться, как будто этого нет. Вот такой трюк наука может сделать. Она никогда не ломает свою картину мира, если какой-то факт или совокупность фактов в эту картину не укладывается. Наука всегда делает попытки «уложить» неизвестное в уже известное. И только когда такое укладывание вызывает разломы в картине мира, начинается перестройка всей этой картины. Известно, что наука — не только рост знания и поиски новизны, но и традиция, включение нового в старое. Традиция постепенно преобразуется под воздействием нового. Это органический рост знания, а не просто ломка и отбрасывание старого.

Я считаю, что крайне полезно посмотреть на чудеса с точки зрения того, чем сейчас располагает наука, может быть, даже пофантазировать, сказать, что это можно объяснить, что в этом есть и такой сугубо рациональный смысл.

И. Касавин: — Вы как раз предугадали мой вопрос, когда стали говорить о двух типах объяснения аномальных явлений. Первый, называемый мною космологическим, связан с возможностью науки вписать все эти явления в научную картину мира. А второй способ, и вы тоже о нем говорили, — социокультурный.

В. Степин: — Я бы сказал, что это не просто объяснение, а принятие или неприятие тех или иных феноменов в качестве определенных регуляторов социальной жизни. Это можно и не объяснять.

И. Касавин: — Но это же и способ объяснения, потому что культурология, истолковывая их как ответ на определенную социальную потребность, дает им какое-то толкование.

В. Степин: — Верно. Но культурология — это ведь «логия», наука, поэтому этот тип объяснения тоже научный. Впрочем, не только научное, но и повседневное объяснение функционирует по типу сведения неизвестного к известному. Когда завезли свиней в Австралию, аборигены удивлялись, какие странные лошади у европейцев, какие у них короткие ноги. Так, опираясь на знакомые стереотипы, мыслит человечество.

Есть такое восприятие чудес, аномалий, которое укладывается в религиозно-мифологическое объяснение. Для верующего человека «тарелка» может и не быть посланием иных цивилизаций. Он может объяснить ее как божий знак, божье чудо, да мало ли как можно это объяснить! Принять это в другой парадигме, где чудо никак меня не волнует своей необъяснимостью, считается нормальным: считается, что на свете есть чудеса, они должны быть. Эти два типа мышления могут соседствовать. Человек может быть верующим и ученым одновременно. Но они всегда соседствуют с трудом, потому что все-таки какая-то доминанта быть должна. Есть стремление объяснить мир рационально, а есть иррациональное принятие явлений, которые воспринимаются как знаки, как символы, которые должны нечто означать для моего поведения и действия.

И. Касавин: — Вы опять предугадываете мой вопрос.

В. Степин: — Ну что ж, будем считать это еще одним аномальным явлением.

И. Касавин: — Мой вопрос как раз имел целью привлечь внимание к третьему типу объяснения, которое альтернативно научному и не является сведением неизвестного к известному, а пытается понять неизвестное через столь же неизвестное. Может быть, популярный вариант такого объяснения — то обыденное истолкование этих явлений, которое прибегает к помощи религиозной картины мира. Можно привести оккультное истолкование оккультных же явлений. Мы не знаем, что такое мистическое заклинание. Почему оно влияет на людей, если влияет? Какой силой оно обладает, если обладает? И равным образом мы не понимаем, как шаман убеждает людей и самого себя в адекватности собственной интерпретации своих действий. Оккультные явления и оккультизм как обоснование этих действий — это тоже своеобразный способ объяснения, но для нас..

В. Степин: — У шамана ведь есть шкала отсчета. В его модели мира есть духи, которые могут быть вне человеческого тела, а могут в него и вселяться. И вот когда это происходит, человек говорит нечто такое, что ему в обыденном состоянии не присуще.

И. Касавин: — Это верно. Но для нас «духи» — тоже неизвестное. Наука не объясняет и не анализирует такие феномены. Поэтому мы можем принять оккультную форму объяснения только в том случае, если поменяем культуру, если будем рассуждать с точки зрения иной культуры. Так, например, мир религиозного человека, а также мифологический, магический мир включают в себя на равноправных началах реальное и по

тустороннее, естественное и сверхъестественное, живых людей и их умерших родственников, духов, демонов, богов... В этом мире демаркационные границы проходят иначе, чем в рациональном мире современного человека, для которого молитва или заклинание — наивное и пустое занятие. Эти миры несоизмеримы, их основные понятия различны, и взаимопонимание между ними — всегда компромисс, отказ от части идей и ценностей своего мира во имя необходимого общения с иной культурой.

Именно поэтому адекватное понимание сути оккультных феноменов для рационально-научного мировоззрения даже не проблема. Это проблема не науки, не объяснения, но культурного выбора, который неизбежно носит экзистенциальный характер. Чтобы понять мистику как мистику, нужно самому стать мистиком. Однако такая позиция исключает исследование мистики, которое может быть интереснее, чем жизнь в ней.

В. Степин: — Я согласен в одном: чтобы сделать оккультные объяснения доминантными, надо изменить всю нашу культуру. Но я не хотел бы говорить, что мистика — это объяснение неизвестного через неизвестное. Само понятие «неизвестное» здесь не определено. Если нечто — неизвестное, с точки зрения науки наших дней, то вы берете за ориентир научную картину мира. Но ведь мы говорили о том, что есть и вторая, дополнительная к ней, религиозная картина, в которой человек может жить, и она способна причудливо сочетаться с наукой. Для шамана мир духов таинствен, но известен. Он верит в то, что в него могут вселяться духи, и все, что шаман говорит, он говорит от имени этого духа, от имени богов. Он впускает в себя какие-то силы, которые до этого были вне его. Он — носитель этих сил. Мы же, сформированные в культуре, где научная картина мира очень влиятельна, мы, как ни крутись, все равно будем стремиться объяснить любое явление с точки зрения науки.

И я думаю, что в тех явлениях, которые мы сейчас называем чудесными, непознанными и т. д., действительно может содержаться какой-то еще не известный слой научных знаний, которые заставят, возможно, внести коррективы в научную картину мира. Вполне допустимо, что здесь возникнут какие-то новые области научного объяснения. Да они, собственно, и возникают. Это изучение так называемых таинственных явлений человеческой психики, изучение таких феноменов, как экстрасенсорное воздействие, и т. п.

Сошлюсь на работу лаборатории академика Гуляева, где научными методами изучаются физические и химические поля, излучаемые человеческим телом. Они способны оказывать на другой человеческий организм определенные воздействия, и вопрос состоит в том, как они сказываются на состоянии организма, могут ли они стабилизировать, энергетически подпитывать его, включать какие-то резервные механизмы. Дело это малоизвестное, и здесь открывается новое поле исследований, причем не только теоретических, но и сугубо практических. Так, в лаборатории Гуляева изобретен новый прибор для обнаружения стенокардии. Оказывается, что если человек болен стенокардией, то мышечное напряжение — сильное сжимание кулаков и напряжение мышц — сразу же вызывает появление пятна в области сердца. Излучение этого пятна может быть зарегистрировано.

Я думаю, что очень полезно попытаться включить в научную картину мира подобные «чудеса», объяснить их в уже известных научных терминах. Потом можно зафиксировать именно то, что не объясняется, и сосредоточить на этом внимание.

И. Касавин: — Однако нелишне отметить и самоценность — мировоззренческую и социальную — аномальных явлений. Мне кажется, что они сигнализируют о возможностях иной, альтернативной культуры, иной цивилизации.

В. Степин: — Это особая тема, равно как и выяснение того, есть ли, например, в астрологии нечто, мимо чего проходила наука, но что можно было бы в принципе объяснить научными средствами. Это мы обсудим при следующей встрече.

●

Продолжение следует

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ, СПРАШИВАЕТ, СПОРИТ

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Г. Померанц

Научная теория и идеология. Несколько пояснительных слов

Судя по письмам, поступившим в редакцию журнала, даже читатели, расположенные ко мне, не всегда понимали мои статьи. Я отвечу на два типических возражения, не придерживаясь точного адреса; то есть, начав отвечать одному, отвечаю многим.

В. ЧУДОВ *(Москва)* упрекает меня в недооценке интеллектуальной модели как средства научного исследования. Я этим средством пользуюсь. В № 11 журнала «Знамя» за 1991 год опубликована моя модель общих черт модернизации незападных стран. Я над ней много работал. Но я не считаю ее отмычкой ко всем замкам. Наряду с этой моделью России я строил и другие. Например, России как страны на перекрестке между культурными мирами (в такой связи я вспоминаю Индонезию, Тибет и т. п., но не стану вспоминать Индию или Китай: они в самом центре своего культурного мира). Например, России как страны, склонной к прыжкам в утопию (подобно Китаю и в отличие от Индии, которая к таким прыжкам не расположена)... То, что я критикую, это превращение модели в идеологию. Примета перехода — слово все, всех. «История всех предшествующих обществ — это история классовой борьбы» *(К. Маркс)*. «Так сложилось на семи холмах волчье племя квиритов..., да и все, кого мы знаем» *(Л. Гумилев)*. Не все страны прошли процесс модернизации, подобно России, а только незападные. Англия развивалась иначе. Не все страны склонны к прыжкам, подобным опричнине Ивана Грозного и ленинско-сталинскому социализму. В Китае такие прыжки были и в древности, и в средние века; в Индии и в Англии их не было никогда. Должен заметить, что подобрать группу стран с некоторыми сходными чертами — трудное дело. Это не идеология с ее готовыми решениями.

Предвижу возражение: но ведь классы, этносы действительно встречаются всюду, это универсалии. Да. Но не всюду и не всегда классы играют решающую роль. Не всегда можно понять историю этнически. Скажем, искусство Возрождения началось в городах северной Италии, перекочевало во Францию, Англию, частично затронуло Испанию, Германию... Просвещение началось в Англии, достигло расцвета во Франции и распространилось по свету с французским клеймом. Реалистический роман создан испанцами, французами, англичанами, а вершина его — Достоевский и Толстой. Коммунизм задуман во Франции и Германии, осуществить его попыталась Россия, продолжил (и до сих пор продолжает) Китай...

Европейские нации — с XVI века, а сейчас и все нации — не замкнутые этносы, подобные племенам, с единым племенным каноном, а открытые единства, перекликающиеся друг с другом, и единства очень сложные, членящиеся, не распадаясь на ряд типов, во многом противоположных (Рогожин и Мышкин, Пугачев и Савельич), типов зачастую «сквозных», то есть общих целому ряду наций (есть русские донкихоты; есть иваны карамазовы не только в России). Я убежден, что общность «по типажу» (всех иванов карамазовых, базаровых, хлестаковых) в иные эпохи сильнее этнических связей, и русский Базаров или Хлестаков в 1917 году ближе к еврейскому, армянскому, латышскому Базарову и Хлестакову, чем к русскому Скалозубу или к русскому Алеше Карамазову (без этого нельзя понять, как интернациональная Россия победила Россию национальную).

Вот этого всего идеология не видит. Она ухватилась за классы и тогда ей плевать на этносы. Или ухватилась за этносы, и тогда ей плевать на социальные группы, плевать на личность, не укладывающуюся ни в какие рамки. Этничен ли Сахаров? Для него нет ни одного человека вне круговой поруки добра. Этничен ли Альберт Швейцер? Мать Тереза? Ни в какую идеологию их не запихнешь.

В. ФОМЕНКО *(Петербург)* полагает, что идеология — это синоним мировоззрения, что новым (придуманным около двухсот лет назад) было только слово «идеология». Но слово не появляется без нужды. Никакого эквивалента слова «философия» не было у древних египтян, потому что и философии у них не было. Была религия, была жреческая мудрость. Философия родилась в VIII—V веках до Р. Х. одновременно в трех центрах цивилизации: в Элладе, Индии и Китае. Видимо, это связано со становлением империй, вырывавшим индивида из племенной ниши, наталкивавшим его в одиночку на загадки мироздания. Но все же в одновременном и независимом возникновении философии в трех местах остается какая-то тайна. Большие разноплеменные города выросли в восточном Средиземноморье еще в III тысячелетии до Р. Х., а философии не было. Чего-то не хватало... Потом это «что-то» появилось, и появилась

философия. Слово «философия» придумал Сократ в споре с софистами, которые вульгаризировали философствование, делали шаг к идеологии (тогда — не удавшийся). Эквиваленты «философии» возникли и на Востоке — можно спорить, насколько они тождественны. Однако одно совпадает: и в Элладе, и в Индии, и в Китае началась разработка логики. Философия — это не только новое слово, это новый тип мышления, сознающий и конструирующий свою системность, личный и логически обосованный путь...

Так же неслучайно возникла идеология. Философия никогда не была достоянием масс. Народ не философствовал, он верил. Потом, в XVII веке, религия скомпрометировала себя войнами между католиками и протестантами, фанатизмом, нетерпимостью. И еще: начались стремительные социальные сдвиги, а религии, повернутые к вечному, за ними плохо поспевали. Появилась нужда в массовой, доступной каждому философии, независимой от религии. Эту популярную философию и стали разрабатывать французы XVIII века.

В XIX веке в ход пошли научные идеологии. Теории выхватывались из определенной науки и становились объяснением всего на свете как самая вульгарная форма религии — катехизис. Идеология — это не подлинное, живое мировоззрение, а эрзац, научная или философская теория, выродившаяся в псевдорелигиозный катехизис. Подробнее я это изложил в статье «Религия и идеология» («Горизонт», 1991, № 10). Отсылаю к ней читателей. А здесь достаточно сказать, что величайшая опасность нашего времени — это движение от одной идеологии к другой, например, от интернационализма и классовой борьбы к «национально-патриотической» идеологии или к религиозной идеологии. Не к религии в ее глубочайшем смысле, не к поискам живого чувства вечности и целостности, а именно к религиозной идеологии, к богословской системе с четко обозначенными границами, за которыми — ересь и бесовщина. Идеологизированному сознанию легче повернуть на 180 градусов (из марксиста стать наци, из наци — марксистом), чем отказаться от идеологии и принять мир как совокупность открытых вопросов, понять, почему Сократ, не знавший, по его словам, ничего, был признан мудрейшим в Элладе, а софисты, знавшие все, оказались в дураках. Или, если говорить в терминах религии, понять смысл духовной нищеты (в Нагорной проповеди) и «ученого незнания» Николая Кузанского. Я не говорю, что это легко понять. Но если вы хотите философствовать, то это удивление перед бытием — на всю жизнь, это творческое сомнение во всех моделях бытия и органическое отвращение ко всякой «философии для всех», ко всякой идеологии.

ПОЧТА ОДНОЙ СТАТЬИ

А. Акифьев, «Хомо советикус — хомо сапиенс?» (1991 год, № 7)

О. ВЕСМАНОВА, кандидат биологических наук, В. ЕФИМКОВ (*г. Ташкент*): В статье А. Акифьева с новой точки зрения освещается вопрос о генофонде популяции России. Целиком и полностью согласны с автором, однако хотелось бы уточнить некоторые позиции. А. Акифьев называет только один слой нашего общества, где сегодня достаточно сконцентрированы элитарные гены,— служителей русской православной церкви. Мы же полагаем, что есть и другие — это представители русской популяции периферии (Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия, территория нынешнего Казахстана). В данном случае под элитой мы подразумеваем людей, способных к активному труду, творчеству, людей с более высоким уровнем интеллекта, не покорявшихся давлению государственного аппарата, умеющих защищать свои права, свою собственность, право распоряжаться своей жизнью и судьбой своих детей.

Если в центральных областях России, как прослеживает Акифьев, шел отрицательный отбор (так называемые элитарные гены элиминировались), то в отдаленных областях подобный отбор был ослаблен. Более того, там имели место элементы обратного процесса — положительного отбора элиты общества.

Чтобы понять современное состояние генофонда русской популяции периферии, обратимся к истории ее формирования.

Первый поток русских шел на окраины России с экспедиционными войсками и административными чиновниками. Здесь оседали семьи далеко не худшей части русского офицерства. Следом двинулись инженеры, врачи, педагоги, ученые,— безусловно, неординарные люди — подвижники, не только с высоким уровнем профессиональных знаний, но и уверенные в своих силах, способные на новом месте поднять порученное дело. Это была наиболее активная часть русской интеллигенции. Заметим, что подвижничество как социальная модель поведения имеет под собой генетическую основу.

Второй поток составляли ссыльные. Несмотря на достаточно пестрый состав, эту категорию отличали характерные черты. Свободомыслие, сопротивление произволу властей, способность защищать свои права, частную собственность, развитое чувство собственного достоинства, непокорность у ссыльных были выше среднего уровня. Эти качества также имеют в основе своей генетическую детерминированность.

Третьими следует назвать вольных переселенцев, искавших на окраинах лучшую жизнь. Мобильные, предприимчивые, способные начинать с нуля, уверенные в собственных силах, они смогли выделиться из своей среды, подняться с насиженных мест.

Эти потоки шли параллельно на протяжении одного (в Средней Азии) или нескольких столетий (в Сибири, на Дальнем Востоке, на территории нынешнего Казахстана).

Впрочем, наш список будет неполным, если игнорировать последующие социальные взрывы и исторические катаклизмы. В период польского восстания в Среднюю Азию насильно переселили несколько тысяч поляков. В основном то были мелкопоместные дворяне, органично влившиеся в русскую колонию. Во время Октябрьского переворота, красного террора и гражданской войны на окраинах оказалась искавшая спасения часть дворянской интеллигенции России. В период фашистского нашествия здесь же осела часть из эвакуированных высококвалифицированных специалистов и кадровых рабочих.

Наконец, следует назвать, и генетическое взаимодействие русской популяции с коренным населением (проще говоря межнациональные браки). Это приводило к генетическому обогащению и «улучшению» русской прослойки.

Изложенное позволяет считать, что русское население окраинных территорий представляет собой определенную генетическую ценность. Видимо, это следует учитывать при разработке долгосрочных программ возрождения России.

А. ИВАНОВ (*г. Брянск*): Я читатель (и почитатель) журнала с довоенных лет. У меня, как и у всех, есть любимые темы и проклятые вопросы, на которые очень хочется получить ответы. Признаться, давно я ждал такой информации в научно-популярной литературе, как статья А. Акифьева. Время замалчивания кончилось (или сделан перерыв?) и хочется прочитать и о подлинной философии, и о теориях элиты, и о евгенике. К сожалению, автор не употребляет этого термина. Гальтон не виноват, что его идеи использовали фашисты, так же как и Вагнер — что его музыка нравилась Гитлеру. Тем не менее музыку Вагнера мы не слушаем уже пятьдесят лет, а для евгеники придумано другое название.

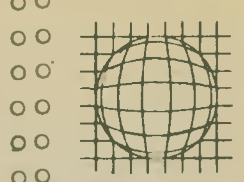
В настоящее время публикуется много высказываний о возрождении духовности, интеллигентности и самой культуры. Экологи борятся за чистоту окружающей среды, экономисты ратуют за экономический прогресс. Удивительно, что при этом забывается человек, точнее, его биологический компонент.

Генетический фактор тоже должен приниматься во внимание я сейчас, когда остро стоит вопрос возрождения сельского хозяйства и крестьянства.

В настоящее время, по крайней мере в средней полосе России, в оставшихся деревнях и селах представители десяти — пятнадцати коренных жителей являются родственниками не далее четвертого-пятого поколений. Через пятнадцать — двадцать лет на потомстве станут сказываться последствия Чернобыля. Картина вырисовывается довольно мрачная и, думается, без евгенических мер, которые применяются во всех цивилизованных странах, не обойтись. В свое время меня поразило краткое сообщение в газете «Советская Россия», что в Южной Корее двум молодым людям, носящим одну фамилию, не разрешили вступить в брак, так как они оказались родственниками в четырнадцатом поколении.

В отношении гетерозиса есть сомнение. Дело не только в том, что барьер на пути межнациональных браков рухнул, мягко говоря, не совсем. Дело в отдаленных последствиях. Если не ошибаюсь, Дарвин в свое время заметил, что если скрещивать две породы домашних уток, то только первое поколение будет превосходить родителей, а при дальнейшем скрещивании потомство все более будет приобретать черты общего предка — дикой утки. С другой стороны, в наше время наибольшую стабильность и успехи в экономике и других областях демонстрируют страны с однородным этническим составом, такие, как Япония, ФРГ, Швеция, Южная Корея.

ВО ВСЕМ МИРЕ

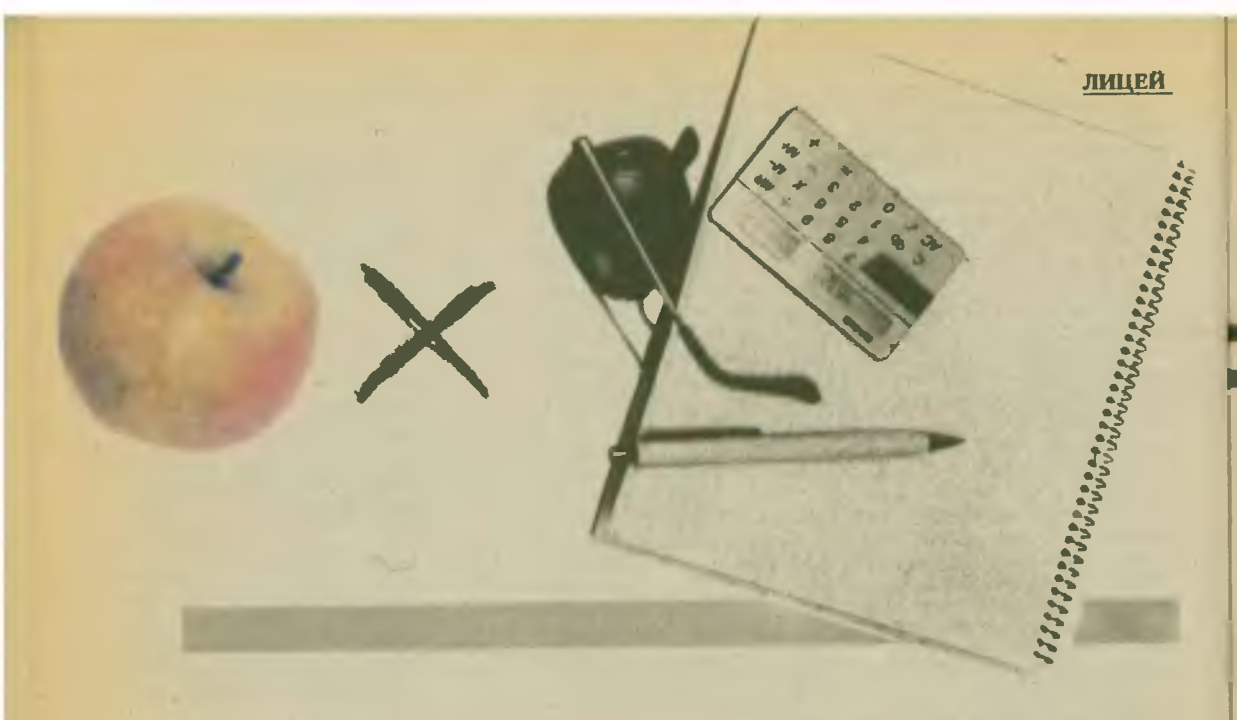
Вместе — надежнее

Группы исследователей окружающей среды в США и в нашей стране подписали исторический документ — соглашение, гарантирующее проведение совместных работ по спасению рек и ликвидации ряда проектов строительства крупных плотин, а также изменения течения рек, наносящих значительный ущерб окружающей среде обоих государств.

Ученые нашей страны поддерживают Национальную федерацию по охране живой природы США и другие природоохранные организации в их борьбе за спасение реки Платт в штате Невада. В Федеральную комиссию по регулированию энергии было направлено письмо, в котором комиссию настойчиво призывают упорядочить работу плотины Кингсли, чтобы сохранить места обитания стаи канадских журавлей, мигрирующих в нашу страну. В свою очередь, Национальная федерация по охране живой природы и другие природоохранные организации США будут помогать нашим ученым в работах по спасению Волги, Катуни и Аральского моря.

Животный мир Венеции

Зоологи утверждают, что большие города уничтожают фауну в окрестностях. В Венеции же наоборот: фауна уничтожает большой город. Мэрия этого великолепного города ломает голову над тем, как избавиться от 250 тысяч голубей и 300 тысяч диких кошек, облюбовавших город в лагуне. Население Венеции не превышает 400 тысяч человек, и на каждую семью там приходится две-три кошки.

А. Цирульников

Фермеры и свинопасы

Веселые картинки народного образования

В давние-давние времена, когда на земле еще не было фермеров, идет учитель и встречает крестьянина, пасущего свиней. «Зачем ты это делаешь, лучше кормить их в яслях,— говорит учитель,— не теряй время». «Но свинья не понимает, что такое время»,— удивился свинопас.

«Так выпьем за то,— поднял тост директор Департамента сельскохозяйственного образования Объединенного королевства Нидерланды доктор Херман Белтман,— чтобы крестьянин со своей свиньей быстрей превратился в фермера».

По-моему, он посмотрел на меня. Но я не обиделся. Во-первых, до поездки в Голландию я не понимал разницы между фермером и свинопасом. А во-вторых, мои профессиональные интересы лежат в другой области — истории образования. С этой точки зрения я бы и хотел рассмотреть двух героев народного эпоса. И по возможности пролить свет на то, кто из них наиболее близок нам сегодня и кого следует ожидать в скором будущем.

Школа крестьян Масловых

По мнению дореволюционных историков, Петр Аркадьевич Столыпин запоздал со своей реформой лет эдак на пятьдесят. Если бы ее провели сразу после отмены крепостного права, в 1861 году, из общины могла уйти в вольные хозяева весьма большая и ценная часть крестьянства, и уйти, может быть, навсегда. Но Столыпин возник на исторической арене на пятьдесят лет позже, когда крестьянская община уже окрепла и создала свой собственный способ хозяйствования, особый уклад жизни. Создала и свое народное просвещение — крестьянские школы грамоты. Позднее в деревне появились и иные — земские, министерские, но суть народного образования осталась прежней: письмо, чтение, арифметика, закон Божий.

Примечательно, что все попытки народных учителей, земств реформировать крестьянское образование, внедрить гигиену, медицину, специальные, по типу германских, сельскохозяйственные школы неизменно терпели крах. Крестьяне, сами, на свои средства открывавшие школы грамоты и жаловавшиеся в управу, если таковой в деревне не было, точно так же настойчиво и упрямо отторгали «нововведения». Просветители досадовали, укоряли мужиков в невежестве, но в конце концов поняли, что эта избирательность общины не случайна. Так, как жила община, как хозяйствовала, ей действительно хватало грамоты. Зачем ей господская медицина, если свои нужды обслуживала народная? К чему сельскохозяйственные школы, если общинный труд держался на вековом опыте, передавался от отца к сыну?

В 1907 году началась знаменитая земельная реформа. Ее смысл заключался в том, чтобы оторвать крестьян от общины. Зачем это было нужно? Главная причина — община стояла на пути молодого российского капитализма, уже пробивавшего дорогу в промышленности, торговле. Рынок требовал свободных предпринимателей.

И они появились. За десятилетие — 1907—1916 — кнутом ли, пряником из общины выманили около трех миллионов крестьянских дворов. Заметная часть к семнадцатому году вернулась обратно. Это были вышедшие силком, по недоразумению, сгоряча, как говорили тогда, отражавшие не землеустройство, а сплошное «землерасстройство». Но примерно треть выходцев, почти миллион дворов, имевших осмысленные цели — продажа наделов или их укрепление, прекращение чересполосицы и выход на отрубы, стремление к личной независимости, социальным опытам и экспериментам,— не только обустроились на хуторах, но начали кооперироваться. К 1914 году на селе появилось около восьмидесяти тысяч сельскохозяйственных кооперативов, потребительских и кредитных обществ, товариществ, которые объединяли свыше десяти миллионов кооператоров.

И нельзя сказать, что совсем не цивилизованных. У них был новый запрос на образование. В уездах, селах как грибы росли сельскохозяйственные курсы, открывались школы, библиотеки, поднимались народные дома, свободные предприниматели распространяли «волшебный фонарь» и передвижной кинематограф.

Но тут начинается другое кино, в главных героях — большевики. Сюжет известен: после гражданской — военный коммунизм, затем нэп — шаг вперед, два шага назад. Кооперация отсекается от народного просвещения, общекультурный уровень масс берет на себя Пролеткульт. Старые силы сопротивляются, но все заканчивается «хэппи эндом» — ликвидировано частное предпринимательство, вбит гвоздь в гроб буржуазной кооперации. А с другой стороны, удалось сделать то, чего не смогла столыпинская реформа,— разогнать «самочинную», «мятежную» крестьянскую общину. На ее месте было создано мирное коллективное хозяйство — колхоз.

Вместе с ним и для обслуживания его нужд возникла и новая система народного образования. Берущая начало в школах колхозной молодежи (ШКМ), она в своих основных чертах сохранилась и поныне. В ней, как в зеркале,

отражаются принципы советского коллективного хозяйствования: мифологичность — отсюда сказочность школы, былинная широта всеобщего образования, воспевание всесторонне развитой личности; насильственность — всеобуч, коллективное воспитание; четкий функционализм, соответствующий роли членов колхоза,— упорная подготовка доярок и трактористов. В принципе эта система народного образования идеальна, она хорошо приспособлена к нуждам советского коллективного хозяйствования — колхозам и совхозам и, на наш взгляд, не нуждается в совершенствовании.

Тут бы истории конец. Но вот беда — опять оживают тени Александра II, Петра Столыпина. Снова земельная реформа! На сегодня в России зарегистрировано около шестидесяти тысяч индивидуальных хозяйств. Эти выходцы из колхозов и совхозов, сельские и городские жители опять начинают кооперироваться — АККОР, союз арендаторов, крестьянская партия. Что это за ситуация — 1861 или 1907 годов, сказать трудно. Но все идет по тому же сценарию. Члены крестьянских хозяйств и ассоциаций начинают испытывать нужду в образовании. Чем они интересуются? Огородничеством, садоводством, практическим животноводством. Правом, даже с элементами историческими: какое право в зародыше у Советов? могут ли они землю давать? как отбирали? может, лучше мировых посредников? — интересовался краснолицый, голубоглазый, бородатый Константин Маслов, крестьянин из деревни под Палехом. В деревне у них было два дома — его да брата товарищество. Держали овец, бычков столько, чтобы «удержаться на плаву». А чего не плывут? Да чтоб не дразнить: неровен час — потопят. Незадолго до августовского путча он все уж рассчитал: овец зарежут, технику продать можно, дома — на дрова. Землю вот жалко — навоз вкладывал... А сколько земли человеку надо? «Товарищ Калинин в тридцать втором дал сорок соток».— «Все-таки больше, чем три аршина».— «А что на них сделаешь?»

Крестьянин Маслов рассчитал, сколько земли надо в Нечерноземье, чтобы завести дело. Растолковал нам, как в районах организуют голод, зачем нужна мужицкая кооперация. Своя школа, ну хотя бы курсы при крестьянском кооперативе, как в Пыталово Псковской области. Туда за советом приходят крестьяне и крестьянки, иногда с детьми, и те с любопытством слушают взрослые разговоры. У кого поучиться бухгалтерии? Чем защищать кредиты? Как воспитывать детей? Вопросы все личные, индивидуальные, в колхозной школе на них не ответят. Но вот что я обо всем этом думаю.

Образовательные интересы крестьян второго круга в среднем соответствуют уровню запросов выходцев из общины начала века. Сам облик начинающих хозяев очень напоминает социальный тип наиболее продвинутых тогда сельскохозяйственных работников — кулаков и средних крестьян. Это люди, безусловно, смышленые, толковые, предприимчивые. Чем можно помочь им в образовании? По-моему, не городить огород. Надо вытащить из архивов прекрасные программы начала века, зимние и воскресные школы, практические курсы. Научить, как выращивать капусту, как ухаживать за поросятами. Ведь, как показывает, например, китайский опыт, для того, чтобы на рынке появилась свинина, вовсе не обязательна культурная революция. Немного здравого смысла.

Как вы заметили, слово «фермер» я ни разу в этой главке не упомянул — оно к нашей истории пока не имеет отношения.

Школа фермера Бома

В департаменте сельскохозяйственного образования Голландии мне рассказывали, что сто лет назад у них было то же самое. Постукивали деревянными башмаками с загнутыми носами, проклинали бедное сельское хозяйство. Находились под страхом чудовищных наводнений, запечатленных еще в картинах старых фламандских мастеров. В семидесятые годы прошлого века была создана правительственная комиссия по анализу ситуации. И выявились две возможности. Одна простая — поднять цены на продукты, вещи. А другая посложней — как-то повысить значимость, ценность образования в жизни каждого человека. И сто лет назад они выбрали образование.

Тут-то и начинается другая история. Я обрисую ее очень грубо, как понял и увидел. Основы, объяснили мне, остались с того времени. Вот одна идея столетней давности. Фермеру нужно новое знание, а чтобы его иметь, надо исследовать; а чтобы появились люди, которые это умеют, им тоже нужно образование. Сто лет назад они и придумали этот треугольник, внутри которого фермер, а в вершинах — «исследование», «образование» и «консультации». На это, пояснили мне, уходит половина бюджета министерства сельского хозяйства. И совет по инновациям, который есть в каждой сельскохозяйственной школе,— тоже идея столетней давности.

Я поинтересовался: а как вы все это реализовывали? О'кей, сказали мне, только не переносите один к одному. А мы вообще, похоже, не собираемся, ответил я.

Мне показали диаграмму. Лет сорок до начала века они проводили всеобщее начальное обучение плюс зимнее — фермерские кооперативы открыли зимние курсы для взрослых. Приблизительно с 1910 года начали обучать учителей сельскохозяйственных школ. В год «великого перелома», 1929, ввели в сельской местности восьмиклассное обучение, включая два года в профессиональных школах. К школам для взрослых прибавились классы для детей.

После второй мировой общее образование подняли до шестнадцати лет, и на этой основе начал разматываться клубок профессионального — младшие сельскохозяйственные, средние, высшие... Двадцать фермерских журналов, шестьдесят типов разных курсов. Исследовательские центры, информация, консультации... «Ну, поехали?» — говорит по-русски инспектор департамента Паул Энгелькамп. На самом деле он по-русски не говорит, запомнил несколько фраз и время от времени нас пугает. Сидим в машине; размышляем с коллегой о российских реалиях, и вдруг молчащий за рулем Паул заявляет: «Я все понимаю, что вы говорите». Мы вздрагиваем. Но это шутка, ничего он не понимает.

Правда, и мы мало что понимаем в этом голландском мире. Он круглый, как сыр. Плоский — без возвышенностей. В нем все искусственное. Скоростные автотрассы отгорожены от селений, ветряных мельниц антишумовыми стенами. «Вторая природа», цивилизация сидит как бы внутри первой. Тоннели, прорытые под каналами, система насосов, дамб сделали людей независимыми от стихии. Вся их жизнь держится на цивилизации, на технологиях, очень высоких, качественных, надежных. Мы проезжаем застекленные километры теплиц, там внутри — тоже цивилизация, регулирование дня и ночи. А рядом, показывают нам,— центр контроля качества, институт улучшения растений, институты механизации, организации фермы... Все на земле, все рядом. Для нас это странно.

Мы заезжаем в разные организации, связанные с фермерами. Через месяц в образовательной редакции нашего Центрального телевидения (тогда еще — Кравченко) у меня попросят кассету — показать фильм о фермерстве и, к моему ужасу, вырежут все, кроме свиней, коров. В общем-то это понятно: ищем похожее. В Голландии, однако, мы видели его меньше всего. Мы заезжаем в офисы, информационные центры, в банк, на биржу, на аукцион, в фермерскую ассоциацию, где терпеливо дожидаются приема высшие государственные чиновники. Нам показывают все это, рассчитывая, что мы поймем: фермерство — это громадная, с мощнейшим пучком связей индустрия. Престиж фермера в обществе — диагноз его развития. «Быть в Голландии фермером очень престижно,— поясняет инспектор Паул,— а в Исландии, например, нет».— «А уровень сельского хозяйства там низкий?» — «Низкий»,— кивает Паул и рассказывает байку: «В Исландии в семье фермеров самый умный сын идет в университет, а самый глупый остается на ферме. А в Голландии самый умный остается на ферме».— «А глупый...» — продолжаю я.— «Нет, второй,— поправляет меня Паул,— идет в университет». После этого он еще будет уверять меня, что голландцам неведомо чувство патриотизма.

В младшую сельскохозяйственную школу мы не заезжали. Поэтому знаю только на словах, что обучение сельскому хозяйству начинается тут с двенадцати лет. Два года общеаграрная ориентация, потом что-нибудь выбираешь. Не понравилось — пробуешь другое или возвращаешься в основную школу и там ищешь. Подобную сельскохозяйственную школу видел в Норвегии, там учились немного постарше. Находилась она в горах среди неописуемой красоты. В здании, выстроенном в начале века, пахло деревом. В вестибюле сельскохозяйственной школы висела оленья голова, офорты и картины самых известных в Норвегии художников. В парке росло пятьсот разных видов деревьев. Была теплица, ферма, лаборатории — почвоведения и микробиологии. Я смотрел на почки в пробирке и вспоминал биоцентр «Пущино» — славу отечественной науки на уровне норвежского ПТУ.

Тут мой коллега, московский автомобилист, просит, чтобы я перестал отвлекать за рулем Паула. Его «Вольво» идет за сто пятьдесят. Про здешние дороги говорить нечего, всем известно. И вдруг на прекрасной дороге к фермеру — колдобины. «Ага,— говорю я Паулу,— это нам знакомо».— «Конеч-

но,— отвечает он,— тут же школа. Чтобы ехали медленней, сделаны бугорки». Чего?! Бугорки на дороге они сделали. Да если судить по бугоркам, вся наша страна педагогическая! «Понимаю»,— говорит Паул по-русски. Ни черта он не понимает.

Приехали в колледж, среднюю сельскохозяйственную школу в Домкирене. В учебном плане — маркетинг, менеджмент, бизнес, социальная психология... А это для чего? Нам объясняют так: фермер — это бизнесмен. Надои на двадцать процентов зависят от коровы, на восемьдесят — от менеджмента. Еще. Фермер должен уметь общаться, знать, как давать интервью и продавать лучше, понимать, почему один быстро адаптируется к новой ситуации, а другой нет... А действительно, подумал я, почему? Чего ему не хватает?

Школа в основном теоретическая, практику проходят на фермах. Посмотрели кино. Фермер, преподаватель и студент анализируют ситуацию. Какая же она, оказывается, сложная! Как мы ее запутали! Не разберешься без консультантов. Только где они, консультанты? А-у! Где вы? У них консультанты приходят сами. Я не поленился и записал, в чем они фермера консультируют. Бухгалтерия, коммерция, биржа, индустрия, профсоюзы, банки, сорок видов и направлений сельского хозяйства, машины, компьютеры, внутренняя и международная политика, биология, экология, интеркультурные коммуникации...

Ну, кажется, ясно? И этот процесс, начатый сто лет назад, лавинообразно растет — ежегодно все новые и новые виды консультаций. В информационных центрах собираются данные о фермерах всей Европы. Учебники в мягкой обложке, каждые два года новые. Появляется что-нибудь новое, и тут же ученые: чем это фермер занимается? И тут же образуется группа, и новый учебный курс. Маленькие подвижные группы, колоссальное число разных курсов. Голландцы считают, что в нынешней ситуации такая форма самая удобная. Это не надо понимать так, что мы можем проскочить элементарную стабильную сельскохозяйственную школу. Ничего не делая, мы время от времени озираемся на Запад, на Восток и удовлетворенно замечаем: «О, а у них этого уже нету. А у них теперь вот что».

По-моему, мы не отдаем себе отчета, в каком времени находимся. Может, потому, что у нас не было такой области — сравнительная педагогика? Вот фрагмент из нее. В Норвегии, например, закон о начальном образовании был принят на многие десятилетия раньше, нежели в России. Норвегия проводила начальное, в том числе сельскохозяйственное, обучение медленно и постепенно — минимум век. А в Советской России, согласно декрету Наркомпроса, массовую безграмотность должны были ликвидировать к десятилетию Великой Октябрьской революции.

«Русское солнце»,— показывает Паул на шар над автострадой.— «Почему?» — «Красное». Я не соглашаюсь, у нас сейчас изменения. «И какого цвета, розового?» — «Смешанного».— «Тогда, значит,— делает вывод Паул,— русское солнце белое».

Половиной земли фермеры в Голландии владеют, а другую половину арендуют у собственников. Мой московский коллега настораживается: «Они богатые?» — «Нет».— «Почему?» — «Потому, что правительство регулирует цены на землю и еще налоги с прибыли...»

Вот как? А мы все пугаем. Записываю в блокнот для себя: чем выше классовое сознание, тем ниже уровень образования. У фермеров-растениеводов он самый высокий, университетский. Но Паул считает, что эта ситуация неинтересна: в Голландии растениеводов мало, получил диплом и финиш. Гораздо интересней ситуация с цветоводами. Образование у них самое низкое, по голландским меркам, зато объем цветоводства на рынке самый высокий — 100 миллионов цветов в день, треть мирового рынка. Экономика толкает образование, цветоводы кидаются на разные курсы, пробуют то, это — интересно.

Может, и интересно, говорю я, но непонятно, кто кого толкает: образование или экономика? «О'кей,— кивает Паул,— объясняю по-другому».

Вот прекрасный пример для начинающего фермера. Допустим, вы хотите им стать. Пожалуйста. Банк открывает кредит. Никто не спрашивает, сколько классов вы окончили (у нас уже начинают спрашивать, но это наша особенность). Некоторое время вы спокойно работаете, никто вас не беспокоит. Но в один прекрасный день на ферме появляется консультант, скажем ветеринар, и интересуется: что это такое там выросло у коровы под хвостом? И если вы не можете ответить толком, вас спросят: а где вы учитесь? А если и на этот раз не получат ответа, консультант просто сообщит в банк: этот фермер нигде не учится, он не может вести дело. И банк ставит точку. Банк — контролер и регулятор образования. Банк, биржа, аукцион... Образование просто вросло во все структуры, образовательны практика, экономика, политика. Вся общественная практика образованая...

Ну еще один пример для закрепления — практическая школа в Бариевальде. Специализируется на международных проектах в странах Азии и Африки. То, что нам надо. Восемьдесят процентов времени, сорок курсов в неделю — практика. Свиньи, коровы, кролики... Интересуюсь, а чья это школа? Вопрос вызывает заминку. Наконец отвечают: фермеров. Ясно. Они, значит, платят. Нет, поправляют, платит государство. Как это? Ведь кто, как говорится, платит, тот заказывает музыку? Ан нет, то чисто российские мечтания, и к тому же маниловские. Нам не нравится музыка, и мы мечтаем: вот соберутся крестьяне, встанут на ноги и закажут другую. Какую? В Голландии вся система устроена иначе, и музыка играет такая: государство платит, контролируя конечные результаты. Фермерская ассоциация нанимает учителей, учителя учат по собственным учебникам и программам, ученые помогают учителям повысить квалификацию. Каждый вносит свой вклад, а монополии ни у кого нет.

Народное ж образование...

Что мы еще в нем увидели? Тропическую школу в Дейфинтере — она не типична, как все аграрные школы Голландии; сельскохозяйственный университет, в чудесной библиотеке которого имеются старые отчеты Петровской академии, нынешней Тимирязевки; институт общества СТОАС — содействия аграрному образованию, где готовят учителей сельскохозяйственных школ... За неделю пробегом мы осмотрели их, кажется, около двух десятков. И я вот теперь думаю: что осталось в памяти? Не коровы, не свиньи, даже не компьютерная графика, а, пожалуй, человеческие лица. Вот что самое странное: сельское хозяйство, но всюду человеческие лица.

И на ферме, куда мы в конце концов доехали. У фермера Яна Бома было замечательное лицо. Над таким, чувствуется, поработали многие поколения. Они жили в этом же доме с камином, книгами, картинами в рамах, старинными часами. На стене в доме, правда, не висело генеалогическое древо предков с семнадцатого столетия — такое я видел в доме норвежского фермера,— но схема дедовской фермы тут была. Ян Бом унаследовал ее от отца. Судя по фотографии, он был похож на него. В шейном платочке, модном клетчатом пиджаке. Фермер с университетским образованием.

О чем говорить? Ну, и спросил, для чего в обществе изобилия, где все ломится от избытка, где заият каждый кусок земли и нет никакой нужды в фермерах, столько фермерских школ, курсов, университетов? Зачем вам столько? — спросил я фермера Бома. Его ответ состоял из трех пунктов. Первое. Сельское хозяйство, сказал Бом, это древнейший вид культуры. Второе. Ну да, вон тот просто учится и не хочет идти на ферму. Но он вообще пока не знает, чего хочет. А вдруг потом захочет? И третье, не менее странное. Да, сейчас у нас такая ситуация — изобилие, хватает фермеров. А вдруг ситуация изменится?

Правда, странно? Какая-то совершенно другая логика. Явно не наша. Нам сейчас не до этого. Криком не докричишься. Письмо не отошлешь — клей не клеит, конверт кривой. Поле скособочено, если что уродилось, так урод. Вырастить хоть бы крестьянина начала века, научиться элементарному... И все-таки, думал я в Голландии, надо бы крестьянину и про это знать. Чтобы перестали «вешать лапшу на уши»: не хватает, мол, только техники, не те цены... Интересно, врут или не врут? А может быть, и не врут? Просто свинопасы. Ах, какое громадное общество свинопасов!.. У какой ямы пасем...

А голландцы считают, что я не прав. Нельзя делить мир на фермеров и свинопасов. Это и исторически неправильно. Фермеры вышли из свинопасов, в каждом свинопасе есть немножко фермера. Да и кто может знать, кроме самого человека, что из него выйдет. «Ну а вам-то зачем это нужно? Какой у вас интерес?» — спросил я Паула, когда мы подписали договор о намерениях — не знаю только, реализуются ли — открыть в России фермерские школы. «Очень просто,— ответил он.— Дело не только в том, что мы заинтересованы в стабильной политической ситуации в Европе, значит, и в России, а основа стабильности — нормальная ситуация с питанием. Это вы поправите... Но наша наиболее ценная продукция — семена, высокие технологии, а они стоят очень дорого, разрабатывать их в одиночку невозможно. Мы хотим сотрудничать с вами...»

«Я все понимаю, что вы говорите»,— ответил я по-голландски. Он засмеялся. По-голландски я, конечно, ничего не понимаю. Но мне кажется, они думают о нас лучше, чем мы сами о себе. ●

А. Лившиц

доктор экономических наук (Центр ИСТИНА)

Российские рыночные рефлексы

Русские долго запрягают, но быстро ездят.
Народная мудрость

Российские реформаторы любят подчеркивать свою приверженность макроэкономическому регулированию, полагая, что наши потребители и производители ничем не отличаются от людей, живущих в других странах, и обладают теми же рыночными рефлексами. При этом обижаются, когда их упрекают в плохом знании жизни. А напрасно. Такую критику надо принимать, хотя бы отчасти. Ведь между правительственными регуляторами и политическими целями находится не тот механизм, что в других государствах. Здесь своя микроэкономика, хозяйственное поведение людей весьма своеобразно. Разумеется, все еще довлеют советские экономические замашки, которые, однако, на глазах ослабевают, постепенно растворяются. Что же останется, когда они исчезнут вовсе? Поведение, убежден, будет рыночным, но все равно проявится в особых, национальных, российских формах. На это надо обращать внимание, учитывать при формировании политики, помаленьку помогать закладке основ собственного экономического устройства.

Возьмем, к примеру, проблему инфляции. Для того чтобы поставить ее под контроль, правительству надо иметь представление о силе инфляционных ожиданий, в частности ценовых. Иначе нет ясности со ставкой по кредитам Центрального банка, вероятной динамикой цен, размерами частных сбережений. Сюжет с ценовыми ожиданиями несложен и известен не только соотечественникам. Сталкиваясь с постоянным ростом цен, потребитель постепенно теряет оптимизм, проникается уверенностью, что так будет вечно и удешевления товаров уже никогда не дождаться. Стараясь действовать рассудительно, он нагнетает спрос в ущерб сбережениям. Накат спроса поднимает цены, и, обнаружив это, гражданин от души радуется собственной мудрости: промедление с покупкой сегодня обернулось бы переплатой. Растет убежденность в правильности такой модели потребительского поведения, а вместе с ней и цены. Выходит следующее: чем умнее и расчетливее потребитель, тем хуже для него и народного хозяйства в целом, попадающего на колесо открытой инфляции. Как видно, экономикой сумасшедшего дома можно назвать не только нашу, но и любую другую, где идет неуправляемый инфляционный процесс.

Российский рынок чутко реагирует на импульсы ажиотажного спроса, посылаемые ценовыми ожиданиями. Но ведь у нас есть еще свои, собственные: опустошение прилавков идет как под страхом подорожания, так и из-за опасений, что товары исчезнут вовсе и надолго. Потребитель берет не один тюбик зубной пасты, а сразу десять. И когда паста действительно пропадает, уходит на дно, над которым громоздится толща ажиотажного спроса, потребитель удовлетворенно потирает руки: как же, отказавшись от покупки десяти тюбиков, ходил бы он сейчас с нечищенными зубами.

Это — дефицитные инфляционные ожидания. Они уникальны, и в рыночных экономиках практически не встречаются. В России же, наверное, такие ожидания сильны как нигде и, соединяясь с ценовыми, вызывают натуральную потребительскую паранойю. За ними стоит экономическая память нескольких поколений, живущих в условиях хронического товарного дефицита и не знающих ничего другого. Даже при успешном продвижении рыночной реформы дефицитные ожидания еще долго будут определять специфику российской инфляции. У того, чей разум помутнен реальным социализмом, страсть к необязательным покупкам едва ли слабее переживаний голодавшего, укрывающего под подушкой никому не нужные корки хлеба. Если этого не учитывать, то можно сильно просчитаться с оценками эффективности антиинфляционной политики.

Надо еще иметь в виду, что многие российские промышленники пока не умеют самостоятельно выбираться из тяжелых финансовых ситуаций. Предпочитают придавать экономическим проблемам политическое звучание, втаскивать их в парламент, там наезжать на правительство, добиваясь дотаций, аннулирования долгов, льготных кредитов, налоговых поблажек, то есть толкая власть на путь инфляции. В таком поведении, конечно, много советского иждивенчества — навыки, обретенные за десятилетия государственной экономики, мгновенно не проходят. В ходе рыночных преобразований они претерпят существенные изменения. Но окончательно все равно не исчезнут.

Дело в том, что элементы государственного патернализма, более заметные, нежели в других странах, отвечают национальным экономическим традициям. В них не только советское, но и российское. И нашим правительствам, вырабатывающим антиинфляционные планы, надо заранее готовиться к тому, что и впредь некоторых производителей придется спасать, в той или иной форме снабжать деньгами. Хоть это теоретически неверно, плохо согласуется с мировой практикой, но делать-то все равно придется.

Если учитывать, что мы только формируем современную государственность и впереди длительная политическая нестабильность, то можно предположить еще одну особенность российской инфляции. Речь идет об инфляционных методах, имеющих целью ослабить социально-политическое напряжение в определенных отраслях и регионах, повысить рейтинг того или иного политика, ублажить избирателей накануне выборов, референдумов и т. п. Политиканство? Несомненно. Ведь общество позволяет властям распоряжаться частью ресурсов совсем не для того, чтобы их пускали в ход ради решения конъюнктурных политических задач. Но, честно говоря, такое практикуется везде, и еще не известен настоящий политик, который бы в трудный момент не становился политиканом. Российские лидеры отличаются от других разве что манерой поведения: там предпочитают косвенные методы, здесь больше любят прямые и, подчеркнем, чисто инфляционные — деньги в руки. Тут есть, правда, и положительный момент. Если власти мечтают снискать расположение населения, страстно домогаются взаимности, то получается, что с мнением людей уже нельзя не считаться, их голоса имеют определенную ценность. Надо научиться распоряжаться ею так, чтобы держать правителей под контролем, не допуская грубых посягательств на наше благосостояние.

Другой сюжет — из области распределения доходов. Конечно, прежняя система в новых рыночных условиях совершенно неприемлема. Нам хорошо известно, чем на деле оборачивается социалистическая справедливость: зависть превращается в добродетель и возводится в ранг государственной политики, все население вовлекается в пристальное разглядывание содержимого чужих карманов, процветает уравниловка, убивающая стимулы к высокоэффективному труду, появляются теневые распределительные каналы, в том числе и доселе невиданные. И тем не менее большинство населения, с облегчением отрешаясь от прошлого, боится будущего, с большим трудом приспосабливается к необычным для себя, рыночным критериям справедливости распределения, крайне болезненно реагирует на нарастающее социальное расслоение. Тут еще инфляция, что называется, подливает масла в огонь. Она быстро разделила граждан по сортам, причем самой массовой оказалась последняя группа, представителям которой в принципе недоступны высококачественные товары и услуги. Дорожает и необходимое, что заставляет человека работать, как животное, за прокорм, с той лишь разницей, что волу или лошади денег не платят, а еду дают сразу натурой.

Будем надеяться, когда-то наступят времена стабильных цен и развитых рыночных отношений, что избавит экономическую психологию среднего россиянина от следов развитого социализма. Но и тогда, убежден, она не станет подлинно рыночной, сопоставимой, скажем, с американской. И никогда такой не будет. Обязательно скажутся национальные традиции. Многие из них так и остались неподвластными тоталитарной системе, сумевшей только изменить их форму.

Например, соотечественники так же, как и граждане других стран, нетерпимы к доходам криминального характера, нечестно нажитым деньгам. А вот отношение к легальным доходам неодинаково. За границей справедливость обладания доходом обычно определяется его юридической неуязвимостью, соот-

ветствием действующнм закоиам. В России на эти вещи всегда смотрели гораздо шнре. Даже те состояния, что отличались абсолютной правовой безупречностью, зачастую признавались несправедливо составленными. Это вызывало брожение в умах, массовое недовольство, доходившее порой до открытого общественного противостояния. Ведь праведность овладения богатством поверялась еще отношеиием хозяиа к работнику, желаинем поделиться с бедными, происхождением (сколочено своим трудом или, допустим, биржевыми спекуляциями), поведением на рынке (божеские или грабительские цены). Если вдуматься, то эти и многие другие нерыночные факторы действуют поныне, разве что в своеобразных советских формах. Они явно ие влезают в универсальные теоретические схемы: если, скажем, грабительская цена отдаленно напоминает цену равновесия, то божеская, видимо, встречалась только у нас. С точки зрения мировой экономической теории и практики, указанные обстоятельства деформируют рыночную систему, снижают ее эффективность. Пусть так. Отсюда следует лишь, что в России механизмы рыночного распределения доходов вряд ли будут работать с американской безотказностью. Только и всего.

Если нынешнее правительство сохранит индифферентное отношение к российской специфике, будет и впредь полагаться исключительно на стандартные рыночные реакции, его ждут немалые неприятности. Подогреваемое инфляцией ощущение несправедливости происходящих перемен снижает благосостояние людей не меньше, чем потеря части реальных доходов, увеличивает число недовольных собственной жизнью, чье поведение во время очередных народных волеизъявлений совершенно загадочно, усиливает социально-политическую нестабильность.

Рыночная экономика в России рано или поздно обретет свое лицо. Так бывало всегда: оставаясь рыночным, французское экономическое устройство отличается от японского, а последнее отнюдь не копирует американское. И нигде государство не стоит в стороне. Понимают, что судьба макроэкономической политики решается в национальной микроэкономике, которая несет на себе печать исторических традиций и часто не укладывается в рамки усредненных теоретических представлений. Успех во многом будет зависеть от понимания этих обстоятельств. ●

ВО ВСЕМ МИРЕ

Дельта Нила погружается в море

Это происходит со скоростью одна пятая дюйма в год. «Такое оседание обусловлено весом накопившихся осадочных пород за пять миллионов лет и геологическими сдвигами под ними»,— считает Даниэл Дж. Стэнли, сотрудник Национального музея естественной истории. К тому же ожидается поднятие уровня моря, связанное с глобальным потеплением. По мнению Стэнли, при современной скорости оседания донных осадков и подъеме уровня моря на один фут к 2100 году может произойти продвижение океанических вод на 20 миль внутрь Египта. Чтобы предотвратить такое бедствие в дельте Нила, в районе, где проживает большая часть населения страны, государство должно приступить к проектированию и разработке системы защиты прибрежных районов.

Они еще живы

Недавно были обнаружены и сфотографированы в диких условиях два исключительно редких животных: карликовый волосатоухий лемур, обитающий на Мадагаскаре, и либерийский мангуст.

Лемур, известный ученым лишь по пяти сохранившимся музейным экспонатам и считавшийся вымершим, был найден немецким биологом Бернгартом Майером в кишевшем пиявками влажном тропическом лесу. Эксперты рассматривают это вторичное открытие лемура как одно из самых значительных событий в науке о млекопитающих за последнее десятилетие, так как это крохотное, похожее на мышь существо — единственный представитель целой родословной линии лемуров-приматов, обитающих на острове Мадагаскар.

А канадскому ученому Марку Тейлору удалось сделать снимок, который можно считать единственным изображением либерийского мангуста, охотой на него доведенного до грани исчезновения.

Специалисты из Международного союза по охране природы попытаются восстановить этих редких животных в диких условиях.

Наши лауреаты 1991 года

М. Курячая — *«Живая вода доктора Тринчера»*, № 11.
Ю. Лексин — *«Принудительные итоги»*, № 3; *«Вне всего человеческого»*, № 6; *«Так как же мы верим?»*, № 7; *«Если это действительно так...»*, № 10; *«Учитель»*, № 12.
А. Мещеряков — *«Заговор против крови»*, № 10.
С. Морозов — *«Что предвещают предвестники землетрясений?»*, № 6; *«Отчего все случается именно там, где случается...»*, № 7.
С. Смирнов — *«От школы — к гимназии: перестройка или возрождение?»*, № 6.

Марина Алексеевна КУРЯЧАЯ. Читатель уже видел ее в числе наших лауреатов. Однако тогда М. Курячая была внештатным корреспондентом журнала. Переход в иное — редакторское — качество не отразился, к счастью, на ее эпистолярных возможностях. Круг интересов нашего давнего автора, а ныне — сотрудника, весьма широк: естественнонаучная тематика, психология, образование, люди науки. Это позволяет надеяться на ее новые интересные публикации.

Юрий Степанович ЛЕКСИН — журналист, профессионал в лучшем смысле этого слова, один из немногих, кто остается верен жанру научной публицистики. Публикации этого года, и прежде всего «Так как же мы верим?»,— не дань моде, а естественное продолжение его работы, о которой сам он говорит: «Да простится мне это, и помимо церковности, рядом с нею тоже есть жизнь. И она дана человекам — старая, но не менее особая. И в ней — рядом с грязью и ничтожеством — тоже копились сокровища. И они, тоже неведомо как, а дают возможность жить и не исчезать совсем нравственному и вечному».

Александр Николаевич МЕЩЕРЯКОВ — известный ученый-востоковед, специалист по истории Японии. Однако в его случае узкая специализация настолько расширила круг интересов, что

позволила сравнить, сблизить такие разные, далекие друг от друга миры, как Россия, Америка и Япония.

Сергей Федорович МОРОЗОВ сотрудничает с журналом много лет. Его статьи о «предвестниках землетрясений» и их природе, безусловно, запомнились читателю оригинальностью выдвигаемых идей и логикой изложения. Видимо, качества эти не случайны: по специальности Сергей Федорович — инженер-механик по летательным аппаратам.

Смелый проект получения энергии из космоса — тема новой статьи, над которой он работает для нашего журнала.

Сергей Георгиевич СМИРНОВ более десяти лет сотрудничает с журналом. Наши читатели наверняка хорошо знают его по историческим статьям, оригинальным и глубоким. Однако специальность его — математик, учитель. Многолетний педагогический опыт, отсутствие многих стереотипов и штампов в сознании и пристрастие к живому процессу обучения школьников давно сделали из него убежденного противника существующей системы образования. И не только противника, но и одного из создателей иной, альтернативной школы — лицея.

Историки постепенно отказываются от классического представления, что историю делают крупные события, сильные личности, большие идеи. Они овладевают такой исследовательской оптикой, которая позволяет за мельчайшими фактами, ординарными событиями, пустяшными фактами увидеть значимые поворотные тенденции, почувствовать эпоху почти тактильно — через жест, одежду, детали быта, строй фразы.
Именно в этой связи историка Г. С. Кнабе заинтересовало, как посмотрел на нашу не столь давнюю, но уже историю драматург Виктор Славкин.
Так случилось, что в процессе работы над пьесой о стилягах «Взрослая дочь молодого человека» (пьеса эта известна зрителю в постановке Анатолия Васильева) он должен был собирать песенки, байки, воспоминания — весь тот «обыденный мусор», который пропадал раньше в отвалах истории, а теперь привлекает внимание исследователей. И получилась книга.
В. Славкину удалось, взяв разные по масштабу события и явления — анекдоты, газетные статьи, застольные байки и воспоминания, создать синхронный срез послесталинского времени, увидеть начало, разрыв исторической ткани, происшедший задолго до появления диссидентов и реформаторов.
Целиком вы прочтете это в журнале «Юность» (№№ 6 и 7 за 1991 год), а мы даем извлечения, позволяющие понять, о каких проблемах исторической науки говорит в своем комментарии ученый.

В. Славкин

Понадобилось двадцать лет...

Когда далекие потомки наши — те из них, кто не утеряет исторического любопытства и сохранит склонность к фундаментальным исследованиям,— когда они будут рыхлить тему для диссертаций «Почему у них тогда ничего не получилось» («у них» — это «у нас»), пусть они вместе с многочисленными материалами тех лет («тех» — для них, для нас — «этих») засунут в компьютер мою маленькую книжечку. Может быть, она поможет им понять наши проблемы и беды. Так вот, я, автор, отсюда, из наших дней, хочу сказать им, туда: не особенно обращайте внимание на авторские рассуждения и догадки по поводу того или другого, а дайте задание вашему компьютеру выковырять из текста лишь то, что относится к традиционному народному жанру «случа́и из жизни».

И вот, когда весь мой труд он собьет в одну маленькую кругленькую пилюльку, возьмите ее и положите на язык, подержите так секунду-другую — и вы почувствуете легкую горечь. Знайте — это мы.

Социологи через сто лет будут изучать жизнь своих предков и не смогут миновать путей, по которым прошли мы. И наша задача — снабдить их кратким путеводителем.

Издевались над ними все — никто не хотел признавать родство с этими карикатурными фигурами в зеленых пиджаках, с набриолиненными коками, вихляющимися в непристойном танце буги-вуги. Наверху шла схватка гигантов: Лысенко — Вавилов, Жданов — Ахматова, Берия — «врачи-убийцы»... А где-то внизу копошились стиляги. Обычные ребята, простые парни, большинство из них не обладали высоким интеллектом, мало кто мог бы сформулировать свои общественные позиции и политические взгляды. Казалось, какая от них исходит опасность? Этого не понимали ни они сами, ни интеллектуалы.

Власть же сразу и безошибочно уловила угрозу. И увидела она ее в том, что новизна, которую предлагали стиляги, была не на уровне идей, а на уровне быта. Стиляги первыми бросили вызов суконному прокисшему сталинскому быту, этому незатейливому жизненному стилю, для которого само-то слово «стиль» неприменимо. Но в этом бесцветном жиденьком вареве повседневной жизни и заключался один из секретов прочности нашего государства. Населением в униформе легче руководить, чем людьми в разноцветных пиджаках.

Вот против этих пиджаков, джазовой музыки, набриолиненных причесок, танцев неуставного образца и двинула советская идеологическая машина свои боевые порядки.

На первых порах протест стиляг был чисто биологическим — протест молодого организма против старого, рутинного окружения. Это нормально — и в Западной Европе добропорядочные горожане были против длинных волос, громкой музыки и развязных танцев. Недаром слово «стиляга» имеет аналоги во многих европейских языках. Но там со своими стилягами боролись, так сказать, на эстетическом уровне, в наших же ребятах видели врагов политических. Недаром установочный фельетон Д. Беляева «Стиляга» появился в том номере журнала «Крокодил», где открывалась правительственная кампания против безродных космополитов. Задушить маститых космополитов было в каком-то смысле легче. Эти люди уже достигли чего-то в своих профессиях и положения в обществе, им было, что терять, государству — что отнимать у них.

Стиляги же были еще почти никем — школьники, студенты — молодые ребята. Отнять у них можно было одно — будущее. Этим и занялись комсомольские организации, вузовское начальство, исключая из институтов, выгоняя из комсомола и выдавая тем самым «волчий билет» на всю жизнь. За что? За джаз, за узкие брюки, за танцы неуставного образца...

«Вдруг из открытого окна на последнем этаже донеслось «A — ticket, a — tacket», и это был голос Эллы Фицджеральд.

Я знал эту песню благодаря приемнику и еще потому, что в пятидесятых годах всякий юный горожанин имел свою собственную коллекцию «скелетной музыки». «Скелетной музыкой» назывались рентгеновские снимки, на которых кустарным способом были записаны обрывки джаза. Техника записи превосходила мои возможности ее понять, но нужно полагать, что она не была очень сложной, поскольку «кости» появлялись регулярно и по разумной цене. Продавалась эта до некоторой степени патология (а говорят о веке атома!) точно так же, как и рисунки сепией, изображающие звезд западного кино, — в парках, общественных туалетах, на барахолках, в модных в то время «коктейль-холлах», где можно было, сидя на высоком табурете, тянуть через соломинку «милк-шейк», воображая, что ты на Западе.

Но это было в 1955 или 1956-м, в жутком промышленном пригороде Ленинграда, в России...

А самыми дорогими военными трофеями были, конечно, фильмы. Одна серия «Тарзанов», может быть, сделала для десталинизации больше, чем все речи Хрущева...»

Иосиф Бродский,
«Далеко от Византии».

...О эти наши песни-песенки — я их все помню! Соврала, нет, не все. И возобновить трудно. Магнитофоны тогда были редкостью, переписывали слова от руки, но листочки эти растерялись, память поистерлась, в голове лишь отдельные строчки застряли.

Эй, чувак, не пей из унитаза,
Ты умрешь, ведь там одна зараза...

А дальше, дальше-то как? Никто не помнит. А жаль. Хорошая песенка была... Ну слова, конечно, не шедевр. Да тогда не до шедевров было. Очень хотелось петь свои, с в о и песни. Хоть какие, но свои! Это потом появятся Окуджава, Галич, Ким, Матвеева, Высоцкий... А пока их нет, нам что делать? Вот и строчили сами. Кто-то стишки в тетрадочке наковыряет, прикинем мелодию, музычку между фоно и гитарой разбросаем, постучать всегда кому найдется — и повело!

А мой пиджак а канареечного цвета,
Тот не чувак, кто не носит узких брюк...

Или вот:

Шел Джон на свиданье к Мэри Пич,
Но удар судьбы тяжел —
Упал ему на голову кирпич,
И Джон до Мэри не дошел.

Помню, в пятьдесят шестом, в самом конце, выставка Пикассо в Москве... Народу!.. Все стоят, ждут, напирают, открытие что-то задерживается... И вдруг выходит Эренбург... У него такая трубочка была, тоненькая, как мундштук, и сигареты он в эту трубочку вставлял... Выходит он с этой трубочкой и говорит: «Мы с вами двадцать пять лет ждали эту выставку, потерпите еще двадцать пять минут». И мы успокоились и еще немножно потерпели... А потом я все это увидел... Кошку с птичкой в зубах... портрет Франсуазы, где в профиль оба глаза видны. И все остальное...

О, что это было!.. Я метался от стены к стене, записывая в черную клеенчатую книжечку названия картин, чтобы потом, дома — завтра, через неделю, на другой год, в следующем десятилетии,— в любой момент вызвать у себя в памяти все, что я увидел. Потому что это был мой художник, мои картины, и без них я уже не представлял свою дальнейшую жизнь.

Я ввинчивался в толпу спорящих, достигал центра и там, срывая голос и активно жестикулируя, пытался переубедить тех, кто считал все это мазней,— «и я так могу». Ну что было делать?! Собственное бессилие повергало меня в отчаяние.

Я приходил на выставку еще и еще. Каждый раз у меня в запасе был новый убойный аргумент в защиту Пикассо. Мне казалось, ну, еще немного, еще чуть-чуть — и они скажут: «А этот парень прав». Момент повыигрышней найти, цитатой ловкой ударить, примером из классики поразить, остроумную фразу вовремя ввернуть — и скажут: «Прав этот парень, прав». Еще немного, еще чуть-чуть, ну уж на этот раз трудно им со мной будет — и скажут: «Тысячу раз прав!»

Нет, сказали: «И я так могу» — против лома нет приема!..

На факультете к новому году мы выпустили специальную стенгазету, посвященную Пикассо. Собрали две-три статьи, сами ребята написали — Лева Смилянский, Боря Цетлин, еще кто-то... Наш художник Миша Марьямов обгорелой спичкой скопировал Дон Кихота и Санчо Пансу. «Мне кажется, что Пикассо это так спичкой и делал»,— говорил он нам. Классно получилось! И женское лицо с крылом голубя вместо волос — по всей газете...

Провисела она три дня. Или четыре. Вышли мы на большую перемену из аудитории — нет нашей газеты. Деканат снял. Снял и устроил разбирательство. Идеологическая диверсия! В напряженный момент борьбы за светлые идеалы студенты богатого боевыми традициями железнодорожного вуза прославляют буржуазное упадническое искусство. Вызывали в комнату заседания партбюро по одному, требовали назвать зачинщиков...

Мы имели бронебойный аргумент, железное алиби: Пикассо — коммунист, лауреат премии мира, активный участник антивоенного движения... Вышло все наоборот. Эта наша защита обернулась против нас. Один аспирант в железнодорожном кителе с зелеными кантами сказал мне: «А отдаете ли вы себе отчет, молодой человек, что вы сейчас своим высказыванием оскорбили всех коммунистов?» Они не верили нам! Они не верили, что Пикассо может быть коммунистом. Они нам не верили... Темные пеньки! Двадцать лет им понадобилось, чтобы понять, что Пикассо — великий художник.

Но фразу «А эти-то ребята были правы» мы так и не услышали...

Мой друг Миша Ушац как-то мне сказал: «Знаешь, а для меня крушение культа личности Сталина произошло гораздо раньше пятьдесят шестого года. Еще при его жизни, вернее, в последние дни его жизни, когда в газетах стали публиковать медицинские бюллетени о состоянии его здоровья. Там были такие слова: «...увеличивается количество эритроцитов в моче». Это меня поразило. Ах, он такой же, как мы? У великого Сталина — моча... И все! Как отрезало. Доклад Хрущева потом, через три года, на XX съезде, меня уже не удивил».

Так вот, учился у нас на курсе такой Жора Чистов. Сам русский, но рос в Грузии и говорил с грузинским акцентом. И естественно, были у него усики. Маленькие такие, аккуратно подбритые, очень ему шли. А как известно, в те суровые годы количество растительности на душу населения было строго ограничено. Всех стиляг и прочих негодяев в сатирическом нашем журнале «Крокодил» рисовали с тоненькими усиками — «мерзавчики» назывались. Борода приравнивалась к идеологической диверсии. В известной песенке «Среди просторов Коктебля» был такой куплет:

Сегодня парень в бороде,
А завтра где — в НКВД.

Парикмахеры знали «бокс», «полубокс», и как крайний шик шла «полечка». Право на усы признавалось только за кавказцами и маршалом Буденным. А тут наш Чистов. Его усики, грузинский акцент и имя Жора чем-то настораживали наших активистов.

И вот однажды на очередном комсомольском собрании наш секретарь, распалившись на какой-то идеологической теме, вдруг воскликнул: «Вот ты, Жора, зачем тебе усы?!» И запнулся, сам от себя не ожидая такой острой постановки вопроса. Мы тоже опешили. Не растерялся один Жора. В мертвой тишине прозвучал его грузинский акцент:

— Ты очки носишь, да? А я усы ношу. Усы — это частная собственность, понимаешь?

...Показывали сюжет о том, как Никита Сергеевич приехал в колхоз проверить кукурузные дела. И вот неудача — дождь! Показывают группу руководящих мужчин, все в черных пальто, в велюровых шляпах, вид довольно жалкий, поля шляп обвисли, с них капает вода... А в середине — Никита, улыбается, глаза хитроватые, а на нем... плащ «болонья». Е-мое, мы прямо повалились! Никита — в «болонье»!.. Мало того, еще на лысину такую шапочку — беретку из плащевой же ткани нахлобучил. Зал грохнул, как на самой убойной комедии.

Все-таки кое-что мы сделали! В смысле вкуса начальства к моде.

Да и сам Леонид Ильич появился однажды в какой-то куртке. Сшитой, конечно, идеологически выдержанным портным, но само отклонение от уставного пиджачного стиля было уже невероятной смелостью. Представляю, как этот генсековский куртец напряг приближенных! Вроде бы надо всем переходить на куртки, но это может быть расценено как посягательство на особые права Генерального секретаря...

...И вот что мы придумали. По воскресеньям мы, я и несколько парней, собирались у меня дома, приходил Володя Григорьев и рассказывал нам кино. Что он видел на неделе. Не все, конечно. Лучшие фильмы. Но зато подробно. Кадр за кадром. Память у него была великолепная и излагать он умел. Он начинал: «Небо. По нему летит Иисус Христос. Камера отъезжает, и мы видим, что статуя Христа привязана к вертолету...» И мы смотрели «Сладкую жизнь». Кадр за кадром. Эпизод за эпизодом. И вот они выходят на пляж. Марчелло Мастроянни падает на колени перед маленькой девочкой... И перед нами всплывает титр «Конец фильма».

Мы действительно все это видели, и когда лет через десять — пятнадцать я все это посмотрел на экране — «Сладкую жизнь», «Седьмую печать», «Затмение»,— я все узнал! Потому что Володя Григорьев прокрутил перед нами весь западный репертуар. Все два года, которые он учился на сценарных курсах, он устраивал нам сеансы устного кино.

Потом было кино бумажное. Вдруг стали выпускать маленькие такие книжечки киносценариев. Я помню, купил «Забриски пойнт». На экране это не было, а на бумаге — пожалуйста! У меня до сих пор хранятся «Скромное обаяние буржуазии», «Супружеская жизнь», «Амаркорд», «Бумажная луна»... Бумажное кино.

И только потом, потом, потом я увидел все это вживую. Двадцать лет понадобилось... Ну и так далее.

И был у нас знакомый скульптор, большой мастер билетной миниатюры. Он нацеплял на глаз лупу часовщика и тоненьким перышком срисовывал все, что напечатано на настоящем входном билете: «Московское городское управление культуры... ряд №... место №... Цена... Контроль...» И на обороте все, как положено,— «Вход после третьего звонка воспрещен...» Там еще много текста — адрес, как проехать... Наш скульптор, большой матершинник, вставлял в этот текст черт знает что... Отыгрывался. Ну какой билетер будет читать... Ему надо, чтобы билет стандартный был, а стандарт наш умелец держал железно! На Бенни Гудмане мы все были в зале. И на Эллингтоне. Пройдем через контроль, а там расползаемся по стеночкам и рассыпаемся по проходам — уже не засечешь!..

Этот мой приятель, теперь уже известный скульптор, лауреат, чуть не академик, больше всего гордится, что один им изготовленный билетик до сих пор хранится в каком-то там специальном музее в МВД как учебное пособие для молодых блюстителей порядка.

...Он был блестящий стиляга, король джаза, покоритель женских сердец, «Джонни — парень из Чикаго»... О как он тогда, в молодые пятидесятые, утюжил эту улицу Горького по нескольку раз за вечер — вверх-вниз, вниз-вверх. На всех углах и плешках — у телеграфа, возле кино «Центральный», на Маяковке и во многих точках между — его ждали друзья, приятели, девушки, и всех надо было обежать, со всеми перекинуться: «Старичок, прости, опоздал...», «Поверь, чувишка, не могу...», «Ну, чувак, ты железно не прав!» И только потом, после, уладив свои некрупные стиляжные дела и условившись о встречах на завтра, можно расслабленно и вяло, походкой раненного жирафа, прошвырнуться по Броду — «кинуть брэк по Броду» это называлось, снизу вверх и сверху вниз. «Все, чувачки, баиньки пора. Чао!» — «Ну, Бэмс, ты даешь, знаем, какие у тебя баиньки...» И под хохот дружков он сбегал в метро — «Падн ми, бойз, из дет де Чаттануга-чуча...»

О как он пел нам тогда про эту Чаттанугу! Взобьет кок, вздернет воротничок паплиновой рубашечки и заводит: «Падн ми, бойз...» И слово-то какое — «Чаттануга»! Оно не было тогда для нас географическим названием, вовсе нет,— туда, в это слово, вмещались все наши мечты о будущей жизни, все, его добьется наша «поколенка», одолев в конце концов этих стоеросовых пеньков, запрещающих петь нам наши песни... Где теперь эта Чаттануга?..

...И вдруг произошло нечто. Ерунда, совсем немного, но зал так и ахнул! Ребята стояли в шеренге и пели эту «Панаму», пошел припев, и они, продолжая петь и точно попадая в ритм, все одновременно сделали шаг в сторону, шаг назад, в сторону и опять вперед... Всего четыре шага под песенку — раз, два, три, четыре. Но мир сломался! Картина треснула. Вдох и выдох поменялись местами. Раз-два-три-четыре... Сейчас это трудно понять, но тогда все так привыкли к порядку и неподвижности, что ребята, которые пели и при этом почти танцевали, воспринимались как чудо. И, может быть, тогда, сквозь трещину в привычной картине, нам показалось будущее, которое мы увидим намного позднее, чем оно наступит. На миг перед нами мелькнули «акулы» и «ракеты» из «Вестсайдской истории», четверка ливерпульских парней с гитарами, негритянский мальчик с аккуратным носиком и в белой перчатке на одной руке, ковбой, живущий в Ленинграде и поющий по-русски: «А я хотел бы опираться на платан, я так хотел бы опираться на платан...» Это все будет потом, потом, потом...

А пока —

Панама, ты от нас далеко,
До тебя нам доплыть нелегко

И четыре шага вправо, назад, влево, вперед... Меня трясло.

...Вдруг Вася Аксенов сказал:

— Знаешь, все вроде ничего, но даже если и произойдет, как мы хотим, все равно какое-то нехорошее чувство останется. У нашего поколения. Я говорю про наше поколение. Обида, что ли... не знаю, как сказать... Ну, пожалуй, так...

Аксенов остановился, под мышкой у него был какой-то пакет, рядом с нами гремел автомобильный поток, пахло шашлыком со стороны кафе «Олень», прохожие обтекали нас с двух сторон, и Василий сказал:

— Двадцать лет им понадобилось, чтобы понять, что кока-кола — это просто лимонад и ничего больше.

Было несколько вариантов сохранить себя внутренне, духовно, соблюсти социальную гигиену, не запачкаться, выжить как личность. Вот основные. Первый — уехать, эмигрировать, порвать навсегда (в те годы люди уезжали навсегда); второй — стать диссидентом, революционером-подпольщиком, борцом. Но если человек все-таки не уезжает и в то же время у него нет необходимого социального и физического темперамента для борьбы, что ему оставалось? Обочина. Он туда и уходил. Там и жил. Небогато, непрестижно, безнадежно, но зато среди своих книг, в своей музыке, оклеив стены репродукциями любимых картин, фотографиями любимых друзей, ограничив свой круг этими пятью, четырьмя, тремя, двумя друзьями, иногда это число доходило до одного. А потом превращалось в ноль. Одиночество в микромире. Однако оно было приятнее, чем суета в многомиллионной толпе, валившей по магистрали. «Идите, ребята, а я здесь посижу...»

...Двадцать лет спустя. Вася Шумов — руководитель рок-группы «Центр». В нем как-то сочетались эстетика подворотни и дендизм.

— Вася, а как вам Высоцкий?

— Ну мы его считаем рок-поэтом. Можно сказать, признаем его. Только...

— Что?

— Только вот кричит он очень. Чего он кричит так? «Обложили меня, обложили!..» Ну ясно, обложили. А как иначе? Нормально. Чего по этому поводу расстраиваться?.. «Идет охота на волков, идет охота!..» Ну идет... А что? Они охотятся, мы стараемся не попадаться. Чего тут такого?

«Да-да, он прав! — стучало в моей седенькой голове. Это мы, наивные шестидесятники, рвали себе душу — за что вы нас обложили?! Ведь мы не враги какие-то, не волки. Мы ничего, мы хотим только джаз, Хемингуэя, Пикассо... Чем это плохо? Вот, посмотрите, мы стоим, взявшись за руки, мы никого не трогаем, разве на нас надо спускать собак? Разве то, что мы, противоречит тому, что вы?.. Ну хорошо, хорошо, вам не нравится все, что нравится нам... Но разве это повод, чтобы обкладывать нас со всех сторон, чтобы охотиться на нас, гнать?.. Нет, не слушают, не хотят слушать. «Обложили меня, обложили, и сегодня так, как вчера...» Перед нами уже клацали желтые клыки, нас уже обдавало зловонное дыхание плохо переваренной дикой пищи, а мы тоненькими голосами тянули: «Поднявший меч на наш союз...» И устояли же, устояли!..»

Г. Кнабе

История — глазами участника

Поводом для написания этих заметок послужили два внешне не связанных между собой обстоятельства.

Сравнительно недавно в Москве состоялась международная конференция, посвященная так называемой школе «Анналов», где речь шла о радикальной переориентации исторической науки в последние десятилетия.

А чуть позже мне удалось прочитать рукопись книги известного драматурга Виктора Славкина, где собран материал о молодых людях его поколения — о «стилягах» пятидесятых годов и их истории.

Меня поразил объективный параллелизм не связанных друг с другом тенденций общественно-исторического познания.

Вначале — о школе «Анналов». Еще в довоенные годы во Франции обратила на себя внимание группа талантливых историков, сплотившихся вокруг журнала, сокращенно называемого «Annales» — «Летописи». Они видели свою задачу прежде всего в интердисциплинарном подходе к историческому материалу. Они хотели по-прежнему изучать историю с точки зрения социальной структуры общества, но отныне понимая эту структуру сквозь психологию участников событий, по-прежнему — с точки зрения экономики, но теперь — неотрывно от влияния на жизнь людей промышленного и технического развития, семейные отношения и нравы, как и раньше, с учетом отражения исторического материала в культуре и искусстве, однако по-новому, через преломление его не столько в книгах, научных теориях, картинах или симфониях, сколько в массовом обыденном восприятии. Интердисциплинарность с необходимостью порождала принцип, который можно было бы назвать «антропологическим». Целью становилось познание исторического процесса не извне, путем наложения сетки выработанных научных категорий на жизнь былых эпох, а изнутри — через человека, через проникновение в самосознание изучаемого времени, в его не-

посредственную фактуру, в повседневные условия существования.

«Ныне в центре исследовательской деятельности «Анналов»,— говорил один из участников московской конференции,— человек, его ментальность, повседневность, малые социально-психологические группы, причем все это рассматривается в историческом движении, в «смене парадигм».

Необходимость взглянуть на мир былых эпох не только через современные объективно научные теории, но и представить себе его в том виде, в каком он реально жил в сознании человека прошлого, породил понятие исторически изменчивой «картины мира». Рассмотрению такой «картины мира», то есть категорий времени, пространства, собственности, власти, права, семьи, дружбы, какими они существовали для людей определенной эпохи, посвящена теперь огромная литература.

В силу той же общей «антропологической» тенденции возник и вопрос об изучении истории через реалии быта. Но легко было сказать: исследовать общественно-исторический процесс в его бытовой повседневности. А как? На основе каких источников? Быт — это вещи, привычки, пестрый сор повседневного существования. Что могут сказать стол или ботинки, обеденное меню или карточная игра в компании вечерком о великих и грозных сдвигах в истории мира? Да и на каком языке они все это скажут? Из необходимости обнаружить их «язык» родилась и наука о знаковой общественно-исторической семантике бытовых реалий — семиотика материально-пространственной, предметной среды.

Легко сказать: человек не только осознанно придерживается определенной идеологии, у него есть и подсознание, есть душа, есть все то, что называется психикой. И если пытаться исследовать историю в человеке и через человека, то нельзя обойтись без социальной психологии, без учета того, какую роль играли и до сих пор играют малые социальные коллективы, в которых живет человек. Именно они обусловливают его психологический тонус и тем самым формируют его общественные реакции; некогда то были община, цех, приход, сегодня — приятельский круг, семья, соседское окружение.

Классовые, социальные импульсы — вовсе не абстракции, они становятся привычками, вкусами, полусознательными притяжениями и отталкиваниями, нормами и традициями, вошедшими в плоть и кровь, становятся, другими словами, историческим поведением, лишь преломившись в непосредственно окружающей людей микросреде.

Если в центр изучения мы ставим человека, нам придется считаться с его видением социальной реальности, поскольку человек никогда не имеет дела с действительностью в целом, всегда — с конкретной ее разновидностью, обусловленной его восприятием. В одном государстве резко, невиданно повысились цены на товары и услуги. Это уже сам по себе факт социальной реальности? Конечно. Не спешите. Один житель этого государства хорошо обеспечен и отнесся к повышению цен более или менее равнодушно. Другой — беден, и все происшедшее вызвало у него множество самых бурных эмоций. Но и среди обеспеченных были такие, кто сравнивали создавшееся положение с былым устойчивым строем существования, и возникшая экономическая нестабильность окрасила для них действительность в мрачные тона. Да и среди бедняков не все восприняли случившееся как трагедию: кто-то увидел в нестабильности экономики и жизни свой шанс на то, чтобы изловчиться, обнаружить сметку и хватку, перехитрить и обмануть. Подняться. А кто-то другой вообще привык не рассуждать, принимать жизнь, как она идет, и испытывать глубокое удовлетворение от всего, что «одобряет король и святая инквизиция». Так революция цен в Испании начала XVI века (а мы, как читатель давно догадался, имеем в виду именно ее) определила социальную действительность в целом в ее живой реальной многозначности.

Получается, что социальная реальность, как писал один из авторитетных историков этого направления,— «общая сумма объектов и явлений этого мира, каким он предстае обыденному сознанию людей, живущих среди других людей и связанных с ними многообразными отношениями взаимодействия».

«Антропологический» подход принимает все новые формы. Стремительный взлет переживает историческая демография и в первую очередь — наука о демографическом поведении, то есть о том, как неприметно складываются в узоры «большой истории» интимнейшие детали семейного быта — интенсивность супружеских отношений, ограничение рождаемости, детская смертность, разводы и измены. Все в большем числе возникают центры «устной истории»: из рассказов людей складывается стереоскопический образ времени, в котором случившееся предстает одновременно и как объективное событие, и как субъективное переживание каждого, дополняя и объясняя друг друга.

Вот вкратце комплекс идей и представлений, совершивших подлинный переворот в исторической науке.

А теперь оставим на время скучную методологию и обратимся к книге В. Славкина, где речь идет о гораздо более близких, пережитых нами временах.

Виктор Славкин предпочитает соединять бытовую фактуру времени, микрогрупповое бытие, переживания «человека с улицы», с одной стороны, и Историю (с большой буквы) — с другой, не союзом «и», а союзом «но»: «Конечно же, смерть Сталина, конечно же, XX съезд, конечно же, Всемирный фестиваль молодежи и студентов, но что-то началось и до этого». От углубленного познания истории он отстраняется: «Мы можем лишь подбросить материальчику, подсыпать подробностей, поднапрудить фактиков», а там, дескать, пусть через сто лет настоящие историки и социологи напишут настоящую историю нашей эпохи. Но материал живет своей, художественной логикой и не слушается автора. Не дожидаясь «настоящих социологов», история сама шаровой молнией вплывает в бытовую повседневность, в «фактики» и «подробности». Вплывает в сцене с песенкой «Панама», когда привыкший к железному ритуалу и официальной неподвижности зал вдруг задвигался в джазовом ритме, и «...мир сломался! Картина треснула. Вдох и выдох поменялись местами». Вплывает в сцене, где самое невинное и скорее внутреннее, чем внешнее, отклонение от утвержденного и официального заставляют героя ощутить липкий страх и грядущую кару — неизвестно, за что, но неизбежную.

Почему же, вопреки намерениям и декларациям автора, книга, построенная как расширенный комментарий к его давней пьесе и как рассказ о переживаниях и обстоятельствах, эту пьесу породивших, оказалась прямо в русле одного из самых значительных направлений современного исторического познания? Потому прежде всего, что и эта книга, и это направление возникли из общего источника, из особой и примечательной эпохи, из шестидесятых годов двадцатого столетия.

Эхо небывало высокой послевоенной рождаемости докатилось до шестидесятых годов, и несоразмерно большой частью общества стала молодежь тринадцати — девятнадцати лет. Она быстро осознала себя как самостоятельную, культурную и общественную силу, объединилась сознанием ответственности отцов за ужасы прошедшей эпохи — войну, фашизм, концлагеря, нищету, принудительное единомыслие и выступила против «их» ценностей и «их» культуры. Вскоре люди самых разных возрастов разделили эти чувства. Начавшись как молодежное, движение приобрело вневозрастной, общественный и культурный характер: М. Антониони, автор «Затмения» — одного из самых пронзительных фильмов той поры и о той поре — родился в 1912 году. Джордж Харрисон, младший из Битлзов,— в 1943. Большинство тех, кто отразил эпоху, располагаются хронологически между ними — Бёлль (1917), Окуджава (1924), Саган (1935) и многие, многие другие.

Отталкивание от идеологий, за которые боролись и гибли, в которых растворились «отцы», привело к обесценению самого принципа идеологии и смещению акцента на неидеологические формы самовыражения — язык вещей и бытового поведения, рок-музыку, абстрактную живопись.

Экономическое чудо в ФРГ и Италии, послевоенная реконструкция народного хозяйства в других странах, химия полимеров не только невиданно повысили уровень жизни, не только позволили молодежи «отпочковаться» от дома и жить как бы в постоянном полубродяжничестве, мало занимаясь трудом, но и сделали доступной легко сменяемую наново выразительную среду — платье, интерьер, прически, косметику. Главное в содержании шестидесятнической культуры — апология простой, неформальной и неорганизованной повседневности как наименее отчужденной сферы существования, противопоставленной совокупному образу жесткой государственности, глухой жизни по правилам и уставам, официаль-

ной шкале художественных ценностей, утвержденной школьными программами и музейными путеводителями, тому истэблишменту, который один из популярнейших американских рок-художников изобразил в виде страшного черного носорога.

Содержанием шестидесятничества, короче говоря, явилась контркультура, причем с акцентом на втором из этих слов, не менее сильным, чем на первом. Люди этой формации верили, что они освобождают подлинную культуру от тлетворного дыхания черного носорога, и пока длилась сама эпоха, эта вера была не только иллюзией — общеевропейский музейный бум, к примеру, был действительно создан тогдашней молодежью, а в нашей стране именно шестидесятническая молодежь первой стала ходить в походы по древним церквам и монастырям.

Импульсы к познанию прошлого и определяемый ими характер этого познания рождаются в настоящем и пронизаны им. Новые формы исторического познания явственно несут в себе отпечаток представлений шестидесятников о повседневности как наиболее простой, прямой и человечной сфере общественной жизни, их стремления увидеть за решеткой абстрактных категорий живое лицо конкретного человека и чуткость к знаковой семантике бытовой среды, желание «переоткрыть» культуру, вернуть человеку ее достояния. В. Славкин отчетливо ощущает связь своего прошлого и того, как он его воссоздает, со всей шестидесятнической стихией. Главная удача его книги — ощущение истории на вкус и цвет, на ощупь, по-человечески, через куртку, плащ «болонья», словечко, фразу джазовой мелодии — отсюда.

Но тут начинаются странности. Картина вдруг расслаивается, двоится. Памятные нам всем события, даты, газетные сенсации, рубежи, отделяющие явственно несхожие эпохи, вся Большая История, которая иногда так ясно и точно проступала в бытовых деталях, в иных случаях от этих деталей отделяется. Субъективный рассказ перестает вмещать в себя объективное время.

Для примера: в центре сюжета — молодые люди, учившиеся и входившие в жизнь в начале пятидесятых годов. «Пятидесятые годы» — прямо говорит об их времени автор. Через две сотни страниц — об одном из них же: «Молодой человек шестидесятых». И наконец — о себе. «Мы — наивные шестидесятники». И еще яснее: «Слово «молодежь», которое было принято для обозначения «этого» во всем мире, нас не устраивало. Мы искали свое. Слово было найдено лишь тогда, когда мы уже отгуляли, оттанцевали, отспорили, отпили, от — все. Слово это — "*шестидесятники*"» (курсив автора. — *Г. К.*). Понять это парение над хронологией легко: жизнь-то, пережитая и рассказанная В. Славкиным, одна, и она длится непрерывно, не зная периодизаций. Все правильно, пережитая жизнь одна, но исторические эпохи-то разные.

Пятидесятых годов как самостоятельной культурной эпохи, строго говоря, не существовало. Были «сороковые роковые», на которых лежала еще тень войны: исподволь, медленно отстраиваются разбомбленные города Англии, готовящейся к неизбежному распаду империи, поверженная, оккупированная и только втягивающаяся в «экономическое чудо» Германия (перечитайте «Хлеб ранних лет» Бёлля), чехарда правительств и травля «левых» во Франции. Все, что можно было сказать об этой поре в нашей стране, достаточно полно сказано, официально и неофициально. Тяжелая, жесткая, голодноватая напряженная эпоха длится до 1953—1956 годов, когда во всей Европе устанавливается описанная выше шестидесятническая атмосфера, когда впервые за тысячелетия своей истории Европа стала сытой.

Разрыв с пятидесятыми здесь был выражен несравненно отчетливей, чем преемственность. И это касается форм контркультуры не в меньшей мере, чем общественного бытия в целом. Живущая в сознании автора и настойчиво подчеркиваемая им прямая преемственность этих форм есть факт личной биографии (и биографий героев), история ее не знает. Шестидесятническая контркультура — явление массовое, стиляжничество — крайне узкое: на поэтических вечерах в Политехническом музее и в Лужниках были тысячи, «битлзов» выходили встречать десятки и сотни тысяч; сколько было стиляг — двадцать, сорок пять?

Шестидесятничество идет в социальном смысле снизу, а имидж его — низовой, подчеркнуто избегающий дорогих вещей и элегантности, дешевый и небрежный. А чтобы быть стилягой, абсолютно справедливо пишет автор, «...извините, требовались кое-какие средства». И еще какие! — добавим от себя. Стиляги — выходцы из обеспеченных и обычно преемственно культурных слоев, шестидесятники — порождение массовых перемещений сельского населения в город, а на Западе — еще и интернационализации студенчества и рабочей силы. Такие сопоставления можно продолжать до бесконечности.

Все объективно исторические различия и деления представляются автору чем-то внешним по отношению к волнующей его живой жизни и потому чем-то казенным, а следовательно — ненужным. Но ведь были они, эти различия и явления, и вне их исторически нечуткой, а потому иной, той, да не той оказывается и сама неотчужденная «живая жизнь».

Еще один пример. В книге много выдержек из официальной прессы, клеймившей много лет подряд все проявления контркультуры. Они хорошо подобраны и сейчас производят ошеломляющее впечатление. Но вот в одном ряду,— и выполняя одну общую функцию,— стоят фельетон из «Крокодила» 1949 года, стихотворение Игоря Кобзева 1963 года и какие-то гадости о «Битлз» из газеты 1985. Материал этот играет одну и ту же роль в судьбе героев, и для В. Славкина только это и важно. Но ведь каждая из этих публикаций, кроме того, принадлежит *своему* времени, лишь благодаря этому дифференцирует исторический ряд, а тем самым и этапы в жизни тех же героев, без чего они утрачивают объем и пластику.

Все живет в истории, все прикреплено к определенному ее моменту, и стоит упустить из виду эту связь, как материал начинает вести себя непредсказуемо, все качается, плывет, появляются ошибки даже там, где их, казалось бы, не могло быть, ведь автор говорит о своем, пережитом времени. Не мог никакой валютчик на суде в начале пятидесятых годов прочесть лекцию о джинсах «суперрайфл», не мог герой пьесы, стиляга той поры, обалдевать от Лайзы Миннелли, сравнивать ее с «Бони М», так как узнал он ее тогда же, когда весь мир,— из фильма «Кабаре» 1972 года, и джаз находился не «в ней», а в сюжете этого фильма, действие которого относится к 1932—1933 годам.

Как говорится, поймите меня правильно. Все сказанное не имеет никакого отношения к художественным достоинствам книги В. Славкина и вообще к оценке ее как произведения. Это хорошая книга, написанная с искренней преданностью творческой и человеческой свободе. Речь идет сейчас о чем-то совершенно ином — об очень остром, очень актуальном для современной исторической науки вопросе: можно ли и если да, то до какого предела строить познание прошлого на неотчужденном личном переживании, на материалах бытовой повседневности, на экзистенциальном опыте участников общественно-исторического процесса в его непосредственной каждодневной данности?

К необходимости именно такого познания привело нас не только пережитое время. У него, у этого типа познания, был, как мы говорили, и другой источник — общее поступательное развитие науки от абстрактного к конкретному, образующее ее суть вечное, бесконечное приближение познающего сознания к объекту. Мы сегодня не можем познавать историю по-другому. Ну а можем ли так? И если да, то насколько так? И если так, то как?

Книга В. Славкина помогает если не ответить на эти вопросы, то их осознать и поставить.

Автор не замечает своих маленьких измен большой истории, потому что ему важно преемственное, органическое, живое движение живой, вот этой, конкретной жизни. Но за ироническим отношением к историкам, которым он хочет лишь «подбросить матерьяльчик, поднапрудить фактиков», ощущается убежденность: из этого «матерьяльчика», из этих «фактиков» родится-таки когда-нибудь «История нашей молодежи», не категориальная, с цифрами и диаграммами, не внешняя и идеологически препарированная, а непосредственная, личная, человечная, словом, подлинная, как мы ее сегодня понимаем или, во всяком случае, стремимся понять.

Почему же она не рождается в книге, мелькнула раз, два, пять в деталях, эпизодах поразительной человеческой конкретности и ушла обратно — в объективность, в хронологию, в общие процессы. В чем тут дело? А именно в том, что познание прошлого в той мере, в какой оно мыслится как наука, не может не удовлетворять требованиям науки. Наука же по природе, по смыслу своему имеет дело прежде всего с рядом фактов. Она отвлекается от различий, обнаруживая внутренние, сущностные связи, и выводит из них определенную закономерность. Наука имеет

дело даже, если хотите, с системой фактов, то есть с обозримой, внутренне организованной и в этом смысле ограниченной их совокупностью. Наука, наконец, имеет своей целью установление не ценности, а истины, то есть категории, во-первых, объективной и, во-вторых, предполагающей верификацию своих выводов, то есть повторяемость фактов, на которых эти выводы основаны. Там, где система полностью разомкнута и течение жизни предстает во всей ее реальной бесконечной сложности, непрерывности, разнообразии, роль науки становится сомнительной (не говоря уж о том, что если речь идет о прошлом, то такое течение жизни невосстановимо).

Тенденции современного общественно-исторического познания находятся в очевидном противоречии с этими фундаментальными свойствами науки. Но в то же время они закономерно и необходимо возникли из недр и внутренней логики самой науки, из «тоски,— как сказал однажды молодой Гегель,— по познанию живого, после того как все мертвое давным-давно познано».

Поэтому описанное противоречие это — не тупиковое, а плодотворное, вырастающее как момент развития, открывания нового. Оно, прежде всего, напоминает нам, что наука — одна из форм познания, имеющая свою определенность, свой смысл и, следовательно, свои границы. Оно, далее, порождает формы познания, в которых оно само, это противоречие, могло бы оказаться преодоленным (как говорят философы, «снятым») и в которых наука об историческом прошлом оставалась бы наукой и в то же время двигалась к преодолению собственной ограниченности.

Обозначенные выше научные направления, если рассматривать их не в логическом пределе, а в их текущей практике и в лучших достижениях, тяготеют к такому снятию. В особой форме тяготеет к нему сегодня историческая проза — от исторического романа до магнитофонных записей рассказов участников исторических событий. И книга В. Славкина — лучший пример.

В таком познании по природе его неизбежны тупики и непоследовательности, как неизбежны они в реальной жизни, но оно по той же своей природе, именно оно ведет к дальнейшему проникновению в наше сколь угодно давнее и тем не менее всегда неотделимое от нас прошлое ●

О. Лебедев

Итоги Октября

Союз развалился. Можно подводить итоги. Обратимся к демографии.

График 1 дает численность населения бывшего СССР (стрелки фиксируют изменения территории страны, пунктиром показан предполагаемый ход кривых). Д. И. Менделеев в «Заветных мыслях» (1903 год) дал прогноз народонаселения: на 1905 год он был точен, на 1910 — ошибся на 5 миллионов (Россия развивалась успешнее), к середине века его цифра оказалась выше реальной на 104 миллиона человек (кружочки на графике 1). Десятилетие перед 1916 годом было рекордным по росту населения за всю нашу историю. Этому не помешали ни восстания, ни революция, ни война с Японией.

С незапамятных времен население России росло плавно, без заметных сбоев и достигло максимума осенью 1917 года — 184,6 миллиона (в послереволюционных границах — 147,6 миллиона). После Октября на страну обрушились три удара: разруха, болезни, голод гражданской войны; коллективизация и индустриализация; вторая мировая война. Последствия ясно видны на графике. Невероятно, но после периодов спада население трижды пыталось выдержать темп прироста, заданный до революции.

Более тонкие детали выявляются на графике рождаемости (рисунок 2): $К_р$ — коэффициент рождаемости — число родившихся на тысячу человек населения в год. В начале века рождаемость падала в соответствии с общей тенденцией для развитых стран. Затем картина изменилась. Воспроизводство населения перешло в колебательный, неуправляемый режим. Нарастала амплитуда народных бед: в 1919—1920 годах рождаемость упала на 12 пунктов, в 1933 — на 20 и в 1943 — на 25 пунктов. Темпы снижения рождаемости первых лет коллективизации и «огненных сороковых» почти совпали. Сейчас Россия достигла мрачного минимума рождаемости военных лет. Вероятно, в 1992 году он будет ниже.

Такой же «рваный» характер имеет кривая смертности (рисунок 3): $К_{см}$ — коэффициент смертности — число умерших на тысячу человек населения в год. Сплошная прямая — принятый нами уровень естественной смертности. Пунктир, проведенный через точку в кружочке,— коррекция этой прямой по данным загсов (В. Цаплин). Ломаная верхняя пунктирная прямая — расчетные или литературные усредненные $К_{см}$. Сплошная кривая через крестики — $К_{см}$ для Германии. Точки и крестики — литературные данные. Коэффициенты подсчитывались из численности населения, коэффициентов рождаемости и скорректированного уровня естественной смертности.

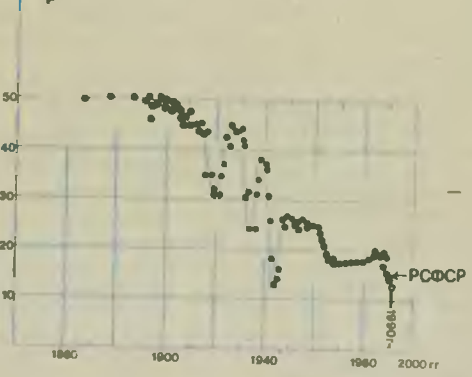
Из этих данных выводятся прямые жертвы населения: 1918—1923 годы — 22 миллиона, 1924 — 1930 — 4 миллиона, 1931—1936 — 9 миллионов, 1937—1941 годы (до июня) — 3 миллиона, 1941—1949 — 37 миллионов (4 миллиона эмигрантов двадцатых — тридцатых годов в жертвы не включены). За 1918—1940 годы потери составили 38 миллионов, за 1918—1949 годы — 75 миллионов человек.

Жертвы сороковых подсчитывались за восемь с половиной лет на основе погодовой рождаемости (по В. Никитенко с поправками), численности населения в 1941 и 1949 годах и принятого нами уровня естественной смертности. Потери военных лет мы не считали, поскольку сомневаемся в достоверности численности населения на 1946 год, хотя и воспользовались ею на рисунке 1. Приводимая в литературе цифра потерь 27 миллионов кажется нам далекой от реальности: завышены коэффициенты естественной смертности, не учтено изменение территории, выключены репрессии, отсутствует поправка на дефективность учета рожденных — принятая методика занижает число рожденных почти на треть.

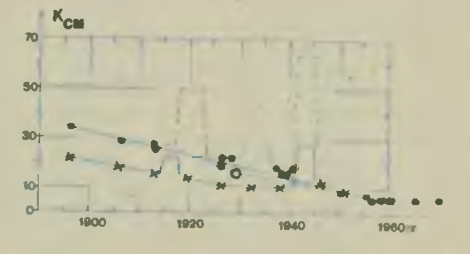
Рисунок 3 также фиксирует три катастрофы, из которых самая малая унесла в 1931—1936 годах в два раза больше жизней, чем все потери Германии в последней вой-

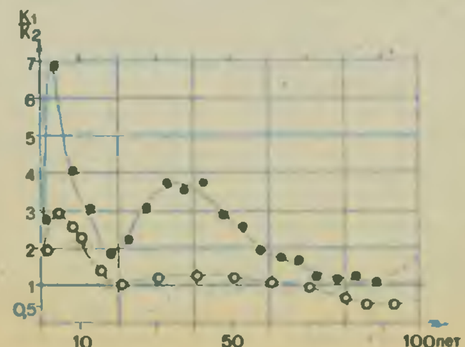
Ошибка Менделеева. Численность населения России — СССР по прогнозам Д. И. Менделеева и как оно вышло на самом деле после 1917 года.

Рождаемость в России — СССР: сегодня, как во время войны ($К_р$ — число рожденных на 1000 человек населения в год; за 1915—1917 и 1933—1934 годы $К_р$ усреднены).

И даже каждая «передышка» кровопролитнее мировой войны.

А ведь были рекордсменами по долгожителям.. Отношение коэффициентов смертности населения России — СССР (K_1) и Европы (K_2) в период 1900 года (о) и 1985 года (.) в зависимости от возраста (мужской пол; для 95—100 лет — оба пола).

не. Но даже каждая из наших «передышек» была кровопролитнее, чем первая война.

Еще убедительнее потенциальный уровень естественой смертности, на который выходила бы Россия, не будь Октября. Об этом можно судить пю немецким коэффициентам, на которые мы могли выйти в 1925—1926 годах. Могли — судя по темпам роста школ, врачебных участков, гигиенических обществ, коммунальных услуг. Наши коэффициенты были хуже немецких только для детских возрастов из-за инфекционных и паразитарных болезней, а также недостаточного числа повивальных бабок. Но эти причины стремительно исчезали, общий коэффициент смертности у нас снижался вдвое быстрее, чем в Германии. Это объяснялось экономическим благополучием России (седьмое место в мире), заработками рабочих (1, 2 грамма чистого золота в день), резким подъемом промышленности и урожайности в годы войны, малыми жертвами в войну (на тысячу населения в три раза меньше, чем у Германии), ничтожным употреблением спиртного (с 1914 года в семьдесят раз меньше, чем сейчас).

Отсчет от такого уровня дают жертвы за 1918—1940 годы в 55 миллионов, а за 1918—1949 годы — 95 миллионов человек. Это цена отторжения страны от достигнутой к Октябрю цивилизации. Но если учесть, что природа в России была чище, а генофонд лучше, чем в Германии, уровень естественной смертности должен был быть еще ниже.

Потери после 1949 года установить сложнее, поскольку опубликованные данные переписей 1959—1989 годов крайне бедны и зачастую не согласуются между собой. Некоторые сведения тем не менее можно извлечь и из них. К примеру, среди рожденных в 1927—1931 годах к 1987 году в живых осталось 43 процента мужчин и 54 процента женщин. Мужчины умирали в три с половиной раза быстрее, чем на Западе, женщины — в пять раз; соотношение полов — 0,80 (мировой рекорд; в ФРГ, к примеру,— 0,95).

Интересно отношение коэффициентов смертности нашей страны (K_1) к средним коэффициентам девяти лучших стран Европы (K_2). На рисунке 4 показана завнсимость K_1/K_2 от возраста мужчин для 1900 года (нижняя кривая) и 1985 года (верхняя кривая). Детская смертность до одного года в России была в два раза выше, чем в странах девятки (хотя Австрию превышала лишь на 20 процентов). Смертность в возрасте восемнадцати — семидесяти лет почти не отличалась от данных западных стран. Зато наши старики жили дольше, чем на Западе, после восьмидесяти пяти лет — в два раза дольше. Это абсолютный мировой рекорд, не превзойденный до снх пор. В Европейской Россин было в восемнадцать раз больше столетних, чем в Европе (на миллион населения), а среди стариков старше шестидесяти лет доля столетних была приблизительно в сто восемьдесят раз больше, чем в Германии. Уникальное долгожительство могло обеспечиваться лишь прекрасными социальными и природными условиямн, а также беспримерным генофондом населения, который, по-видимому, уже утрачен.

К 1985 году положение катастрофически ухудшилось. Смертность до года оказалась в три раза выше, чем на Западе (с поправкой методики), в возрасте 1—4 года — в 7 раз, в возрасте 30—40 лет — в 3,7 раза. Судя пю всему, сейчас график выглядит еще хуже. Наиболее драматические изменения произошли с долгожителями. У нас их стало много меньше, у них — много больше, соотношение изменилось в семьдесят раз. Шестая часть суши оказалась непрнгодной для существовання столетних и малопригодной для остальных возрастов. Кривая на рисунке 4 — это приговор нашему бытию: ежегодно умирает на 0,95 миллиона человек (33 процента от всего числа умирающих) больше, чем на Западе, и на 0,64 миллиона (57 процентов) больше людей от 0 до 59 лет. Этн «дополнительные» потери за год равны сорока афганским войнам. Приняв среднюю величину пютерь за 1950—1989 годы в 0,6 миллиона человек в год, получим жертвы около 25 миллионов человек.

Великий Октябрь сломал и искорежил судьбы полумиллиарда людей, живших на момент революции и родившихся после. Из 160 миллионов умерших в 1918—1949 годах 95 миллионов — жертвы; из 83 миллионов умерших в 1950—1989 годах 25 миллионов — жертвы. Гнбло все живое: люди, скот (лишь в 1928—1932 годах сдохло 150 миллионов голов, 59 процентов всего стада страны), природа. Наша территория превращена в самую отравленную биохимическую провинцию в мире с самым большим населением. Все больше районов, где заболеваемость молодежи составляет 100 процентов. Младенцы болеют и умирают от инфекций в сорок раз чаще, чем в Германии (при царе — в два раза), от пневмонии — в сто раз. Мы стали нацией больных людей — это грозные признаки подвижки генофонда, величайшей ценности Вселенной. Геноцид населения и природы сейчас принял форму генетического вырождения. Это главное наследие Октября. Не превратились ли мы в палачей своих детей?

Не выдерживает природа — не выдерживает человек, ведь он самое хрупкое создание биологии. Естественный уровень мутаций (в отличие от других млекопитающих) держит человека вблизи порога генетического вырождения. Удвоение числа мутаций приведет к гибели популяции в течение двух-трех поколений. Ядохимикаты в окружающей среде способны осуществить это мимоходом, не успеем оглянуться. Существующий уровень загрязнений, возможно, уже достаточен. Нужно немного. Например, человеку хватит десятой доли от нижней смертельной дозы радиации, чтобы число мутаций удвоилось.

Масштаб катастрофы столь велик и ужасен, что психика отторгает реальность. Мы все еще надеемся на что-то, ничего не делая пю существу. Продолжаем играть в старые игры. Нам не по силам содержать и десятую часть армии, космоса, атома, фундаментальной науки, чиновников, лакеев и распределителей всякого рода, не по силам корчить из себя цивилизованную страну. Не по Сеньке шапка. Мы — не Россия. Мы — ее клочья. Мы — Антироссия. Остатки генофонда еще, может быть, можно спасти и через это выжить, если отдать 90 процентов бюджета природе и человеку. Необходимы немедленные и гигантские вложения в экологию, здоровье населения, материнство. Требуется, по-видимому, не менее 200 миллиардов долларов ежегодно. В этом должны нам помочь и соседи по планете, ведь и их травим. Не можем? Тогда ради жизни детей нужно отдавать территории иностранцам (может быть, под опекой ООН) с единственным условием — экология. ●

«...В пользу и в удовольствие всякого звания читателей»

Более двухсот лет назад вышел первый провинциальный журнал России «Ежемесячное сочинение на 1786 год, содержащее в себе разные известия о достопамятных происшествиях, случившихся в здешней стране издревле и ныне; благотворительные и человеколюбивые деяния, оказанные частными лицами к общественной пользе; разные духовные, философические, нравоучительные, исторические, до нашего отечества и до иных государств относящиеся, так же до естественной истории, домоводства и до наук принадлежащие сочинения».

Первенец провинциальной журналистики назывался «Уединенный пошехонец» и издавался в Ярославле. Жизнь этого «ежемесячного сочинения» была недолгой (в середине XIX века столичные «Отечественные записки» посмеялись над иностранцем, сообщившим о существовании такого издания). Но вслед за «Уединенным пошехонцем» появились тобольские «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (1789—1791) и «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей» (1793—1794).

Недолог был век и этих журналов. Но ручеек провинциальной периодики мало-помалу стал набирать силу, и через сто лет в разных губернских городах России выходили уже десятки изданий.

Первые провинциальные журналы сыграли немаловажную роль в формировании так называемой «провинциальной» культуры в изначальном, территориальном, не оценочном и не уничижительном смысле этого слова. Иное понимание провинциальной культуры как чего-то отсталого, второсортного утвердилось позднее, когда с торжеством тоталитарной государственности центр и периферия разошлись.

Второе рождение провинциальных изданий — 1990—1991 годы. Они возникли рядом с местными «правдами» и «ленинскими знаменами», у них разные учредители и покровители — фонды культуры, общества охраны памятников, архивы, краеведческие общества и даже музыкальное училище. Общее же — обращение к истории и культуре своего края, стремление возродить интерес к жизни и судьбам земляков, восстановить прерванную связь с прошлым. Симптоматичны их названия: газеты — «Новая жизнь старого города» (Рыбинск), «Отчий край» (Набережные Челны), «Вече» (Орел), «Пензенский временник любителей старины»; журналы — «Костромская старина», «Тверская старина». Эти издания, насколько нам известно, не были замечены столичной прессой. Их тираж мал (у журналов три — пять тысяч), их не найти даже в специализированной Государственной публичной исторической библиотеке.

Наш журнал решил знакомить своего читателя с лучшими провинциальными изданиями, чтобы вместе следить за медленным и трудным процессом возвращения к тому чисто российскому состоянию культуры, которое когда-то В. Ключевский определил так: «Центр России находится на периферии».

В. Афиани

«Знание — сила».
Май — июль 1992

Костромская старина

Итак, «Костромская старина». Непериодическое издание с таким названием выходило в 1890—1911 годах. Вообще подобное название было введено в отечественную журналистику историками декабристами А. О. Корниловичем и В. Д. Сухоруковым, издавшими в 1824 году в Санкт-Петербурге исторический альманах «Русская старина». С легкой руки М. И. Семевского, взявшегося выпускать знаменитый журнал «Русская старина», оно приобрело необычайную популярность в России. До революции выходили «Калужская», «Киевская», «Костромская», «Минская», «Смоленская», «Еврейская» и даже «Живая старина» (историко-этнографического содержания). Современные издатели опираются на эту богатую журнальную традицию.

Подобное издание отвечает той потребности «познать самих себя, со всеми нашими недостатками и добродетелями», о которой писал Салтыков-Щедрин в 1856 году, когда на пороге великих реформ александровского царствования русское общество осознало необходимость внутреннего сосредоточения перед решительным рывком вперед: «...всякий, кого сколько-нибудь коснулся труд современности, кто не праздно живет на свете, волею или неволею, естественным ходом вещей, должен убедиться, что если мы желаем быть сильными и оригинальными, то должны эту силу и оригинальность почерпать в той стране, на которую доселе, к сожалению, мы смотрели равнодушными и поверхностными глазами заезжего туриста».

То, чем занимается «Костромская старина», принято называть краеведением, то как это делают ее авторы и издатели было бы правильнее вслед за С. О. Шмидтом) назвать крае-л ю б и е м. Все материалы (будь то архивные документы, статьи или воспоминания) связаны между собой содержанием, смыслом и этим вот «любием» — очень конкретным, очень личным отношением к людям, событиям, памятным местам города и края.

Открывая второй номер журнала, издатели пишут: *«В истории, как и в жизни, все взаимосвязано, все имеет значение. Это относится и к целому городу, и к отдельной улице, и к одному человеку, живущему на ней. Нельзя искусственно прерывать живую нить времен и событий, насильно изменять естественное течение человеческого бытия. Теперь-то мы знаем хорошо, к чему приводит все это. Но природа и жизнь все равно берут свое: память не молчит, здравый смысл пробивается, нить понемногу восстанавливается. Время открывает нам документы, документы, в свою очередь, открывают нам время»*. Вот, например, отрывки из архивных документов, обнаруживающих сходную судьбу Авраамиева Чухломского монастыря и костромского крестьянства.

Монастырь, созданный в XIV веке, чье имя связано с преподобным Авраамием, учеником и постриженником Сергия Радонежского, был закрыт постановлением Президиума ВЦИК 1928 года по ходатайству Костромского губисполкома:

> «Президиум ВЦИКА принял к сведению ваше постановление и доклад о закрытии церквей в Авраамиевском Чухломском монастыре Костромской губернии.
>
> Просьбу верующих о пересмотре вопроса Президиум ВЦИК отклонил, о чем сообщите заинтересованной группе верующих.
>
> (...)
>
> Переустройство здания ликвидируемой церкви и сама ликвидация производится по соглашению с Главнаукой.
>
> Член ПредВЦИКА П. Смидович
> Зав. Канц. Кошкин»

(Публикация Татьяны Войтюк)

А вот второй документ, датированный февралем 1930 года:

> «Строго секретно. Председателю ..РИКа: В развитие и дополнение постановления облисполкома по вопросу ликвидации кулака как класса президиум окрисполкома предлагает принять к руководству и немедленному исполнению нижеследующее:
>
> 1) Срочно приступить к подготовке выселения кулачества из районов сплошной коллективизации.
>
> 2) У кулацких хозяйств 2 категории возьмите на учет все имущество, за исключением одежды и предметов домашнего обихода.
>
> (...)
>
> 10) Срок выселения кулачества сообщим через органы ОГПУ дополнительно, но необходимо срочно развернуть работу по выселению с тем, чтобы все мероприятия были закончены к 1 марта с. г.
>
> (...)
>
> О принятых мерах и ходе работ сообщайте через каждые 5 дней лично председателю окрисполкома.
>
> Председатель окрисполкома Круглов»

(Публикация Лины Федоровой)

Так, уничтожая монастырь, разрушали веру, уничтожая крестьян — убивали чувство хозяина.

Результат известен. Даже на бытовом, повседневном уровне: нами почти забыты способы приготовления хлеба, всех этих ситников, караваев, «пеклеванных», оладьев, овсяных «мушников», ватрушек и «отварушек», о которых рассказано в публикации прекрасной работы Л. С. Китицыной (костромским этнографом), выполненной в двадцатые годы. И разве не экзотика и не анахронизм рекомендации по устройству стола («...сколько перемен, какие кушанья приличны к какой перемене, смотря по чину персон»), предложенные извлечения из «Нового совершенного российского повара и кондитера» XVIII века, хранящегося в областной научной библиотеке имени Н. К. Крупской (*публикация Г. Зыковой*). Если вы забыли вкус сыра, то вам предложат рецепт яичного сыра, если уж совсем все забыли, то можете приготовить овсяный суп, который «весьма дешев и вкусен» или торт из черных сухарей (правда, если вам удастся достать сметаны и четверть фунта сахара).

В разделе «Вечные спутники» читатель встретится с теми, кто прославил свой край — мыслями, трудами, добрыми делами, — с писателем-этнографом Сергеем Васильевичем Максимовым, толстовцем Павлом Ивановичем Бирюковым, костромским биографом Толстого, А. Н. Григоровым — основателем и попечителем местной гимназии — знаменитой Григоровки.

Именно Григоровке посвящен отрывок из «исповедальной прозы» русского писателя и философа Василия Розанова — ученика Костромской гимназии:

> «Мечта моя, года три назад и теперь, следующая. Может быть, кто-нибудь любящий — исполнит (Флоренский? Цветков?): Нужно отобрать из моей коллекции римских монет — 100 или 200, консульских динариев и из динариев Траяна, Адриана и Антонина Пия (особенно многочисленны). Поместить каждую монету в коробочку (у меня их громадный запас), надписать сверху определение монеты («Римская республиканская. Патрицианский род Манлиев», «Юлиев» и т. д.). Донышки коробок обмазать гуммиарабиком и прилепить ко дну небольшого ящика под стеклом — сперва республиканские по порядку

алфавита и затем императорские по хронологии. Закрыть и запереть ящик (ящики есть у меня). И пожертвовать, то есть попросить принять его в дар, начальнику Григоровского училища (теперь пансион? гимназия?) в Костроме — для этого училища. Позвав слесаря, можно там и поместить это в коридоре учениц старшего класса или — если бы встретились препятствия — в старшем классе, прибив на петлях и крюках верхнюю сторону, а снизу сделав «отстранение» (от стены; такие «отстранения» у меня есть при ящиках). Таким образом, ящик будет в покатом положении. Над ящиком укрепить небольшой серебряный венок, на что из оставленных мною денег выдать рублей 150—200, с пластинкою-надписью посредине него:

Григоровскому училищу
от воспитанницы
1860—1867 годов
Веры Розиновой.

Верочка была вся благородная и деликатная. Она была похожа только на старшего брата Колю (достоинство), на нас прочих не была похожа».

В. Розанов, «Опавшие листья»

С Григоровкой знакомит нас публикация исторической записки.

О пятидесятилетии Костромской женской Григоровской гимназии (1857—1907)

(Составитель К. АРЖЕНИКОВ)

...В городе Костроме... в 1857 году учреждено... училище, основанное на щедрое пожертвование почетного попечителя местной мужской гимназии А. Н. Григорова. В 1870 году преобразовано в Григоровскую женскую гимназию...

Основанием Костромского женского училища послужил открытый в 1843 году дочерью генерал-майора Софиею Андреевною Шкотт частный пансион, ученицы которого и были переведены во вновь открытое училище, а г-жа Шкотт назначена инспектрисою училища.

Училище было открыто для всех сословий, плата по 20 рублей в трех низших классах и по 30 рублей в высших. Предметы: Закон Божий, русский, немецкий и французский языки, география, чистописание, рисование, рукоделие, музыка, танцы.

Училище в составе трех классов открыто было в 1857 году. Первое начальное пожертвование А. Н. Григорова выразилось в обязательстве, что, пока он состоит почетным попечителем мужской гимназии, вносить ежегодно плату учителям 2000 рублей и на наем квартиры для училища и отопление по 900 рублей. В первые годы училища это были единственные источники его содержания. Три первых года училище помещалось в наемном доме (дом Солодовниковой на Павловской улице).

В 1858 году 16 августа состоялось посещение императором Александром Николаевичем и государыней Марией Александровной с принцем Виртембергским.

С августа 1860 года училище помещается в собственном здании, купленном и отстроенном иждивением А. Н. Григорова (купчая со Стригалевым и Безносовою совершена А. Н. Григоровым 20 мая 1859 года).

С этого времени в училище 6 классов.

В 1862 году Костромское губернское училище для девиц преобразовано в женское училище первого разряда, при котором существуют педагогические курсы, предоставлено право на получение звания домашней учительницы или наставницы без испытания.

Для большого обеспечения заведения А. Н. Григоров пожертвовал училищу 1000 десятин земли с населенными на ней 240 душами временно обязанных крестьян в деревнях Березовке, Кобячихе и Малинках Кинешемского уезда. (Дарственная надпись совершена 19 апреля 1863 года, доход от этого имения простирался до 950 рублей в год.)»

Когда сегодня ищутся ответы на вопрос: почему современный человек страдает от нивелировки школьного образования, от стандартов мысли, языка, культуры, то причины называются самые разные. Да, дети наши с детства учатся ходить строем, и форма одежды учащихся не свободна. Но почему-то раньше казенный гимназический мундир не мешал внутренней свободе тех, кто хотел и любил учиться. Вглядимся в лица гимназистов на старых снимках начала века. Какие живые лица, как много говорят они о времени, когда вечные ценности еще не были уценены и обезличены.

Почему старая школа при всех ее недостатках не гасила человеческую индивидуальность, ее способности и таланты? Об этом — статья *Л. Сизинцевой.*

Классическое образование в Костроме

Не се ль Минервы росской храм?
Не се ль Элизиум полнощный...
А. Пушкин

1804 год... Если смотреть на Кострому с Волги, то высокий левый берег еще не зовется Муравьевкой, но место, которое так назовут через полсотни лет, справа уже украшено церковью Всех Святых, а слева — отстроенной за четыре года до этого церковью Бориса и Глеба. Рядом со Всехсвятской церковью — огромный дом губернатора, в два этажа с мезонином, каменный, с тенистым садом; недалеко от Борисоглебской — двухэтажный дом, принадлежащий Приказу общественного призрения. Уже четверть века здесь действует главное народное училище, которое наряду с подобными себе должно было воплотить мечту Екатерины II о бесплатном всесословном образовании.

1804 год. 15 сентября. Училище торжественно переименовано в гимназию, многие костромичи именно тогда впервые услышали это слово. Костромских юношей, пришедших сюда в тот день, готовились воспитать в духе классической культуры, ввести в мир Древней Греции и Рима, по образцу которых творилось наше Отечество. Общим было представление о том, что рабство (читай — в местном варианте — крепостное право) вполне может сосуществовать со свободой отдельно взятых граждан.

Эту миссию и приняли на себя Герасим Иорданский, преподаватель латинского языка и изящных наук, Василий Чижов, учитель истории со включением мифологии и древностей, географии, статистики и начал философии, отец будущего мецената, и «иностранец Тейзер», принявший на себя преподавание французского языка.

Первых учителей подарила гимназии Костромская духовная семинария, выпускники которой к этому времени постигли не только латынь и греческий, но и французский с начатками естественных наук. Языки древних были для них не более мертвы, чем древнеславянский, на котором они учили молитвы и церковные службы. А в 1812 году из первопрестольной вернулся и молодой исследователь «Слова о полку Игореве» Николай Грамматин, чтобы стать директором Костромской губернской гимназии. Классика российской словесности вплеталась в классику европейской культуры.

Цели, стоявшие при учреждении гимназии в России, определялись как «приготовление к университетским наукам юношества» и «преподавание наук», необходимых «для благовоспитанного человека»[1]. И если круг дисциплин, предназначенных для достижения первой цели, оставался практически неизменным — древние языки, история, философия, российская и французская словесность (они дожили в составе гимназического курса до 1917 года), то представления о том, что же именно необходимо «для благовоспитанного человека», менялись в зависимости от времени.

В 1819 году все-таки согласились с тем, что знать Закон Божий благовоспитанному человеку не мешает, и ввели его в курс, где он и сохранялся до тех пор, пока вообще сохранялось как цель — создание благовоспитанного человека, то есть до начала XX века. Главной переменной в системе классического образования были естественные и практические науки, которые то включались в гимназический курс, то исключались из него в зависимости от движения исторического маятника. Общество левеет — и гимназисты штудируют «чистую и прикладную математику и коммерческие науки», «натуральную историю, физику и начала политической экономии». Общество правеет — и будущие благовоспитанные граждане освобождаются от изучения этих дисциплин.

Однако самое удивительное событие в жизни Костромской губернской гимназии относится к 1834 году. В полдень, октября 8 дня, к зданию гимназии, и сейчас стоящему на том же месте (Дзержинского, 9), подъехало несколько колясок, в одной из которых сидел российский император Николай I. Он осмотрел классы, приветствовал гимназистов, но удивительным было не это, а отданное после осмотра распоряжение. Оно гласило: перевести данное учебное заведение из тесного помещения в... дом губернатора, расположенный в противоположном конце улицы, потому что прежнее было тесно и неудобно для гимназии, зато вполне достаточным для начальника губернии. И к ноябрю 1836 года гимназия въехала во вновь отделанное для нее здание, которое тоже до сих

[1] Н. Андроников. Исторические записки о Костромской духовной семинарии и Костромской губернской гимназии. Кострома, 1874, Отд. 2, с. 6.

пор стоит над Волгой (Дзержинского, 17). И даже в отличие от соседнего с ним здания Епархиального женского училища, до сих пор служит просвещению юношества, принимая под кровом своим технологический институт.

Между тем в середине XIX века один из костромских гимназистов, сын купца Стоюнина, став одним из крупнейших педагогов России, напишет: «...просвещенный человек не тот, у кого много несвязанных познаний или таких, которые составляют одну какую-нибудь специальность, а тот, кто через научные познания развил в себе высшие понятия, которые определяют человеческую жизнь в ее отношениях ко всему окружающему, то есть к природе и обществу. Просвещение вызывает присущие человеку стремления к истине, правде, добру и изящному и сами им поддерживаются...» То есть формируется понятие, которое сегодня мы назовем «интеллигентностью»: «Можно быть ученым специалистом и в то же время человеком малопросвещенным...»

Если сравнивать конец XIX столетия с его началом, то хорошо заметна разница между естественным погружением в классический идеал гармонии, свойственный пушкинской поре,— и дисгармонией рационализма, заметной на излете века. От гармонии осталась лишь достойная почтения форма, дух ее отошел. И другой костромской гимназист, В. Розанов, будет сетовать на «сумерки просвещения»: «Тут не было ни Отечества, ни веры, но формы «Отечества» и «веры» были».

Именно в это время формируются те пороки классической школы, которые унаследует и школа советская, утратив то лучшее, что было в гимназиях. Разве не уловит знакомое всякий выпускник, проведший десять лет в современной школе, вот в этой фразе: «Что же делали преподаватели гимназии? Да занимались борьбою с учениками за баллы; баллопромышленничество поглощало всю деятельность их и гимназистов».

Разве не писали мы с вами сочинения, похожие на те, что задавали пятиклассникам второй костромской гимназии: «Характеристика Мироновых», «Помещичий быт по роману Пушкина «Евгений Онегин»?

Если же говорить о том, что выгодно отличает гимназические программы от нынешних, так это утраченная нами сложность постановки задач, требующих самостоятельности мышления, сопоставлений и сравнений, позволяющих самому ощутить движение историко-культурного времени: «Гамлет» Шекспира и «Гамлет» Тургенева; «Помещичий быт в изображении Гончарова и Фонвизина». Это — пример из области русской словесности, потому что, естественно, перевод одной из песен «Энеиды» Вергилия или главы из Тита Ливия остается далеко за пределами наших возможностей.

И, пожалуй, главное, что отличало гимназистов от нынешних школьников,— желание и умение самостоятельно мыслить. В костромском архиве хранятся записки гимназистов, сделанные не для урока, а для удовлетворения собственных потребностей в изучении «властителей дум» — Н. К. Михайловского, Бокля, Спенсера. Потом они также изучали Маркса и Бебеля. С чем-то соглашались, что-то отвергали. Это была привычная форма умственного труда, необходимого для уяснения собственной позиции в подвижном мире.

Правда, мир этот изменялся слишком стремительно и не всегда по законам логики, которую они штудировали в гимназии. Да и самим им хотелось опровергать законы больше, нежели их познавать. И все же те, кто встречал постаревших гимназистов и гимназисток, знает, что эта культура была и останется неповторимой. ●

Послесловие

В заключение — несколько слов об учредителях и создателях журнала.

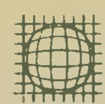
Издатели: Областной государственный архив и газета «Костромские ведомости».

Редактор — Николай Муренин.

В выпусках первых номеров принимали участие:

Татьяна Войтюк, Марина Недомарацкая, Татьяна Гончарова, Ирина Тлифф, Валентина Смирнова, Марк Соловьев.

Пожелаем им всем удачи, читательского внимания, терпения, бумаги, хороших и щедрых спонсоров.

Стеклянная мышь

Эксперименты на животных все же постепенно уходят в прошлое. Большой шаг вперед в этом отношении сделал профессор Франк Фалькенберг, работающий на медицинском факультете Рурского университета в Бохуме. Три года потребовались ему и его сотрудникам, чтобы разработать «стеклянную мышь», в которой можно получать моноклональные антитела. До сих пор их получали преимущественно в организме живой мыши. Теперь этот процесс происходит в трубочках среди питательной жидкости в стеклянном цилиндре, который нагревается до температуры тела и постоянно вращается. По мнению изобретателя, изготовить прибор очень легко. Его коэффициент полезного действия велик, поскольку он заменяет двадцать пять настоящих мышей и таким образом спасает жизнь многим маленьким грызунам.

Как предсказать извержение?

13 июля 1989 года началось извержение подводного вулкана Теиси, расположенного на дне Тихого океана, у берегов японского острова Хонсю. В сорока километрах к юго-востоку от него находится вулкан Идзу-Осима, на склонах и вершине которого японские геофизики и сейсмологи ранее установили приборы для измерения температуры газов, вырывающихся из недр на поверхность.

Обрабатывая данные этих приборов, специалисты выяснили, что за десять суток до извержения Теиси температура газов, выделяемых Идзу-Осима, начала медленно понижаться, а за трое суток резко упала.

Японские ученые полагают, что эти вулканические системы глубоко под землей связаны между собой, как сообщающиеся сосуды. Отсюда возникает возможность дистанционного наблюдения и даже прогнозирования активности одного вулкана по состоянию другого.

Милдред нашлась, а Альфред — пока нет

В 1916 году американские астрономы Хврлоу Шепли и Сет Б. Никлсон обнаружили неизвестный астероид. Пользуясь правом первооткрывателя, Х. Шепли дал малой планете имя в честь своей годовалой дочери Милдред. Однако увлеченный больше исследованием далеких галактик, чем нашей Солнечной системой, никаких дальнейших шагов не предпринял. С. Б. Никлсон тоже. И вообще астероидами в те времена мало кто интересовался. Вскоре астрономы потеряли небесную Милдред из вида. Серьезный поиск новых малых планет возобновился лишь в 1947 году. Теперь усилиями астрономов разных стран удалось заново наблюдать все ранее открытые малые планеты. Кроме двух, и в их числе — Милдред.

В мае 1991 года наблюдатель Гарет В. Уильямс сообщил о вторичном открытии Милдред. Теперь ее орбиту удалось вычислить, так что снова потерять это небесное тело нам уже не грозит. Все это может порадовать не только «звездочетов»-профессионалов, но и ныне здравствующую Милдред Шепли. Ей далеко за семьдесят, но она все еще трудится в издательстве университета штата Аризона на посту редактора научных статей. Таким образом, «неотловленным» остался один лишь астероид по имени Альфред. Причем со времени его первого открытия астрономы уже успели забыть, в честь кого он так назван.

Птица или рептилия?

Много лет ученые ведут споры о том, мог ли археоптерикс, которого всегда считали птицей, летать. Хотя найденные ископаемые останки указывают, что он имел крылья и маховые перья, в его скелете нет места для прикрепления мышц, достаточно сильных, чтобы совершать полеты. Джон Рубен, зоолог из Орегонского университета, вновь проанализировал скелет птицы, возраст которой 145 миллионов лет, и пришел к выводу, что, вероятно, она все же летала, но только на относительно небольшие расстояния. А вот по своему внутреннему строению археоптерикс был настоящей рептилией. У рептилий система мускулов на единицу веса намного мощнее, чем у теплокровных животных, отмечает Рубен, но они менее выносливы. «Следовательно,— считает он,— археоптерикс, наверное, летал хорошо, но без посадки — не более одной мили. В последующие 50 миллионов лет начался эволюционный отбор птиц, способных совершать полеты на большие расстояния, чтобы достичь мест с более благоприятными климатическими условиями в определенное время года».

А. Левандовский

Царь и старец

Прошлое России, как никакой другой европейской страны, полно загадочных событий, таинственных действующих лиц. Очерк, который мы предлагаем вниманию читателя, вполне подтверждает это. Сюжет его поистине детективен: смерть и предполагаемое «воскресение» одного из замечательных правителей России дают богатый материал для серьезного исследования. Условимся только заранее, что нас будет волновать не конечный результат, а сам «следственный» процесс, и любопытнейший период русской истории предстанет перед нами в своем неожиданном ракурсе.

Помер же у нас православный
царь, Царь Александр Павлович..
Ты восстань-ка, пробудись,
православный царь,
Погляди-ка, посмотри
на нас, горьких..

Народная песня

Старец

4 сентября 1836 года у сельской кузницы в окрестностях города Красноуфимска, что в Пермской губернии, был задержан пожилой, лет шестидесяти, мужчина, просивший подковать лошадь. Кузнецу, завязавшему с ним беседу, бросилось в глаза, что потрепанная крестьянская одежонка на плечах проезжего никак не подходит к его холеному лицу и рукам, к барским манерам и сдержанной, изысканной речи; к тому же на все обычные в таких случаях вопросы — куда? зачем? как звать? и прочие — странный путник отвечал неохотно и уклончиво. Мужики, собравшиеся у кузницы, согласились с подозрениями ее хозяина и всей толпой повлекли незнакомца в земский суд для выяснения личности.

В суде на допросе неизвестный заявил, что «родопроисхождения» своего он не помнит; назвался Федором Козьминым, сыном Козьминым же; объявил, что вероисповедания он православного, неграмотен, холост. Официальное освидетельствование установило следующие приметы: «рост 2 аршина, 6 с половиной вершков[1], волосы на голове и бороде светло-русые с проседью, нос и рот посредственные, глаза серые, подбородок кругловатый, от роду имеет не более 65 лет; на спине есть знаки от наказания кнутом или плетьми». Суд в свою очередь приговорил Федора Козьмича «как бродягу, родства не помнящего» к двадцати ударам плетьми и ссылке в Сибирь на поселение.

Наказание соответствовало тогдашним законам. В то же время и на следствии, и на пути в Сибирь, и на месте ссылки — в Томской губернии — разнообразное начальство, которое на Руси, как правило, к сентиментам не склонно, проявляло к своему подопечному некоторую мягкость и снисходительность; очевидно, даже толстокожие чиновники ощущали, что имеют дело не с обычным бродягой... В Томской губернии Федору Козьмичу была предоставлена известная свобода в выборе местожительства, и он менял его неоднократно.

Переезды вызывались прежде всего стремлением к уединению, которое каждый раз оказывалось недоступным, — он пользовался огромной, постоянно растущей популярностью. Очень скоро после своего водворения в Сибирь этот «бродяга, родства не помнящий», стал для окружающих «благодатным старцем», к которому со всех сторон стремились за советом и поучением. Поначалу Федора Козьмича осаждали крестьяне соседних деревень, затем в его скромном жилище все чаще стали появляться томские купцы, мещане и чиновники, приезжали гости и из куда более дальних краев..

Образ жизни старца вполне соответствовал его предельно скромной одежде. Обстановка всех его келий была одна и та же — стол, лежанка, два-три стула. На стене висели гравюры религиозного содержания: икона Божьей Матери и Александра Невского, портреты некоторых духовных лиц; на столе лежали Евангелие, Псалтирь, молитвенник. Вставал старец очень рано и значительную часть дня проводил коленопреклоненным в молитвах и размышлениях (при посмертном освидетельствовании тела Федора Козьмича на коленях обнаружили толстые мозоли). Пища его была самая скудная — сухари и вода. При этом он, однако, не отказывался от угощения рыбой и даже мясом...

За советами к нему обращались по самым различным поводам. Крестьяне, например, сразу же оценили, что старец не только хорошо понимает нужды и хлопоты земледельца, но и относится к ним с большим уважением. Указания Федора Козьмича о времени сева, выборе земли под пашню, огородных работах принима-

[1] Один аршин равен 71,1 сантиметра, один вершок — 4,4 сантиметра. Следовательно, рост Федора Козьмича был около 1,7 метра.

лись всегда почтительно и, судя по тому, что авторитет старца в крестьянской среде рос постоянно, давали благие результаты. Часто к старцу обращались с семейными делами, искали у него поддержки в тяжелые минуты жизни. Наставления Федора Козьмича всегда были серьезны и кратки, однако в подобных случаях он нередко предпочитал выражаться «прикровенно», прибегал к иносказаниям, с тем чтобы склонить страждущего к духовной работе, заставить его самого найти единственно правильное решение.

Иногда старец пускался и в отвлеченные рассуждения: бывавшие у него посетители вспоминали впоследствии, что «уча уважать власть», Федор Козьмич в то же время постоянно внушал мысль об изначальном равенстве: «И цари, и полководцы, и архиереи — такие же люди, как и вы, только Богу угодно было одних наделить властью великою, а другим предназначить жить под их постоянным покровительством».

Многих из тех, кто приезжал к нему, старец интересовал совершенно бескорыстно, сам по себе, как явление «чудное, необычайное». Иногда, если его удавалось разговорить, подобное любопытство вознаграждалось с лихвой. Особенно благодарной темой для беседы оказывалась Отечественная война; говоря о событиях того времени, старец, по словам очевидца, «как бы перерождался: глаза его начинали гореть ярким блеском, и он весь оживал, сообщал же он такие подробности, вдавался в описание таких событий, что как бы сам переживал давно прошедшее время». Незаметно для себя, увлекшись рассказом, старец нередко поражал слушателей и столь же глубоким знанием высшего света, придворных кругов, правящей бюрократии. Создавалось впечатление, что он посвящен во многие интимные подробности жизни и деятельности таких знаменитых на рубеже XVIII—XIX веков людей, как граф Аракчеев, митрополит Филарет, Суворов, Кутузов... Только о царе Павле Петровиче[2] он не заговаривал никогда, да и имя царя Александра Павловича редко мелькало в его рассказах...

Конечно же, вопрос о том, кто такой «сей благодатный старец», живо интересовал всех его многочисленных почитателей. Сам Федор Козьмич всячески избегал говорить о своем происхождении, о своей предыдущей, иной жизни. Так, на осторожную просьбу одного посетителя назвать имя родителей — чтобы можно было за них помолиться — старец строго отвечал: «Это тебе знать не нужно, святая церковь за них молится. Если открыть мне мое имя, меня скоро не станет... И если б я при прежних условиях жизни находился, то долголетней жизни не достиг бы». На прямой вопрос своего последнего хозяина Хромова, который в предчувствии близкой кончины тяжело заболевшего старца просил его открыть свое настоящее имя, последовал еще более решительный и лаконичный отказ: «Нет, это не может быть открыто...»

За все долгие годы своего пребывания в Сибири Федор Козьмич лишь изредка, под воздействием нахлынувших чувств и воспоминаний позволял себе коснуться запретной темы. Так, А. С. Онишникова, дочь Хромова, вспоминала впоследствии, как однажды погожим солнечным днем они с матерью отправились на заимку навестить своего постояльца и застали его на прогулке. Старец был задумчив; поздоровавшись с гостями, он неожиданно сказал: «Вот, панушки, в такой же прекрасный день отстал я от общества. Где был и кто был, а очутился у вас на поляне...» Были у Федора Козьмича две знакомые старушки-ссыльные, пришедшие с ним в Сибирь в одной партии. Обычно 30 августа они приготовляли нехитрое крестьянское угощение, и старец проводил с ними весь этот праздничный день, день поминовения Александра Невского. И вот здесь в приподнятом настроении он так же вспоминал иногда: «Какие торжества были в этот день в Петербурге! Стреляли из пушек, развешивали ковры, вечером по всему городу было освещение!..»

В связи со всем прочим — благородным видом старца, его изысканными манерами и совершенно невероятными для простого человека сведениями — подобные оговорки, почитателями Федора Козьмича ловимые на лету, лишний раз убеждали в том, что в Томскую губернию он попал «с самых вершин».

Умер Федор Козьмич в 1864 году и был похоронен в ограде томского Алексеевского монастыря; надпись на его могиле гласила: «Здесь погребено тело великого благословенного старца Федора Козьмича, скончавшегося в Томске 20 января 1864 года» (характерно, что слова «великого благословенного» были впоследствии замазаны белой краской по приказу губернатора Мерцалова). И могила эта пользовалась большим почетом не только у местного населения... Известно, что позже эту могилу посещали некоторые члены царствующего дома — в их числе великий князь Алексей, брат Николая Александровича, и последний царь, Николай II, во время поездки по Сибири, которую он совершал еще будучи наследником престола. В конце XIX века видный сановник, член Государственного совета М. Н. Галкин-Врасский, своим иждивением поставил над могилой часовню.

...Как ни скрывал старец свое прошлое, запретить строить догадки на этот счет было не в его силах. Еще при жизни Федора Козьмича имя его окутала легенда. Из множества устных рассказов и некоторых публикаций в печати постепенно складывалось своеобразное житие старца Федора Козьмича, причем почти все многочисленные авторы его предлагали одно-единственное решение волнующей всех загадки...

Пожалуй, самым трогательным и интересным из рассказов о том, как приходили к этому решению различные лица, стала удивительная, на сказку похожая запись воспоминаний некоей Александры Никифоровны, которая еще молодой девицей стала воспитанницей старца. Федор Козьмич заразил ее своей верою, увлек рассказами о монастырях и лаврах и в 1849 году благословил на дальний путь, на богомолье в Россию. Александра Никифоровна со множеством приключений, но вполне благополучно пропутешествовала через пол-империи и добралась в конце концов до Почаевского монастыря, особенно почитаемого старцем. Здесь она отыскала «добрую графиню» и не менее доброго графа Остен-Сакенов, на которых ей указал старец как на людей, гостеприимно принимающих странников. Остен-Сакены увезли молодую бо-

[2] О Павле — статья В. Тюрина «Бедный Павел» в «Знание — сила», номер 4 этого года.

Передъ бюстомъ Императрицы Екатерины II Великіе Князья Александръ и Константинъ Павловичи сажаютъ дерево; Цесаревичъ Павелъ Петровичъ и Великая Княгиня Марія Ѳеодоровна наблюдаютъ за Дѣтьми.

Английскій король указываетъ на бутылку, въ которой помѣщенъ Наполеонъ. Молитвенно сложивъ руки, на колѣняхъ стоитъ Людовикъ XVIII; съ правой стороны Императоры Францъ II, Александръ, и король Фридрихъ-Вильгельмъ III. Слѣва — князь Шварценбергъ, Блюхеръ, Платовъ и Веллингтонъ.

гомолку к себе в Кременчуг, где ей суждено было встретиться с самим императором Николаем I, приехавшим навестить своего любимого военачальника. Молодая сибирячка понравилась царю, и он с удовольствием с ней беседовал. «Многое кое о чем расспрашивал царь,— вспоминала впоследствии Александра Никифоровна,— и все я ему спроста-то пересказывала, а они (государь и граф) слушают да смеются. Вот, говорит государь Остен-Сакену, какая у тебя смелая гостья-то приехала. А чего же мне, говорю, бояться-то, со мною Бог да святыми молитвами великий старец Федор Козьмич... Граф только улыбнулся, а Николай Павлович как бы насупился...»

В 1852 году Александра Никифоровна наконец вернулась в родные места. Старец встретил ее с большой радостью и тут же приступил к расспросам. «...И все-то я рассказала ему, где была, что видела и с кем разговаривала, слушал он меня со вниманием, обо всем расспрашивал подробно, а потом сильно задумался. Смотрела, смотрела я на него, да и говорю ему спроста: «Батюшка Федор Козьмич, как вы на императора Александра Павловича похожи». Как я только это сказала, он весь в лице изменился, поднялся с места, брови нахмурились, да строго так на меня: «А ты почем знаешь? Кто это тебя научил так сказать мне?» Я и испугалась. «Никто,— говорю,— батюшка, это я так спроста сказала, я видела во весь рост портрет императора Александра Павловича у графа Остен-Сакена, мне и пришло на мысль, что вы на него похожи, и так же руку держите, как он». Услышав это, старец молча вышел из комнаты и, как видела рассказчица, заплакал, утирая рукавом слезы.

На страницах «Жития» Федора Козьмича, в котором сейчас невозможно почти отличить правду от вымысла, подобных узнаваний множество, при этом узнают царя обычно даже не по портретам, а по своим собственным воспоминаниям. Ссыльный, в прошлом дворцовый истопник, бежит к старцу «попросить молитвы» о больном товарище и валится в обморок, увидев хорошо знакомого ему Александра «со всеми его отличительными характерными признаками, но только уже в виде седого старца». Другой ссыльный, солдат, падает перед узнанным царем на колени, еще один солдат, на этот раз отставной, отдает старцу честь по-военному (обоих служивых царь просит «никому не говорить, кто он», но, как видим, вполне безуспешно).

Так складывалось предание о том, что под именем старца Федора Козьмича скрывается царь Александр I, по официальным сведениям, скончавшийся 19 ноября 1825 года в возрасте 48 лет. На первый взгляд, это может показаться дикой и беспочвенной фантазией, о которой нельзя говорить всерьез. Однако в конце XIX — начале XX века фантазия все в большей степени приобретает черты научной гипотезы. У нее появляются убежденные сторонники, которые пытаются придать ей необходимую доказательность, и решительные противники, причем обе точки зрения складываются в результате исследовательской работы над многочисленными и разнообразными источниками.

Однако прежде чем погрузиться в эту весьма ожесточенную дискуссию и получить возможность самим взвесить все «за» и «против», необходимо познакомиться с царем так же, как только что мы познакомились со старцем, и решить для себя, возможно ли в принципе ставить вопрос об идентичности этих, казалось бы, невообразимо далеких друг от друга людей.

Царь

12 декабря 1777 года у наследника российского престола родился сын, получивший имя в честь святого Александра Невского. Бабка новорожденного, императрица Екатерина, приложила немало сил, чтобы воспитать внука-первенца в духе любезного ей в те времена Просвещения.

Вотъ пришла „пора страсти нѣжной" и Александръ женатъ на миленькой принцессѣ Баденской, почти ребенкѣ, составляющей полную гармонію со своимъ шестнадцатилѣтнимъ супругомъ, отъ брака которыхъ, какъ выразился Екатеринѣ нѣкій не въ мѣру усердный придворный, „должны были рождаться ангелы".

Между тем по мере того как великий князь взрослел, ему все чаще приходилось сталкиваться с российской действительностью, и она раскрывалась перед ним отнюдь не с казовой стороны. Деспотическая суть екатерининского режима становилась все очевидней: не «положительные законы», а произвол самой царицы и ее наглых фаворитов определяли государственную политику, высшие сановники, теряя не только совесть, но и осторожность, стремились урвать из казенных средств кусок пожирнее, при дворе процветали разврат, ложь, лицемерие.

Столкнувшись с явью, Александр, очевидно, был жестоко разочарован: жизнь оказывалась далекой от тех прекрасных принципов, которые внушались ему с детства. Более того, всегда нуждавшийся в духовной поддержке, Александр искал и не находил в своем окружении тех, кто разделял бы его мечты и надежды. Адам Чарторыйский, польский аристократ, находившийся в Петербурге на положении заложника, казалось бы, был Александру совершенно чужим, почти незнакомым человеком, но великий князь почуял в гордом поляке «своего по духу», этого оказалось достаточно, чтобы открыть перед ним сердце. «Великий князь,— вспоминал Чарторыйский,— сказал мне, что он нисколько не разделяет воззрений и правил екатерининского двора, что он далеко не одобряет политики и образа действий своей бабки, что он порицает ее принципы... Он сознался мне, что ненавидит деспотизм повсюду, во всех проявлениях, что он любит свободу, на которую имеют одинаковое право все люди, что он с живым участием следил за французской революцией...»

Жить с такими взглядами в Зимнем дворце было нелегко. К тому же Александр постоянно бывал и в Гатчине, своеобразном «уделе», выделенном царицей своему полуопальному наследнику Павлу, весь образ жизни которого определялся бесконечной муштрой небольшого гатчинского войска. Юноше поневоле приходилось лавировать между отцом и бабкой, павловской казармой и развращенным двором Екатерины. Именно в эти годы в характере будущего императора стали проявляться скрытность, недоверчивость, изменчивость в отношении к окружающим — те черты, которые впоследствии позволяли называть его «византийцем» и «загадочным сфинксом», обвинять в коварстве и лицемерии.

После смерти Екатерины положение Александра осложнилось еще больше. Если у Екатерины и были планы отстранить сына-ненавистника от престола и короновать любимого внука, то они остались втуне: в 1796 году Павел стал российским императором. Поначалу его политика определялась стремлением разрушить, переделать то, что было сделано покойной царицей, затем она вообще стала утрачивать смысл. Стремясь к единоличной власти, Павел все важнейшие государственные дела поставил в зависимость от своей несдержанной, взбалмошной, деспотичной натуры. В письме, с величайшей осторожностью доставленном покинувшему Россию Лагарпу, его воспитанник так охарактеризовал отцовскую «систему»: «...Благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами. Существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот на выворот. Невозможно передать все те безрассудства, которые совершились здесь. Прибавьте к этому строгость, лишенную малей-

„Императоръ Александръ былъ, несомнѣнно, человѣкъ съ честными намѣреніями и возвышеннымъ образомъ мыслей, формулируетъ свой взглядъ на него одинъ изъ добросовѣстнѣйшихъ и глубоко порядочныхъ дѣятелей близкой къ нему эпохи, А. В. Никитенко.—но.. ума не глубокаго и шаткой воли. Такого рода люди всегда искренно расположены къ добру и готовы его дѣлать, доколѣ имъ улыбается счастіе. Возникаютъ на ихъ пути трудности, — а это неизбѣжно, — они теряются, падаютъ духомъ, раскаиваются въ своихъ прежнихъ широкихъ и благихъ замыслахъ. Роль ихъ требуетъ великихъ дѣлъ, а имъ отказано въ органѣ, посредствомъ котораго тѣ совершаются, въ характерѣ. Люди эти, не выходя изъ посредственности, пригодны для обыкновеннаго порядка вещей, но не для общественнаго положенія, когда являются властителями народныхъ судебъ и руководителями событій, отъ которыхъ зависитъ благо цѣлыхъ обществъ..

шей справедливости, немалую долю пристрастия и полнейшую неопытность в делах...»

К самому Александру отец относился с враждебной подозрительностью и не щадил его чувств — тиранил сына, оскорблял публично, вынуждал принимать участие во многих своих жестоких, иногда страшных делах. Более того, Павел, следуя здесь за проклинаемой матерью, готов был отстранить от престола законного наследника, почти открыто он подыскивал сыну «замену» среди немецкой родни. Страх за свое будущее, более того, за свою жизнь заставил Александра примкнуть к заговору против отца.

Но несправедливо забывать и о другой, может быть, не менее весомой для Александра причине: он был твердо убежден, что отец его губит Россию, он искренне верил, что, сменив на троне Павла, сможет спасти страну, направить развитие ее по единственно верному пути. Участие великого князя в заговоре облегчалось и тем, что носило пассивный характер: Александру полагалось молча ждать и быть готовым взойти на освободившийся престол. Очевидно, он надеялся и на то, что переворот обойдется без кровопролития. Переворот 11 марта 1801 года завершился убийством Павла. Александр принял на душу страшный, непростительный грех отцеубийства...

Придя в себя после первого шока, молодой царь горячо принялся за государственные дела. Только «блаженство подданных», к которому он так искренне стремился, могло оправдать его перед историей, перед Богом, перед самим собой.

В письме к Джефферсону Александр писал: «...Я не имею иллюзий относительно размеров препятствий, стоящих на пути к восстановлению порядка вещей, согласного с общим благом всех цивилизованных наций...» Что это за препятствия, было очевидно,— во-первых, деспотизм власти, обрекавший страну на постоянные злоупотребления и произвол, во-вторых, крепостное право, превращавшее основную массу подданных русского царя в безгласный рабочий скот. Именно с реформ в этих сферах Александр и начал царствование, окружив себя «молодыми друзьями», теми немногочисленными приближенными, в которых он встречал, как в Чарторыйском, искреннее сочувствие своим преобразовательным стремлениям. Старые сановники честили молодых реформаторов «якобинской шайкой», с подозрением присматривались и к самому Александру.

До «революционных ужасов» дело, однако, не дошло. В эти годы было упорядочено центральное управление: созданы министерства, ясно определены функции Сената, отлажена взаимосвязь между центром и органами управления на местах, организован через Сенат общий контроль над деятельностью госаппарата. Вся эта система мер была, очевидно, вполне уместна в стране, пережившей неурядицы последних лет царствования Екатерины и произвольно деспотическое правление Павла. Но в этих реформах почти не прослеживалось влияние тех принципиально новых идей законности, гарантии прав населения и прочее, что так воодушевляло юного Александра, в сочувствии которым он признавался Чарторыйскому. Напротив, преобразования эти все больше укрепляли существующий строй, став своеобразным итогом многовековых усилий власти по устроению самодержавно-бюрократической государственности в России.

Слѣва, въ профиль, Александръ, въ срединѣ Наполеонъ en face, справа Фридрихъ-Вильгельмъ. Всѣ трое стоятъ, взявшись за руки.

Второй «приступ» к реформам Александр осуществил в 1808—1811 годах, после неудачных войн с Наполеоном, завершившихся тяжелым для России Тильзитским миром. В это время его главным и по сути единственным сотрудником, более того, доверенным лицом стал М. М. Сперанский, который со свойственными ему четкостью и обстоятельностью воплотил благие, но туманные пожелания императора в грандиозный «План государственного преобразования». Однако все ограничилось открытием в 1810 году Государственного Совета, органа, который, по плану Сперанского, должен был стать связующим звеном между царем и Думой, а на деле стал совещательным учреждением чисто бюрократического характера при царе.

Таким образом, реформы Александру не задались. Реальная жизнь никак не поддавалась абстрактным планам. Реальные люди совсем не походили на тех условных подданных, которым Александр искренне хотел обеспечить «блаженство».

На пути к переменам царь столкнулся еще с одним, на сей раз внутренним, препятствием. Поставив задачу ввести в России законность, гарантировать права ее граждан и увенчать все эти деяния конституцией, царь в то же время не желал ни на йоту ограничить свою личную власть. В известной мере это объяснялось сопротивлением высших слоев, Александр опасался, что, отказавшись от абсолютной власти, он выпустит из рук свое главное оружие. Но вести страну к конституционному строю, укрепляя в то же время самодержавие... Поистине Александр ставил перед собой невыполнимую задачу. Постепенно у него возникает ощущение собственного бессилия, невозможности достичь поставленной цели. Усиливается разочарование в людях и, наверное, в себе самом. Характер царя становится все более скрытным. «Никому не верю» — вот фраза, которая как нельзя лучше определяет состояние Александра к концу первого десятилетия его царствования.

1812 год. Отечественная война была страшным испытанием для Александра. Противник, не знавший поражений, воспринимавшийся в России многими верующими как антихрист, неуклонно продвигался в глубь страны. В ближайшем окружении Александра царили панические настроения. Надежды на победу становились все призрачней. И в это поистине тяжкое время император, изменив с детства внушавшемуся ему холодному, рациональному отношению к религии, берет в руки Священное писание... Впоследствии он вспоминал: «Я пожирал Библию, находя, что ее слова вливают новый, никогда не испытанный мир в мое сердце и удовлетворяют жажду моей души». Царь становится на молитву...

Изгнание Наполеона из России, заграничные походы, торжественное вступление в Париж в 1814 году — все это укрепляло Александра в его религиозном настроении; царь усваивает новые взгляды на мир, на людей, на свои жизненные задачи. На первое место теперь выдвигаются не политиче-

ские реформы, не преобразование хозяйственных отношений, а религиозно-нравственное усовершенствование человечества.

Однако религиозные устремления императора при всем своем отличии от его реформаторских планов имели с ними одно роковое сходство — были столь же абстрактны и оторваны от реальной жизни. Проводниками религиозных идей императора стали либо свирепые ханжи, либо лукавые, бездушные карьеристы; эти «истинные христиане» наиболее ярко проявили себя в беспощадном погроме университетов, издевательствах над наукой, преследовании серьезной профессуры...

Начало двадцатых годов для царя — время жестокого, последнего кризиса. «Как полумаю, как мало еще сделано внутри государства, то эта мысль ложится мне на сердце, как десятипудовая гиря, от этого устаю», — так говорил он в 1824 году. И вместе с тем Александр отказывается от каких бы то ни было попыток преобразовать Россию, стремясь к одному — худо ли бедно поддерживать в ней относительный порядок. С обычным для себя пониманием людей он находит подходящую опору — дельного, не рассуждающего и совершенно беспощадного в своей исполнительности Аракчеева. Высокие мечты гаснут в будничной рутине, лишь страшные военные поселения становятся последним зловещим отблеском александровских реформ...

А в обществе, разочарованном в своем некогда обожаемом повелителе, возникают тем временем революционные организации, которые преследуют, по сути, цели Александра в начале пути. Его должны были посещать мрачные воспоминания, ведь некогда и он, стремясь облагодетельствовать Россию, принял участие в убийстве отца... И вот пришло время подводить итоги.

Осенью 1825 года Александр с супругой Елизаветой Алексеевной выехал из Петербурга в Таганрог — императрица была больна, и доктора сочли климат Приазовья наиболее подходящим для ее исцеления. Перед выездом царь посетил Невскую лавру, где отслужил молебен и имел беседу со схимником, отцом Алексеем, известным своей подвижнической жизнью. В Таганрог Александр прибыл с невеселыми мыслями. Через несколько дней после приезда, найдя за обедом в сухаре камешек, он повелел расследовать это пустяшное обстоятельство, очевидно, допуская возможность покушения на свою жизнь... Проведя несколько недель в Таганроге, обжившись на новом месте, царь в конце октября поехал в Крым. Он вернулся 5 ноября больным, причем симптомы болезни — сильное расстройство желудка, лихорадка — впоследствии породили слух о том, что подозрения царя оказались справедливыми: он-де был отравлен... Болезнь продолжалась две недели, усиливаясь с каждым днем, и 19 ноябри в Петербург полетело известие о кончине государя императора.

Завершая это предельно краткое жизнеописание, отметим утонченность натуры Александра, искренность и напряженность духовных поисков, которые в конце концов привели к жестокому кризису, ощущавшемуся не только родственниками и приближенными, но и теми, кто был отдален от царя. Отметим также, что смерть царя была совершенно неожиданной и свидетелем ее стал очень узкий круг приближенных. Все это, вместе взятое, и сделало возможным возникновение удивительной фантастической легенды об «уходе» императора и житии его в Сибири под именем старца Федора Козьмича.

Легенда

Вскоре после смерти императора по Руси пошло великое множество слухов; некий дворовый человек Федор Федоров заполнил ими целую тетрадь с характерным заглавием: «Московские новости или новые правдивые и ложные слухи, которые после виднее означутся, которые правдивые, а которые лживые, а теперь утверждать ни одних не могу, но решился на досуге описывать для дальнего времени незабвенного, именно 1825 года, с декабря 25 дня». Государь не умер, в гробу, привезенном в Петербург, не его тело, он «скрывается» — вот при всем разнообразии сопутствующих деталей основной сюжет большинства этих записей (всего их в тетради — пятьдесят одна). Затем постепенно слухи утихли, чтобы с новой силой заявить о себе в шестидесятых — семидесятых, в последние годы жизни Федора Козьмича и после его смерти. «Скрывшийся» царь был обнаружен...

В конце XIX — начале XX века в печати появился целый ряд любопытных публикаций, связанных с кончиной императора и житием старца. Большой интерес, в частности, представляли приложения к фундаментальному труду Н. К. Шильдера «Император Александр I, его жизнь и царствование», опубликованному в 1904 году. И, кстати, сам Шильдер, очень серьезный и компетентный историк, допускал возможность «ухода» Александра Павловича. Затем стали появляться работы, специально посвященные легенде. Одни авторы приходили к выводу о несомненном тождестве Александра с сибирским старцем, другие не менее решительно отвергали такую возможность. «Царственный мистик» В. В. Барятинского, — очевидно, самая яркая книга в пользу легенды. Противоположную точку зрения защищал великий князь Николай Михайлович — «Легенда о кончине императора Александра I»; после революции с развернутой аргументацией, направленной против сторонников легенды, выступил К. В. Кудряшов в работе «Александр I и тайна Федора Козьмича».

Вот узловые пункты этой многолетней дискуссии. Прежде всего вставал вопрос: зачем вообще Александру нужно было инсценировать свою смерть? Те, кто считал легенду истинной, писали о духовном кризисе Александра, о его стремлении искупить свои грехи отказом от власти. Барятинский на первых же страницах своей книги давал целую сводку отрывков из воспоминаний близких к Александру людей, из которой следовало, что мысль об «отставке» постоянно занимала Александра в последние годы: «Я устал и не в силах сносить тягость правительства».

Из лагеря противников следует возражение, что подобное желание Александр выражал не только в последние годы, но и на протяжении чуть ли не всего своего царствования, благополучнейшим образом оставаясь при этом на престоле.

Первостепенное значение в этом споре имел анализ обстоятельств смерти Александра. Здесь позиция сторонников легенды была, пожалуй, наиболее уязвима. Дело в том, что существует целый ряд документов — дневник и письма Елизаветы Алексеевны, записки и письма Волконского, записи Я. В. Виллие, лечившего Александра, воспоминания другого врача, бывшего при царе, Д. К. Тарасова, — по которым весь ход болезни императора прослеживается в мельчайших деталях. Если эти документы подлинны, тогда ни о какой достоверности легенды не может идти и речи. Развивать рассуждения на тему «Александр — Федор Козьмич» можно было, только преодолев это препятствие, что не без лихости и попытался сделать Барятинский.

Его соображения заключались в следующем: 1) во всех вышеупомянутых документах есть целый ряд различий в описании общего хода событий, развития болезни Александра, бытовых подробностей и т. д., 2) дневник Елизаветы Алексеевны неожиданно обрывается на записи 11 ноября: «...Около пяти часов я послала за Виллие и спросила его, как обстоит дело. Виллие был весел, он сказал мне, что у него (императора — *А. Л.*) жар, но что я

Императоръ Александръ въ кельѣ схимника предъ отъѣздомъ въ Таганрогъ. Старецъ указываетъ рукою на приготовленный имъ для себя гробъ. Государь изображенъ почти спиною къ зрителю, повернувшись профилемъ вправо, фигура слегка сгорблена, волосы рыжеватые, т. е. соотвѣтствуютъ дѣйствительности, сильно порѣдѣвшіе; одѣтъ въ сюртукѣ.

должна войти, что он не в таком состоянии, как накануне». Исходя из этого, Барятинский делал смелый вывод: именно 11 ноября между Александром и его супругой состоялось решительное объяснение — царь объявил о своем намерении уйти. Дальнейшие записки в дневнике императрицы содержали рассказ об этом, почему и были уничтожены впоследствии. Все же прочие документы, начиная с 11 ноября, создавались задним числом их авторами, близкими к Александру людьми, взявшимися «прикрыть» уход обожаемого императора, вот откуда их взаимная противоречивость.

По мнению оппонентов Барятинского, его рассуждения в высшей степени эфемерны. Что касалось несовпадений в рассказе о последних днях Александра, то наиболее серьезные из них содержались в воспоминаниях Тарасова, написанных в отличие от других свидетельств много лет спустя после этих событий, и здесь необходимо было делать скидку на несовершенство человеческой памяти. Подавляющее большинство других различий объяснялось противниками легенды либо плохой осведомленностью того или иного автора, либо незначительностью описываемого. Предположение же Барятинского о том, что дневник Елизаветы Алексеевны не оканчивался на 11 ноября, не требовалось и опровергать, поскольку сам Барятинский никаких достаточно серьезных обоснований этой догадке в своей книге не привел.

Дальше вставал вопрос о теле, подвергнутом вскрытию, положенном в свинцовый гроб и отправленном в Петербург. Сторонники легенды, естественно, утверждали, что в гробу лежало отнюдь не тело императора. Они предлагали на выбор три версии: императора «заменил» фельдъегерь Масков, погибший у него на глазах от несчастного случая — вывалившись из коляски и разбив голову; в гроб было положено тело запоротого насмерть солдата или — несколько измененный вариант — тело солдата, умершего от болезни. Два последних предположения, судя по всему, основывались исключительно на слухах, ходивших после смерти императора. При этом оговаривалось некоторое сходство покойника с Александром — оговорка необходимая, иначе пришлось бы значительно увеличить число посвященных в тайну «ухода» за счет разных лиц, так или иначе видевших тело, то есть медиков и фельдшеров, вскрывавших его и готовивших к перевозке таганрогской и столичной прислуги, не говоря уж о всех членах императорской семьи, прощавшихся с покойным в Петербурге. Кстати, Барятинский обращал внимание на навязчивые восклицания при этом прощании вдовствующей императрицы: «Да, это мой сын, мой дорогой Александр!», Мария Федоровна-де, посвященная в суть дела, сознательно искажала истину.

Вообще энтузиазм, с которым Барятинский стремился обернуть в пользу легенды чуть ли не любой, даже явно противоречащий ей эпизод, просто поразителен. В то же время именно в этом вопросе он добился, пожалуй, наиболее любопытных результатов. Барятинский провел своеобразную экспертизу: изъяв из официального протокола о вскрытии царского тела все, что могло бы подсказать, о ком идет речь, он разослал копии четырем врачам — светилам в медицинской науке того времени. Обращаясь к ним с просьбой установить причину смерти, Барятинский указал предполагаемые варианты: малярия или брюшной тиф (в пользу этих причин свидетельствовал весь документально зафиксированный ход болезни императора); сотрясение мозга в результате несчастного случая (Масков); телесное наказание (вариант с запоротым солдатом). Ответы медиков были просто поразительны! Один из них, хирург К. П. Домбровский, ссылаясь на скудость данных, сообщаемых протоколом, отказался делать положительный вывод, но тем не менее решительно заявил, что смерть произошла не от малярии и не от брюшного тифа. Это, кстати, было общим мнением всех четырех корреспондентов Барятинского. Однако коллеги нерешительного хирурга оказались смелее, с редким единодушием они определили причину смертельного исхода: запущенный сифилис... Авторитетность вывода подчеркивалась тем, что один из опрошенных — М. М. Манассеин — был как раз известным сифилитологом. Подобный результат действительно «путал концы». Барятинский совершенно справедливо писал по этому поводу: «...Если даже допустить, что император Александр когда бы то ни было и где бы то ни было заразился сифилисом (что совершенно не соответствует тому, что о нем известно), то весь ход «болезни» все-таки не соответствует такому исходу».

Правда, экспертизе, проведенной Барятинским, его главный оппонент Кудряшов попытался противопоставить свою — он обратился за помощью к авторитетному патологоанатому Ф. Я. Чистовичу. Последний решительно опроверг своих предшественников, заявив, что никаких данных, указывающих на заболевание сифилисом, в протоколе нет. Чистович считал, что «Александр I страдал какой-то инфекционной болезнью, протекающей с желтухой и нагноительным типом лихорадки». Отметим, однако, что Кудряшов в этом случае действовал не вполне добросовестно: из его собственных слов следует, что Чистович не только знал, о ком идет речь в протоколе, но и был познакомлен со всей совокупностью материалов, рассказывающих о последних днях императора.

Другой комплекс спорных вопросов был связан уже непосредственно с Федором Козьмичем. Здесь противники легенды безоговорочно отвергали все рассказы и предания об обмолвках старца, случаях «узнавания», посещения его загадочными «высшими особами» и прочее, относя все это к сфере безудержной народной фантазии. «В такой стране, как Россия,— писал Николай Михайлович,— уже с древних времен народ часто поддавался самым нелепым слухам, невероятным сказаниям и имел склонность придавать веру всему сверхъестественному. Стоит только вспомнить появление самозванцев... Этому обычно способствовала внезапная кончина или наследника престола, или самого монарха, как это было при убийстве царевича Дмитрия, казни Алексея Петровича и насильственной смерти Петра III». В ответ на это справедливое в принципе замечание Барятинский не менее справедливо писал, что в истории Федора Козьмича есть свои особенности, главная из которых — старец ни в коем случае не был самозванцем. Напротив, он старательно скрывал свое происхождение, в корне пресекая всякие домыслы на этот счет. И тем не менее слухи о том, что Федор Козьмич — добровольно отрекшийся от власти царь, оказались настолько устойчивы, что пережили старца и сохранились в народной среде вплоть до начала XX века. Уже одно это, по мнению Барятинского, заставляет отнестись к ним с особенным вниманием, а не отвергать гуртом, без всякого анализа.

Конечно же, особый интерес для исследователей представляли описания внешнего облика старца и всей его повадки. Начиная с официального установления примет Федора Козьмича красноуфимским судом, описания эти, если и не полностью идентичны внешности императора, то, несомненно, в основном ей соответствуют. То же можно сказать и о самом распространенном портрете старца и о рукописном его наследстве. Это две записки, найденные в мешочке, висевшем у изголовья Федора Козьмича, про который он, умирая, сказал: «В нем моя тайна». Записки представляют собою шифр. На лицевой стороне одной из них значится:

> «видишили на какое вас
> безсловесие счастие славо изнесе».
> **На обороте:**
> «Но егда убо А молчат П невозвещают».
> **На лицевой стороне второй записки:**
> 1, 2, 3, 4
> о, в, а, зн в крыют струфиан
> Д к ео а м в р
> С З Д Я —
> **На обратной:**
> во во
> 1837 Г. Мар. 26 в «воп
> 43 Пар;

«Знание — сила»
Май — июль 1992

Что писать цифровые и буквенные «ребусы» было в обычае старца, подтверждается целым рядом свидетельств. Трудно сказать, имеет ли шифр разгадку или представляет собой мистификацию со стороны человека, твердо решившего сохранить тайну и после смерти. Предлагаем читателям поупражнять свои логические способности и самим разгадать сей секрет; надо надеяться, что достигнутые результаты будут более осмысленны и не так произвольны, как совершенно нелепые «разгадки» Барятинского («Царственный мистик», стр. 141—143) и некоего И. С. Петрова (великий князь Николай Михайлович, «Легенда о кончине императора Александра I», стр. 48—49).

Но, помимо темного смысла, в записках, казалось бы, должно быть и нечто бесспорное — почерк. К тому же кроме таинственных записок сохранились еще и написанные рукой Федора Козьмича несколько изречений из Священного писания. Однако и мы едва ли можем прийти к однозначному результату. Без всякой экспертизы очевидно, что почерк, которым написаны изречения, не схож с почерком Александра I. Однако Барятинский справедливо обратил внимание, что он не так уж безусловно похож и на почерк шифрованных записей. Скажем, написание буквы «д» — хвостик книзу с росчерком — здесь куда более близко Александру, в записи же изречений у этой буквы тщательно вырисовывается закрученный кверху хвост. По мнению Барятинского, старец сознательно менял свой почерк, и здесь тщательно оберегая свою тайну.

Такова в общих чертах легенда об императоре всероссийском, добровольно отказавшемся от своей неограниченной власти и ушедшем бродяжничать и молиться во имя искупления своего греха, во имя духовного совершенствования и укрепления веры. Мы видели, сколько слабых сторон в доказательствах достоверности этой легенды. И в то же время надо признать, что история смерти, «ухода» Александра сложна, запутана и до сих пор ее едва ли можно оценивать однозначно, безоговорочно отвергая как бессмысленную выдумку. Смысл в ней как раз был. Ведь легенда эта интересна прежде всего тем, что возникла и существует до сих пор. В ее содержании как в капле воды отразилась вся фантастичность, сказочность, особенность русской истории. В какой еще европейской стране XIX века можно было отыскать правителя, подобного Александру,— образованного, утонченного, светского и в то же время способного породить в народе веру в такое своеобразное самоубийство, точнее, цареубийство? Превращение сперва в нищего бродягу, безропотно сносящего телесные наказания, а затем в блаженного старца? И где еще можно сыскать народ, способный так искренне и надолго поверить в это?

Трудно сказать, будет ли легенда когда-нибудь опровергнута или, что еще менее вероятно, появятся убедительные свидетельства ее истинности. Но не случайно ведь в свое время Лев Толстой писал «дневник» Федора Козьмича, не случайно Даниил Андреев в своей вдохновенной «Розе мира» возвел Александра — Федора Козьмича в сонм небесных праведников, поставил его во главе «просветительных сил России». Легенда эта всегда будет волновать историков, писателей, мыслителей и просто всех, кто хочет понять эту удивительную страну ●

„Сфинксъ, не разгаданный до гроба,
„О немъ и нынѣ спорятъ вновь.
„Въ любви его рождалась злоба,
„А въ злобѣ теплилась любовь.
„Дитя осьмнадцатаго вѣка,
„Его страстей онъ жертвой былъ
„И презиралъ онъ человѣка,
„И человѣчество любилъ"

Н. Синягинъ

В оформлении статьи использованы портреты и фрагменты из книги Н. К. Синягина «Император Александр I и его эпоха», СПб., 1910 год.

И. Вайсбанд

Кто я такой?

Немного о соционике*

Сенсорно-логический экстраверт. Жуков

1. Конечный результат — единственное, что его интересует. Все, что нужно для достижения этого «конечного результата», считает своим кровным делом. Волевой, целеустремленный человек. «...Если звезды зажигают, значит — это кому-нибудь нужно?» Подчеркнуто недемонстративен, о производимом на других впечатлении не заботится. «Не понял, повторите»,— говорил С. П. Королев. Это «не понял» мог себе позволить не каждый руководитель. Все, что делает, делает увлеченно, страстно и намерен довести до конца. У него характер неугомонного борца, который должен во что бы то ни стало одерживать верх над тем или иным противником. «Не следует избегать трудностей! Нужно уметь их преодолевать» — его девиз.

2. Решительный и жесткий характер. Выражение «строг, но справедлив» стало уже банальным по отношению к таким людям. Маршал Жуков был крут. Но только он мог сказать Сталину: «Если вы считаете, что начальник Генерального штаба способен только чепуху молоть, тогда ему здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника генштаба и послать на фронт». Не сомневается в своем праве руководить людьми. При всей своей любви к кол-

* Продолжение. Начало — в №№ 1, 3, 4 за этот год.

легиальности последнее слово всегда оствит за собой. Это обычно компенсируется глубокой увлеченностью делом и умением увлечь людей.

3. Хороший тактик, быстро схватывает создавшуюся ситуацию и расстановку сил. Принимает решение и действует. Способен на политическое лавирование, но никогда не упустит все же свою линию. Обладает сильной логикой, но эта логика целеустремленная, «партийная», она служит не для философского умствования, а для творческого поиска кратчайшего пути к цели. Ему легче поступиться логикой, чем целью.

4. Мало подвержен страху, ненависти и другим отрицательным эмоциям. Не удивляется и не завидует. Чем опаснее ситуация, тем он собраннее и решительнее.

5. Не любит говорить о чувствах. Это не его область. Если же обмолвится, чувствует себя так, будто сам себя предал. Боится любви как незаслуженной роскоши. Боится и любых других чувств. Судя о других по себе, не сомневается, что может быть желаем; но редко бывает уверен, что также и любим. Нуждается в эмоциональной поддержке партнера и подчиняет ему свои эмоции. В поступках же не склонен приспосабливаться к партнеру, а только диктовать.

Наилучший партнер в браке, дружбе, работе — Есенин.

Ваша квадра (четверка типов, в обществе представителей которых отношения налаживаются лучше всего): Горький, Гамлет, Жуков, Есенин.

Ваша сильная черта — умение ставить цели и добиваться их достижения. Не обходите трудности, учитесь их преодолевать! Вы — реалист, идите от жизни и обстоятельств, а не от догм. Вы — организатор, солдат, деятель.

Развивайте умение понимать суть вещей, перспективы. Думайте, читайте, используйте каждую свободную минуту для самообразования.

Интуитивно-этический интроверт.
Есенин

1. Несколько мечтательный романтик, человек скорее размышления, чем действия. Индивидуалист. Настоящее его вообще волнует слабо, его вдохновляют блестящие перспективы городов, которые, вероятно, когда-либо будут построены. Достаточно эмоционален, хорошо понимает чувства другого и не скрывает собственные. Но его эмоциональность постоянно немного неполная, с довольно явно выраженными элементами ожидающего наблюдения. Эмоции проявляет не тогда, когда у другого бы «переполнилась чаша», а когда он сам посчитает нужным. Подход к эмоциям очень творческий: например, ярость может считать этичной, а сдержанность — неэтичной.

2. Влюбчив. Другого среди серой массы для него выделяет сила, целеустремленность, интеллект. Несомненно, если эта сила поддается его эмоциональной экспансии. Очень терпим к людям, понимает их и старается прощать им слабости.

3. «Улыбка Тутанхамона». В экстремальных условиях его оружие — умение демонстрировать свое отношение к происходящему, показать его смешные стороны. Отсюда тонкое чувство юмора (Джером К. Джером) и очень характерная прозрачная улыбка в острые моменты. Улыбка чаще всего признак тревожности. Назначение этой улыбки — поднять боевой дух и возбудить партнера.

4. Элегантный. Выглядит уравновешенным и подтянутым. Широко открытые глаза практически не зажмуриваются. Брови, как правило, дугообразны, без склонности опускаться. Элегантность на каждый день, а не по праздникам. Редко увидишь его в неизящной позе, его интонации изысканны. Пластика движений и ритм. Тем удивительнее две вещи: он не обращает особого внимания на элегантность других (его дуал Жуков подчеркнуто недемонстративен); в его квартире царит хаос. И вещи, и люди, попавшие в его дом, должны сами найти себе место. Или кто-то должен это место подсказать.

5. Меценат. Борец за эмоциональное раскрепощение людей. Чувствует ответственность за настроение своих близких, их жизненный тонус. Использует свое тонкое чувство юмора, чтобы расшевелить, растормошить людей. В компании оглядывает собравшихся не для того, чтобы определить, кто как одет, а чтобы увидеть, как кто себя чувствует (это именно то, что следует пересказать и другим). По большому счету он мечтает внести гармонию в общество. История для него — это история искусства. Ярко выраженное влечение к красивому: стихи, живопись, изящные безделушки. Сам старается быть изящным. Обожает общаться с художниками, поэтами, богемой и вообще с экзотичными людьми.

Наилучший партнер в браке, дружбе, работе — Жуков.

Ваша квадра (четверка типов, в обществе представителей которых отношения налаживаются лучше всего): Горький, Гамлет, Жуков, Есенин.

Ваша сильная черта — умение чувствовать себя в потоке времени, эмоционально раскрепостить себя и близких людей. Улыбайтесь — вы делаете это так обаятельно. Воодушевляйте близких — они нуждаются в вас. Вы — человек искусства, эрудит, энциклопедист.

Развивайте умение понимать состояние других людей, их интересы. Учитывайте это состояние и эти интересы, тогда ваши поступки всегда будут соответствовать обстоятельствам.

Логико-интуитивный экстраверт.
Джек Лондон

1. «Время не ждет». Неутомимый труженик, с удовольствием занимается наукой или любым другим объективным делом. Особенно, если оно — ради будущего или спасения других. Делает все очень скоро, работа кипит у него в руках. Даже ходит своеобразно, чуть подпрыгивая, а если можно, предпочитает бегать. Сам Джек Лондон сменил в жизни множество профессий — разносчика, рабочего, старателя, моряка, писателя. Это было самосожжение во имя искусства и во имя успеха.

2. Романтик. Очень часто занимается альпинизмом, туризмом. Его влекут дальние дали, он первым бросается во все сомнительные предприятия. Нередко выдумывает романтические приключения и сам в них потом верит. Эти выдумки имеют обычно реальный прообраз в жизни. Обожает демонстрировать свое бесстрашие. Его небрежность во внешнем виде — тоже как бы отважный вызов всем.

3. Рассеянный профессор. Из-за развитого абстрактного мышления он невнимателен к внешности. Ходит всегда растрепанным, полностью доверяет вкусу партнера, позволяет ему в быту собой командовать. Не переносит, когда его рассматривают в упор (поэтому его дуал Драйзер избегает смотреть в глаза собеседнику). Ведь он из-за своей невнимательности к окружению не разбирается, как его видят другие, всегда не уверен в своей внешности и немного переживает свою мнимую некрасивость. Ему нужен партнер с развитым эстетическим чувством, вкусу которого можно доверять; ему нужно чувствовать: я ему нравлюсь, несмотря на то, что вкус у него развит, придирчивый и даже претенциозный.

4. Оптимист. Быстро реагирует на все, вызывающее эмоции, особенно положительные. Он запрограммирован на поднятие настроения своего дуала, всегда как бы немного испуганного или рассерженного. Постоянно излучает дружелюбие, положительные эмоции, улыбается. Старается рассмешить, всячески тормошит и дергает партнера, пока не вызовет у него реакцию, положительную или отрицательную. Иначе не получает информацию о его состоянии. Любит рассказывать и обсуждать прочитанное и услышанное. Ему легко обратиться к незнакомому человеку.

5. Жизнелюб. Ищет постоянные, неизменные человеческие отношения. Не очень разбирается в чувствах и влечениях другого человека. Поэтому более осторожен, боится быть смешным. Очень ценит человеческую жизнь. Одна из главных тем Джека Лондона — борьба с беспощадной стихией. Даже неродившийся человек дорог, поэтому среди одиноких матерей много представительниц этого типа.

Наилучший партнер в браке, дружбе, работе — Драйзер.

Ваша квадра (четверка типов, в обществе представителей которых отношения налаживаются лучше всего): Дж. Лондон, Драйзер, Наполеон, Бальзак.

Ваша сильная черта — умение действовать логично и правильно. Вы понимаете логику событий, причины и следствия. Ищите настоящее дело — то, от которого зависит будущее людей. Вы — ученый-экспериментатор, спасатель, пилот.

Развивайте умение понимать эмоции других людей, управляйте собственными эмоциями. Учитесь быть доброжелательным и заботливым.

Этико-сенсорный интроверт. Драйзер

1. Легко входит в доверие людей. Вежлив, тактичен, имеет тонкий эстетический вкус и умеет его использовать (Тургенев, Фитцджеральд). Безошибочно знает, кто кого любит, кто кого не любит, кто чего хочет, кто на кого влияет и почему. Моралист. Часто отличается резкостью оценок (Макиавелли). Отлично помнит и добро, и зло, считает необходимым за них отплатить. Очень ценит дружбу и не прощает предательства. В любви же до брака проявляет непостоянство, так как не считает возможным продлевать исчерпавшие себя отношения. Не любит тех, кто сам не может любить. Отношения регулирует не столько словами, сколько тоном и выразительным взглядом. Не демонстрирует эмоций, поэтому кажется холодным. На собеседника не смотрит, как бы для того, чтобы не испепелить его. Сложная этическая ситуация его вдохновляет.

2. В новой компании это обычно тихий, скромный человек. Следит и слушает, чтобы понять, можно ли склонить присутствующих к себе, к своему идеалу межчеловеческих отношений. Если нельзя, продолжает молчать или даже уходит. Среди своих активен, разговорчив. А свои — это те, кто принял его этические нормы. Эмоции подчиняет эмоциям других. Среди веселых весел, среди злых зол.

3. «Враг должен завидовать». Гнева и ненависти никогда не покажет, будет подчеркнуто вежлив и самодоволен. Только хороший друг может видеть его растрепанным и недостаточно подтянутым. Всегда «застегнут на все пуговицы», внутренне мобилизован. Предельно нетерпим к неопрятности, беспорядку.

4. Сексуальные свободы не для него. Хранит верность супругу не ради него, а ради самоуважения. Ему неприятно, когда кто-то копается в его способностях, потенциальных возможностях или хвастает собственными способностями на фоне других.

5. Живет лишь сегодняшним днем и не любит ждать. Предпочитает работы, которые можно быстро сделать и полюбоваться результатом. Ему кажется, что он постоянно опаздывает, другие же считают его пунктуальным. Необходимость сделать что-то к определенному сроку его нервирует. Поэтому его дуал, купив билеты в театр, не скажет об этом до последнего дня.

6. Любит не словами, а делом, но не склонен придумывать эти «дела» сам и с удовольствием во всей повседневной конкретности поддается воле партнера. В любое время бросает одно дело и начинает другое, если партнеру этого захочется. Может принести себя в жертву, чтобы послужить обществу. Например, может взять на себя всю ношу быта, если партнер занят социально значимым делом.

Наилучший партнер в браке, дружбе, работе — Дж. Лондон.

Ваша квадра (четверка типов, в обществе представителей которых отношения налаживаются лучше всего): Дж. Лондон, Драйзер, Наполеон, Бальзак.

Ваша сильная черта — умение понимать чувства людей, различать добро и зло. Вы борец за нравственную чистоту общества. Ваши близкие нуждаются в вашей воле и энергии, направленной на сплочение и очищение группы.

Развивайте умение мыслить логично, учитывать официальные отношения между людьми. Думайте, что справедливо и что несправедливо. Больше интересуйтесь техникой, наукой.

Сенсорно-этический экстраверт. Наполеон

1. Гордится своим влиянием на людей, их любовью и уважением, популярностью. С удовольствием ведет за собой, смел и категоричен в эротике, но осторожен в отношениях с объективным миром, недоверчив к новым научным идеям и вообще ко всему объективному. Его совесть чиста только тогда, когда он манипулирует людьми, а не объективным миром.

2. Беспокойная активность, жадность к практической деятельности. Не только не скрывает своих чувств, но, наоборот, ими гордится. Сравнительно легко, если это отвечает его внутреннему настроению, высказывает свое восхищение. И словами и взглядами. Он всегда за полноценную любовь — физическую и психическую, если только это ему нужно. Даже когда чувство кратковременное. Очень хорошо знает, чего хочет от объекта любви, не склонен приспосабливаться, а только диктовать. Высокомерен. Оптимистичен, перед сложной ситуацией не робеет, а старается решить ее сразу же.

3. Много внимания уделяет эстетике окружения, порядку. Чаще всего обладает врожденным вкусом, умеет хорошо одеваться и того же требует от окружающих. Внимателен к физическим данным партнера. Во всей своей деятельности очень инициативен. А вот чувства меры, чтобы оценить содеянное, не имеет. Постоянно не уверен, что сделал все, что мог.

4. Жизнь его отравляют требования близких обдумывать свою деятельность, вести себя умно. Он этого не переносит, такое требование выводит его из себя, он и вправду перестает считаться с логикой. Поступает умно и логично до тех пор, пока этого от него не требуют, пока его «уважают» и с ним «считаются». Нельзя спорить с его логикой. Повлиять на него можно, только противопоставляя его целям другие, более благородные и труднее достижимые.

5. Инициативность и деловитость настолько велики, что никакая критика, даже постоянное ворчание его дуала Бальзака, которым осуждается почти каждое проявление активности, не портит настроения. Даже наоборот, критика успокаивает, показывает, что он сделал и делает достаточно много, что его деятельность замечается.

6. Благодаря своей инициативности и требовательности довольно часто разочаровывается в объектах своих чувств. Те оказываются «не такими», недостаточно понимающими порывы его души. А суть в том, что нужен человек, к которому можно приспособиться, не приспосабливаясь. Если рядом нет дуала, проказничает, чтобы привлечь его.

Наилучший партнер в браке, дружбе, работе — Бальзак.

Ваша квадра (четверка типов, в обществе представителей которых отношения налаживаются лучше всего): Дж. Лондон, Драйзер, Наполеон, Бальзак.

Ваша сильная черта — умение ставить цели и добиваться их достижения. Не обходите трудности, учитесь их преодолевать! Вы — реалист, идете от жизни и обстоятельств, а не от догм. Вы — организатор, деятель, политик.

Развивайте умение понимать суть вещей, перспективы. Думайте, читайте, используйте каждую свободную минуту для самообразования. ●

Продолжение следует

КОММЕНТАРИИ К ЗАДАЧАМ ОБ ЭЛЛАДЕ

6*. Зевс — верховный правитель (как Амон и Мардук), Гелиос — бог Солнца (как Ра и Шамаш), Афродита — богиня любви (как Иштар), Афина — богиня мудрости (как Тот и Эа), Посейдон — бог моря (как Абзу), Арес — бог войны (как Менту и Нергал), Гадес — правитель царства мертвых (как Осирис).

7. Боги Египта воплощали природные силы, которые выше человеческих сил. Греки же считали: «сильнее человека нет в природе ничего», поэтому их боги воплощали в себе человеческие страсти, от которых происходят все подвиги и все неприятности.

8. Марсель, Неаполь, Стамбул (Византий), Севастополь (Херсонес), Синоп, Триполи.

9. Если составить отношение числа городов самой Эллады к числу их заморских городов-колоний, оно будет не больше, чем у Финикии.

10. Города Эллады были «мастерскими Средиземноморья». Они всегда могли найти покупателя ремесленных товаров, готового доставить взамен продовольствие.

11. Проще всего проверить родство языков по сходству первых числительных.

12. Название «Италия» сложилось в VIII веке, когда греки были ведущими мореходами Средиземноморья и давали имена всем землям, не имевшим своего большого флота. Слово «Греция» укоренилось в эпоху, когда римляне стали хозяевами Средиземноморья.

13. Города Ионии, западного берега Малой Азии, ближе всего к центрам ближневосточной цивилизации. По мере формирования эллинской цивилизации ее центр сначала лежал там, где были самые процветающие города-полисы (Афины в Аттике), а потом там, где лежали столицы монархий, возглавлявших греческий мир (Александрия и Антиохия).

16*. Одежда афинянина свободная (не прилегает к коже) и открытая (голые ноги и руки). Одежда перса — облегающая, закрывает все тело. Например, персы носили штаны, коннику без них не обойтись, греки же считали «варваром» всякого, кто в штанах. Облегающая одежда и колпак на голове нужны в пустынях при жарком ветре.

17. Вино было главным источником витаминов в зимние месяцы и в море, другого стойкого и вкусного питья эллины не знали. Вино они пили, сильно разбавляя его водой, получалось вроде нашего лимонада. Водку и спирт в Древнем мире не умели делать.

18. Греки не знали еще полноценной конской упряжи с металлическими стременами, не умели править конем с помощью одних ног. Поэтому грек-конник мог только метать копья — недалеко и неметко. Персы уже умели стрелять из лука с седла. Колесницы оказались бессильны против строя щитоносной пехоты или против лучной конницы.

19. Мужчины-спартанцы были заняты военными упражнениями. Поэтому женщины вели все хозяйство дома, сами принимали решения. В Афинах мужчина имел больше свободного времени и распоряжался в доме, заключал торговые сделки.

20. Персидское войско прибыло к Марафону на пятистах кораблях (даже это число, видимо, преувеличено, наверняка персы направили туда не весь свой флот). Средний корабль мог нести не более ста человек вместе с матросами, но их требовалось много, а лошадей — гораздо меньше. Всего при Марафоне персы имели не более 20 тысяч бойцов.

21. Спарта была уникальна по своей экономической отсталости, поэтому ее обычная «самоизоляция» была неизбежна. Исключения же — те «союзы», члены которых готовы были подчиняться Спарте из страха перед еще более сильным врагом — персами или афинянами. Напротив, Афины стояли во главе экономического прогресса и хотели быть также политическими лидерами всей Эллады.

22. При Саламине Ксеркс приказал персам атаковать греков в заливе, откуда не было выхода. Поэтому греки бились насмерть. Если бы царь выждал, пока греки, особенно афиняне и спартанцы, перессорятся, и позволил уйти всем желающим, он выиграл бы сражение и всю войну.

23. Ксеркс не владел римской мудростью «Разделяй и властвуй!». Он не сумел хитрыми обещаниями и подарками отколоть от Афин и Спарты всех прочих греков. Кроме того, огромная армия Ксеркса была почти не управляема на поле боя (предел управляемой армии в ту пору — около 50 тысяч бойцов), а сам Ксеркс не имел таланта полководца.

24. Греки-ионийцы и финикийцы составляли флот Ксеркса. Его пехота и конница включали персов, мидян, вавилонян, греков, бактрийцев, индийцев, эламитов, ассирийцев, армян, египтян, арамеев, евреев и представителей разных народов Малой Азии — лидийцев, карийцев и других.

25. Спарта имела такое простое хозяйство, что ее правители не могли понять проблемы сложной экономики торговых греческих городов. Лучшее, чего они могли бы добиться, это военный контроль над Элладой со сбором небольшой дани за общий мир. Но этого им было мало.

26. В эпоху Гомера «школой для взрослых» было публичное исполнение песен и поэм. В VI веке до новой эры такой школой в Афинах стал театр, поэтому Эсхил создал трагедию «Персы», прославляющую победы объединенных эллинов. Затем Геродот написал об этой войне первый научный труд.

27. Пелопоннесская война навредила всем ее участникам, даже спартанцам, поэтому не нашлось драматурга или поэта, готового ее воспеть. Но Аристофан описал ее в своих комедиях (критических пьесах). Историк Фукидид написал об этой войне замечательный научный труд.

28. В небольших полисах граждане привыкли решать все вопросы общим голосованием. Потом полисы разрослись, но традиция осталась. Граждане были готовы временно доверить правление в городе немногим известным людям, но понять пользу от выборного парламента, состоящего из «обычных» людей, никто не мог.

29. Остракизм — демократический путь к избавлению всех граждан от опасного или надоевшего политика, которого невозможно или не в чем обвинить перед судом. В Спарте неугодных царей смещал совет старейшин (по предложению эфоров).

30. Сократ давно досаждал многим афинянам своими проповедями, которые ставили разум человека наравне с волей богов. Но пока афинское общество процветало, Сократа терпели. Только после поражения в Пелопоннесской войне граждане ожесточились и избавились от Сократа.

31. Аспасия (жена Перикла), философы Сократ и Анаксагор (друзья), политики Алкивиад, Клеон и Никий (преемники и соперники), полководец Брасид (противник).

32. Афинское общество было поглощено политической борьбой и больше уважало общественные науки, чем «чистую» философию и математику. Естественные науки процветали там, где развитие общественных было заторможено аристократией или монархией. Например, Евклид уехал из родных Афин в Александрию и работал там в Мусейоне.

33. Фалесу принадлежит доказательство первой теоремы, довольно простой — о подобии треугольников. Пифагор доказал очень сложную теорему. Евклид привел в систему доказательства всех теорем «элементарной» геометрии. Архимед научился доказывать теоремы высшей геометрии методом «интегралов» и «производных», а этом его превзошли только Кеплер и Ньютон в XVII веке.

34. Современники Фалеса: Кир Персидский, Крез Лидийский, молодой Пифагор, Лао-цзы, юный Конфуций, юный Гаутама, будущий Будда.

Современники Пифагора: Дарий I, Тарквиний Гордый и Брут Старший, Конфуций и Будда.

Современники Евклида: старый

* Ответы на задачи 1—5 читайте в № 12 за 1991 год.

* Задачи 14 и 15 — без ответа.

Аристотель, Александр Македонский и его наследники, молодой Пирр, Шан Ян, Чандрагупта Маурья.

Современники Архимеда: Ганнибал, Квинт Фабий Максим, Публий Корнелий Сципион, Эратосфен, Антиох III, Ашока Маурья, Хань Фэй, Ли Сы, Цинь Ши-хуанди.

35. Сначала общегреческое летосчисление велось от I Олимпийских игр (776 год до новой эры), позднее — от воцарения Александра Македонского (336 год до новой эры).

36. Срок основания Афин не был известен эллинам времен Перикла, но было ясно, что это произошло задолго до прихода в Аттику прямых предков афинян — ахейцев.

37. Греческих колоний не было там, где раньше укрепились финикийские колонии, например на северо-западе Африки и в Иберии.

38. Право голоса в Афинах имели только независимые хозяева, главы семей, у которых были свои дома и земля в городе или рядом с ним.

39. Жить за городом значило не участвовать в ежедневной политике, упускать самые выгодные сделки и не занимать посты в городском самоуправлении.

40. От богов: Дмитрий, Артем, Афиноген, Аида. От городов и стран: Лариса, Лидия, Карина, Аркадий.

43. Афинянин не увидит в Спарте ни пышных храмов, ни театров, ни множества купцов. Спартанец не увидит в Афинах публичных военных упражнений, зато увидит множество «бездельников» и «варваров».

44. В греческих училищах было меньше разных учебных предметов (только философия, геометрия, музыка, поэзия, история и религия) и много разных видов спорта. Там меньше писали, больше говорили вслух.

45. Спартанские илоты были греки, жители завоеванной Мессении, а афинские рабы — в основном из «варваров» Востока.

КОММЕНТАРИИ К ЗАДАЧАМ О РУСИ XVI ВЕКА

1. Счет лет на Руси до Петра I велся от «сотворения мира», то есть от 5508 года до новой эры.

3. Первоначально ее называли «колокольня Ивана Великая» при церкви Иоанна Лествичника, стоявшей на этом месте со времен Ивана Калиты, который родился в день памяти этого святого. Отсюда же название площади в Кремле — Ивановская и выражение «орать во всю Ивановскую».

4. У Царь-пушки такой большой калибр и такие тонкие стенки ствола, что стрелять ядрами она не могла, ее бы разорвало. Она могла стрелять картечью (камнями) по толпе в упор, как дробовик,— например, если враг проломил ворота Кремля.

5. Состав бронзы для пушек и колоколов одинаковый — 80 процентов меди плюс 20 процентов олова. Но канал пушечного ствола после отливки нужно еще высверливать, чтобы его диаметр был постоянным, а стенки гладкими (или с винтовой резьбой).

6. Первая победа пушек — «стояние на Угре» 1480 года, где все броды через реку были перекрыты пищальным огнем. Первая победа ружей — при осаде Казани 1552 года, когда стрельцы отражали все атаки татарской конницы издали.

7. Волга стала «русской рекой» после подчинения Москвой Казани и Астрахани в 1550-х годах. В честь этих побед построен Покровский собор — храм Василия Блаженного на Красной площади.

8. Иван III поставил в Казани хана — вассала Москвы. Но интересы казанского и московского правителей оставались несовместимыми, и Казань была неуправляема из Москвы. Чтобы без помех осваивать русскими руками земли Среднего Поволжья, Иван IV решил сделать Казань обычным воеводством. Для этого потребовалась война.

9. Максим и Аристотель — оба «зарубежные специалисты», приглашенные на Русь для повышения местной культуры, гуманитарной или инженерной. Оба они подверглись опале за поступки, не укладывавшиеся в местные обычаи. Но работа Максима была более «идеологической», и его надолго заключили в тюрьму. Опала Аристотеля была недолгой, поскольку его «проступок» — желание вернуться в Италию — был личной обидой; вскоре Иван III вновь поладил с инженером.

10. Развод Василия III был раньше развода Генри VIII, который, несомненно, об этом знал. Причина общая — бесплодный брак, но Василию не мешала русская церковь, а английская церковь находилась под контролем Рима, который возражал против развода Генри VIII по внешнеполитическим причинам.

11. Посольский приказ — МИД. Разрядный приказ — МО. Разбойный приказ — МВД. Челобитенный приказ — КНК.

12. Боярин — член ЦК, окольничий — кандидат в члены ЦК, думный дьяк — министр, дьяк — замминистра или завотделом в министерстве. Рядовые чиновники — подьячие.

13. После смерти Василия I шла усобица между его наследниками (брат против сына), включая гражданскую войну среди городов Московской Руси. После смерти Василия III не было вопроса о наследнике, а только о том, какая из придворных партий захватит власть в Москве и во всей России.

14. Глава рады — митрополит Макарий. Ее члены: Алексей Адашев, поп Сильвестр, князья Курбский и Курлятев, жена царя Анастасия Романова. Большего количества убежденных и способных сторонников радикальных реформ в московских верхах той поры, видимо, не удалось найти, то есть не было революционной ситуации.

15. Первый печатный двор в Беларуси появился в начале XVI века (Георгий Скорина), в Москве — в середине XVI века (Иван Федоров и другие). До того в России не было ни многочисленных горожан (в 1550 году — около 200 тысяч), ни заметной внецерковной идеологии.

16. По отцу Иван IV — потомок Дмитрия Донского, а по матери, Елене Глинской, — потомок литовского рода Глинских, которые происходят от сына Мамая (тот после гибели Мамая бежал в Литву, к князю Ягелло, союзнику Мамая).

17. Рождение Ивана IV отмечено постройкой храма Вознесения в Коломенском, загородной резиденции великого князя Василия III. В 1580-х годах поблизости, в селе Дьякове, где были «загородные дачи» дьяков, высших чиновников, был построен храм Иоанна Предтечи, святого-покровителя Ивана Грозного.

18. Стрельцы несли постоянную службу, получая от царя вооружение и продовольствие. Но этих доходов не хватало, поэтому в мирное время стрельцы имели право заниматься ремеслом и огородничеством, причем могли продавать свои продукты беспошлинно. Полки «иноземного строя» жили на полном государевом довольствии и не имели права отвлекаться от военных дел.

19. К Балтике москвичи вышли к концу пятнадцатого века, вскоре после присоединения Новгорода к Москве. У Белого моря закрепились в 1580-х годах (построен порт Архангельск). Выход на Балтику был «окном в Европу», а Белое море стало важно после того, как туда в обход Скандинавии приплыли английские купцы, в Балтику их не пускали ганзейские города.

20. Захватить Ливонию, разгромив орден, нетрудно. Трудности начнутся потом, когда вмешаются все прочие государства, зарящиеся на ливонское наследство. Поэтому лучше предварительно договориться с ними о разделе Прибалтики или, наоборот, начав войну внезапно, тут же объявить, на какие земли Россия претендует, а какие готова отдать другим претендентам.

21. В боях с коалицией прибалтийских государств — Польша и Литва, Швеция, Германия — выявилось техническое превосходство европейских войск (например, ружья с кремневым замком вместо фитильных) и слабые качества высшего командования русских в условиях опричного террора.

22. Иван IV был царем, то есть «божьим помазанником»; его убийство обрекло бы убийцу на вечные муки в аду, и никто из священников не смог бы отпустить этот грех.

23. Казаки нуждались в союзе с Москвой против Турции и Крымского ханства. Поэтому в середине XVI века они помогали Москве в ее войнах на юге, но потом отшатнулись, увидев, как царь безвинно казнит своих помощников.

24. Если предвидеть этот переворот, то можно помешать Ивану захватить государственные и церковные святыни, а потом отлучить его от церкви за святотатство и низложить с престола, заменив, например, Владимиром Старицким.

25. Посадить на престол Владими-

ра Старицкого, взяв с него крестное целование на «конституционные» гарантии (введение выборных от народа в Думу, контроль Думы над государевой опалой провинившимся и над назначением новых воевод и дьяков). Затем быстро кончить Ливонскую войну почетным миром и развивать земское самоуправление. Ивана постричь в монахи либо отлучить от церкви и убить.

26. В опричнине были «всякие люди», отмеченные лишь безусловной преданностью царю и деловой хваткой. Но «при прочих равных» Иван предпочитал родовитых сподвижников.

27. Митрополит Филипп Колычев; воеводы Борис Горбатый-Шуйский, Михаил Воротынский, Андрей Курбский; конюший Федор Челяднин; дьяки Иван Висковатый и Алексей Адашев; поп Сильвестр.

28. Королева Екатерина Медичи (она слышала о казнях Ивана Грозного до того, как устроила Варфоломеевскую ночь), ее дети — Карл IX, Генрих III и Франсуа Алансон; Генрих Бурбон (будущий Генрих IV) и королева Марго, Генрих Гиз, Виллем I Оранский, герцог Альба, Александр Фарнезе, Тиль Уленшпигель.

29. Елизавета I, Шекспир, канцлер Симон Берли, министр-шпион Уолсингем, королева Мария Стюарт, Френсис Дрейк. Все они знали о русском царе благодаря печатным листовкам и книгам.

30. Через Вологду шел прямой путь из Москвы к Белому морю — главная дорога в Англию. Иван построил там «запасную столицу» на случай повторного бегства из Москвы, как в 1564 году в Александрову слободу.

31. Англия была так далеко от России, что Иван не имел к ней земельных претензий. Из Англии он рассчитывал ввозить необходимые технические новинки и мастеров. Англичане рассчитывали за это получить свободный путь в Персию через Московию (вокруг Скандинавии).

32. От предыдущих Ивану IV правителей Москвы сохранились только завещания и дарственные грамоты. От Ивана IV остались продиктованные им послания (князю Курбскому, монахам разных монастырей), это были, видимо, «открытые письма» царя к народу. Кроме того, сохранились личные пометки царя на полях государева экземпляра всемирной истории — «Лицевого свода».

33. В библиотеке Ивана IV хранилось множество книг (из библиотеки византийских императоров), привезенных в Москву Софьей Палеолог, например текст «Ливиевых историй» (Рима) и богатый набор византийских исторических и церковных сочинений. Эти книги Иван показывал некоторым иностранным послам.

34. «Лицевой свод» — это официальная всемирная история, которая должна была охватывать события от Всемирного потопа до блестящих побед времен Ивана Грозного. Составление этого текста было предпринято вскоре после начала Ливонской войны; царь сам дважды редактировал «окончательный» вариант текста, причем его позиция менялась. Впоследствии дело это оставили ввиду неудач в Ливонии.

35. В 1571 году Иван IV пытался вмешиваться в командование войсками и принес только вред. В 1572 царь не вмешивался, а русская разведка была настороже.

36. Сходство огромное, оба — конкистадоры. Различие в том, что Ермак лишь облагал данью язычников-сибиряков, не пытаясь их крестить. Кроме того, Ермак встретил серьезное сопротивление только от войск хана Кучума, а Кортес подавил много воинственных, хорошо организованных племен.

37. Император Карл V, Лютер, Мюнцер, Дюрер; Фернандо Арагонский, Колумб, Кортес, Писарро; король Маноэл, Васка да Гама; султан Селим Явуз; первый могол — Бабур; Монтесума, Кваутемок; Атауальпа, Уаскар.

38. Василий III — Герберштейн (посол императора) — император Максимилиан — имперский посол в Англии — принц Генри (будущий Генри VIII).

39. Иван Грозный — английский посол Горсей — королева Елизавета I — Вильям Шекспир. Иван — Елизавета — английский посол в Нидерландах — Виллем Оранский. Иван — Андрей Курбский — кардинал-примас Польши — Николай Коперник.

40. В конце правления Ивана IV разруха, вызванная Ливонской войной, вынудила царя временно отменить закон о Юрьевом дне («заповедные лета») и снять традиционные ограничения на размер оброка с помещичьих крестьян (грамота Двинской пятине: «платите, как вас господин ваш изоброчит»).

41. Посадский человек мог покинуть свой квартал или город только с согласия своих соседей, потому что налог платили все вместе на основе круговой поруки. Эта традиция помогала правительству контролировать горожан.

43*. В 1478 году москвичи ликвидировали демо- и аристократические учреждения Новгорода, сделали его обычным воеводством и выселили верхушку новгородской знати в другие города. В 1570 году войска Ивана IV полностью разорили Новгород, перебив около одной пятой населения, так что каменное строительство там прервалось на полвека.

44. Царицын назван по местной речке: Царица — русское искажение татарского слова Сары-су — Желтая вода.

* Задача 42 не требует ответа.

ЗАДАЧИ О ДРЕВНЕМ ДВУРЕЧЬЕ

1. Почему в стране Шумер не было камней?

2. Почему в Египте река Нил считалась добрым богом, а в Двуречье обе реки, особенно Тигр, считались злыми богами?

3. Говорят, что Древний Египет был «Страной деревень», а Древнее Двуречье — «Страной городов». Верно ли это и почему так?

4. Почему сейчас большая часть городов Древнего Двуречья превратилась в развалины, окруженные пустыней?

5. В шумерских текстах город Эреду описан как морской порт. Но сейчас его развалины находятся в двухстах километрах от моря. Почему так получилось?

6. Как получилось, что жители Южного Двуречья (шумеры) и Северного Двуречья (аккадцы) говорили на совершенно разных языках? Почему в Египте ничего подобного не было?

7. Почему египетские пирамиды хорошо сохранились до наших дней, а от зиккуратов Двуречья остались небольшие холмики?

8. С какими заморскими странами торговали жители Древнего Двуречья? Какие заморские товары были для них особенно интересны?

9. Египтянин, побывав в Двуречье, рассказывал дома: «Там вода течет наоборот, а лодки по ней плывут только в одну сторону». Что это значит и правда ли это?

10. Земледельцы появились в Египте и в Двуречье почти одновременно. Но объединение Двуречья в единое государство произошло гораздо позже, чем в Египте. Отчего так вышло?

11. Какими товарами могли обмениваться жители Шумера с жителями Аккада? Верно ли, что этот товарообмен был для них важнее, чем для египтян — торговля между их севером и их югом?

12. Ученые говорят, что от Древнего Двуречья до нас дошло больше разных текстов, а от Древнего Египта — больше экземпляров одного текста. Почему так получилось?

13. Каким образом шумеры и аккадцы, говоря на разных языках, могли пользоваться одной клинописью?

14. После завоевания Двуречья персами в VI веке до новой эры в Персидской империи установились три государственных языка со своими письменностями. Какие это были языки? Почему персы не обошлись меньшим числом языков?

15. Почему в архивах Египта найдено много глиняных клинописных табличек, но в архивах Двуречья не найдено папирусов с иероглифами?

16. Почему миф о Всемирном потопе сложился в Двуречье, а в Египте его не было?

17. Какие боги Древнего Двуречья имеют точные копии среди богов Древнего Египта?

18. Кем мог быть реальный Энкиду? Почему в мифах Двуречья он изображен как получеловек-полуживотное?

19. Почему в документах Древнего Шумера нет договоров о продаже земли, а только о сдаче ее в аренду?

20. Почему до времен Саргона Древнего в Двуречье не было постоянных армий, а в эту эпоху армия в 3600 воинов завоевала все Двуречье?

21. Хаммурапи много и успешно воевал, но в предисловии к своим законам он хвалится не победами, а своей справедливостью. Почему царь так поступает? Притворяется ли он или говорит то, что думает?

22. Когда в Двуречье впервые появилась конница? Какие народы первыми создали конное войско? Какие технические изобретения понадобились для этого?

23. Почему первый алфавит финикийцев состоял из одних согласных букв, а гласные появились только у греков?

24. Какие средства позволяли жителям Двуречья верно читать слово, записанное одними согласными? Чем эти средства отличаются от современных средств арабского языка (где тоже нет гласных букв)?

25. Регулярное летописание началось в Вавилоне в IX веке до новой эры. Кто и как записывал важнейшие события прежде?

26. Почему первый алфавит появился в Финикии или в Палестине, а не в Египте, не в Двуречье?

27. Почему владычество Ассирии над Двуречьем было гораздо дольше, чем власть царства Хаммурапи или царства Навуходоносора?

28. Какие народы владели Вавилоном в разные века?

29. Какие книги были (и какие могли быть) в библиотеке Ашшурбанапала?

30. Книги на каких языках могли быть в библиотеке Ашшурбанапала?

31. На территории каких современных государств побывали армии Саргона Древнего? А ассирийские армии?

32. Опишите разницу в вооружении пеших воинов: времен Саргона Древнего, времен Хаммурапи и времен Асархаддона.

33. Какие слова и имена из шумерского и аккадского языков попали в русский язык?

34. Какие страны посещали финикийские мореходы?

35. Почему финикийцы никогда не создавали мощной военной державы?

36. Известно, что в современном Ливане фиңики не растут и никогда не росли (там недостаточно жарко для этого). Почему же в древности Ливан называли Финикией?

37. Какие заморские города-колонии были основаны финикийскими мореходами?

38. Какие народы Ближнего Востока внесли наибольший вклад в приручение лошади и верблюда?

39. Почему современные ученые считают, что рассказ Геродота о плавании финикийцев вокруг Африки — не сказка, а правда?

40. Какие древние государства находились на землях современного Ирака? Ирана? Турции?

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!

Когда хинин бессилен

Более двух тысяч лет применяют в китайской медицине таблетки, изготавливаемые из растения, которое народные лекари называют «квинг-хао», а латинское название его — «артемизия аннуа Л». Сейчас этим растением заинтересовались китайские ученые. Им удалось выделить из артемизии жаропонижающее вещество. Опыты на животных показали, что оно почти не оказывает побочного действия на млекопитающих, но весьма действенно против паразитов — возбудителей малярии. Это вещество оказалось эффективным и при лечении таких форм малярии, с которыми не могут справиться хинин и его производные. Теперь «квинг-хао» начали применять в больницах для проверки всех его качеств.

Электрошок против змеиного укуса

Оказывается, электрошок нейтрализует последствия укуса ядовитой змеи, скорпиона или осы. Такая терапия практикуется сейчас в джунглях Амазонки доктором Рональдом Гудерманом, который заботится о здоровье сотрудников фирмы «Шелл». Если не использовать вакцину, человек умирает от укуса через полчаса. Однако обычно вакцины под рукой нет. Поэтому доктор Гудерман решил использовать вместо нее на месте укуса электрошок. Доктор уже вылечил таким способом 34 человека и без каких-либо осложнений. Специалисты считают, что электрошок заметно изменяет структуру яда, уменьшая таким образом его воздействие на организм.

Издержки профессии

В Канаде было проведено широкое обследование, чтобы установить распространение рака среди представителей различных профессий. Оказалось, что владельцы и официанты баров в шесть-семь раз чаще заболевают раком гортани, чем прочее население, и умирают от рака в шесть-семь раз чаще. Врачи полагают, что в данном случае виновником заболевания является табачный дым, которым в иных барах и ресторанах постоянно насыщен воздух, в комбинации с увеличенным потреблением алкоголя.

Еще одна заслуга

Недавно английские специалисты обнаружили, что медицинские пиявки способны активно восстанавливать кровообращение в пересаженных органах и тканях. Если к пришитому хирургом пальцу приставить пиявку, капилляры прорастут через швы гораздо быстрее. По мнению исследователей, этот благоприятный эффект дает специальное вещество, содержащееся в организме пиявки. Так, например, найдены белки, усиливающие кровоток. Они могут оказаться полезными и при лечении сердечных заболеваний.

Попутный массаж

Радикулит, как известно, часто поражает профессиональных шоферов. Итальянские специалисты попытались помочь им создать устройство для автомассажа. Это деревянные шарики, которые постоянно вращаются и массируют позвоночник и поясницу водителя. Такое устройство, установленное на сиденье, успешно действует и при движении машины.

Храп опасен

Ирландская лаборатория исследования сна установила, что почти каждому пятидесятому храпящему человеку грозит остановка дыхания во сне. В этих паузах, длящихся 20—30 секунд, содержание кислорода в крови падает до опасно низкого уровня.

Чтобы не задохнуться, человек переходит из глубокого сна в состояние дремы, то есть почти просыпается. А поскольку за ночь дыхание останавливается до шестисот раз, то весь следующий день «храпун» впадает в микросон в самых не подходящих для этого местах, например при переходе улицы или за рулем автомобиля.

МОЗАИКА

Внимание! Стреляю без предупреждения!

Вероятно, такую надпись можно было бы повесить на дереве вида бурсера, произрастающем в Центральной Америке. Если вы оторвете листочек от его ветви, то сразу будете обрызганы струей неприятной липкой жидкости, вылившейся из пораненного места. Таким образом, как утверждают американские ученые, дерево защищается от животных, которые пытаются питаться его листьями.

Бурсера синтезирует соединения, называемые терпенами. Они-то и находятся в сети каналов, расположенных в стебле и листьях. «Стрельба» терпенами может продолжаться три-четыре секунды, а дальнобойность достигает пятнадцати сантиметров.

У дерева есть и другие механизмы самозащиты. Если, например, оторвать лишь кусочек листа, то за несколько секунд большая часть его поверхности также обливается терпенами. Цель — защитить растение от различных насекомых. Однако один вид насекомых нашел эффективный способ противодействия. Его личинки впиваются в основание листа, в то место, где он соединяется со стеблем, разрывают каналы и останавливают таким образом подачу неприятных терпенов.

Ничего, что Шерлок Холмс — вымысел

Несмотря на это, журнал «Бейкер-стрит» — абсолютно реальное издание. Выходит с 1946 года раз в три месяца тиражом 1700 экземпляров. Редакция находится в Нью-Йорке. Издатель — американское Общество поклонников Шерлока Холмса. В журнале публикуются статьи, посвященные анализу личности этого знаменитого литературного героя, объяснение его поступков и тому подобное. Время от времени встречаются и очень острые публикации. Вот, скажем, заголовок одного из опубликованных недавно материалов: «Шерлок Холмс был дурак».

Дарроубийская выставка

Д. Хэрриот

— Не хотите ли понадзирать за Дарроубийской выставкой, Джеймс? — Зигфрид бросил прочитанное письмо на стол и повернулся ко мне.

— Я не прочь, но ведь они всегда приглашают вас?

— Да, но в письме сообщается, что дата перенесена, а я как раз на эти дни уезжаю.

— А! Ну прекрасно. А что мне надо будет делать?

Зигфрид уже проглядывал список вызовов.

— В сущности чистейшей воды синекура. Практически день приятного отдыха. Вам надо будет измерять пони и быть под рукой на случай, если какое-нибудь животное получит травму. Вот примерно и все. Ах да! Еще вам предстоит судить «любимцев семьи».

— Любимцев семьи?

— Ну да. Они устраивают настоящую выставку собак, но судить ее участников приглашается специалист. А это — больше для развлечения — любые зверюшки и пичужки. Вы должны будете присудить первое, второе и третье место.

— Ясно,— сказал я.— По-моему, мне это более или менее по силам.

— Чудесно! — Зигфрид протянул мне конверт.— Вот квитанция для автостоянки, обеденные билеты для вас и приятеля, если решите взять с собой когонибудь, а также значок ветеринара. Вот и хорошо.

Погода в субботу, когда открывалась выставка, должна была привести устроителей в восторг: синие небеса без единого облачка, почти полное безветрие и знойное солнце — порядочная редкость на севере Йоркшира.

Подъезжая к выставке, я наслаждался соприкосновением с полными жизни картинами и сценами, словно взятыми из книг о старой Англии. Пестрые шатры и навесы на ярко-зеленом лугу у реки, женщины и дети в ярких летних нарядах, коровы и быки в сопровождении облаченных в комбинезоны скотников, массивные рабочие лошади, неторопливо шагающие по кругу.

Я оставил машину на стоянке и направился к шатру устроителей. Флаг над ним обвисал безжизненной тряпкой. Тут Тристан меня покинул: с безошибочным инстинктом бедного студента, не упускающего случая бесплатно угоститься и поразвлечься, он забрал все мои дополнительные билеты и теперь устремился к пивной палатке. Я вошел в шатер доложить о себе секретарю комитета. Оставив там свою линейку, я отправился побродить по выставке.

На сельских выставках полно всякой всячины на все вкусы. Галопом проносились верховые лошади всевозможных пород — от пони до гунтеров, а на одном кругу судьи заботливо осматривали кобыл с жеребятами, прелестными сосунками.

В стороне четверо мужчин, вооруженных ведрами и швабрами, мыли и чистили бычков, сосредоточенно, точно модные парикмахеры, расчесывая и подвивая шерсть на крупах.

Я свернул к ларькам полюбоваться редкостным обилием земных плодов от связок ревеня до пучков лука, не говоря уж о букетах, вышивках, джемах, кексах, пирогах. А детский отдел! Картина «Пляж в Скарборо» Энни Хезелтин девяти лет; каллиграфически выведенные чуть кривоватые строчки: «Вовеки радость красоту дарует» Бернарда Пикока двенадцати лет.

Но я тут же забыл обо всем: из-за эстрады появились две пары — Хелен с Ричардом Эдмундсоном и ее отец, мистер Олдерсон, увлеченный беседой с отцом Ричарда. Молодой человек шел совсем рядом с Хелен, болтая, смеясь, а его светлые волосы, сияя помадой, по-хозяйски наклонялись к ее темным кудрям.

В небе по-прежнему не было ни облачка, но солнечный свет вдруг затмился. Я быстро отвернулся и отправился на розыски Тристана.

Я его обнаружил, поспешно заглянув в шатер с вывеской «Напитки» над входом. Тристан, опираясь локтем на стойку, сооруженную из козел и досок, вел задушевный разговор с компанией работников в кепках. В одной руке у него была сигарета, в другой — пинтовая кружка. Атмосфера здесь царила самая непринужденная и дружеская. Для более церемонных возлияний предназначался президентский бар позади административного шатра — там пили розовый джин и херес, а здесь ублаготворялись пивом, бочковым и бутылочным, а дородные девицы за стойками разливали его с яростной сосредоточенностью тех, кому предстоит нелегкий день.

— Да, я ее видел,— сказал Тристан, когда выслушал меня.— Собственно говоря, вон они,— добавил он, кивая на семейную группу, как раз проходившую перед палаткой.— Я уже давно на них поглядываю, Джим. Мне отсюда все видно.

— Ну что же,— сказал я, беря полупинтовую кружку портера, которую он мне протягивал.— Умилительная картина — папаши, которых водой не разлить, а Хелен прямо-таки цепляется за руку этого типа.

Тристан поглядел поверх кружки на луг и покачал головой.

— Вот тут ты ошибаешься: это Ричард вцепился в ее руку! — Он многозначительно покосился на меня.— Тут есть разница!

— Только мне от этого не легче,— буркнул я.

— Да не вешай ты носа! — Он сделал неторопливый глоток, понизивший уровень пива в его кружке на шесть дюймов.— Что, по-твоему, должна делать хорошенькая девушка? Сидеть дома, ждать,

«Знание — сила». Май — июль 1992

когда ты соблаговолишь ее навестить? Если ты каждый вечер стучался в их дверь, мне ты об этом не рассказывал.

— Тебе хорошо говорить! По-моему, старик Олдерсон на меня собак натравит, если я туда сунусь. Ему не нравится, что я ухаживаю за Хелен. И у меня такое чувство, что он убежден, будто я прикончил его любимую корову, когда в последний раз был у них.

— А ты ее убил?

— Да нет же! Но я осмотрел живую корову, сделал ей инъекцию, и она тут же сдохла. Так что винить его я не могу.

Я отхлебнул пива, провожая взглядом дружную компанию, которая теперь удалялась от нашего убежища. На Хелен было светло-голубое платье, и я думал, как этот цвет идет к ее темно-каштановым волосам и как мне нравится ее свободная легкая походка. Но тут над лугом загремел громкоговоритель:

— Мистер Хэрриот, ветеринар, будьте добры срочно явиться в административный отдел.

Я вздрогнул от неожиданности, но тут же преисполнился гордости: впервые моя фамилия и профессия были названы по радио.

Торопливо шагая по траве, скашивая взгляд на официальный значок у меня на лацкане, золотыми буковками провозглашавший «Ветеринар», я ощущал себя очень важной персоной. Один из устроителей встретил меня на полпути.

— Что-то с коровой. Несчастный случай, по-моему.— Он указал на открытые стойла на краю луга.

Толпа любопытных уже собралась возле моей пациентки, проходившей по классу стельных коров. Ее владелец — незнакомый фермер, видимо, из дальних окрестностей Дарроуби, сказал мрачно:

— Споткнулась, спускаясь с фургона, и стукнулась головой о стену. Ну и сломала рог.

На молоденькую коровку красивой шоколадной масти было жалко смотреть. Ее вымыли, причесали, подзавили, попудрили — и на тебе! Рог болтается возле уха, а из раны тремя струйками бьет декоративный фонтанчик алой артериальной крови.

Сломанный рог висел на лоскутке кожи, которую я тут же перерезал ножницами. Фермер ухватил корову за морду, а я попробовал нащупать щипцами разорванные кровеносные сосуды. В ярком солнечном свете струйки крови, как ни странно, были почти невидимы, но стоило корове дернуть головой, как я ощущал теплые капли на своей физиономии и слышал, как они шлепаются на мой воротник.

Нащупать сосуды мне никак не удавалось, я начинал отчаиваться, и вот тут-то вдруг увидел в толпе зрителей Хелен и ее спутника. Эдмундсон следил за моими тщетными потугами с мягкой усмешкой, но Хелен, встретив мой взгляд, ободряюще улыбнулась. Я постарался улыбнуться в ответ, но, боюсь, разглядеть эту улыбку сквозь кровавую маску на моем лице было трудновато.

Корова дернула головой с еще большей энергией и выбила у меня щипцы. Тут я сделал то, с чего следовало бы начать,— наложил на рану ватный тампон с антисептическим порошком и повязку восьмеркой, закрепив ее на уцелевшем роге.

— Ну вот,— сказал я фермеру, смигивая кровь с глаза,— кровотечение остановлено. Я бы порекомендовал вам обезрожить ее, как только будет можно, иначе вид у нее будет неприглядный.

В эту секунду из толпы зрителей выделился Тристан.

— Как это ты оторвался от пива? — осведомился я саркастически.

— Пора обедать, старина,— весело ответил Тристан.— Но прежде тебя надо

привести в пристойный вид, иначе я не могу показаться с тобой на людях. Подожди тут, я принесу ведро воды.

Обед оказался превосходным, и я заметно подбодрился. Хотя накрыт он был в шатре, жены устроителей приготовили незабываемые закуски: свежая лососина, домашняя ветчина, холодный ростбиф со всевозможными салатами и яблочные пироги, и кувшины со сливками, какие можно увидеть только на сельских праздниках. Одна из дам славилась своими

сырами, и мы завершили трапезу кофе с восхитительным козьим сыром. Напитки тоже не оставляли желать лучшего — у каждого прибора стояла бутылка светлого эля и стакан.

В обществе Тристана мне, правда, было отказано — он предусмотрительно занял позицию за столом между двумя рьяными поборниками трезвости, утроив таким образом свою порцию пива.

Не успел я снова выйти на солнечный свет, как меня потрогали за плечо.

— Судья просит вас осмотреть собаку, которая выглядит больной,— сказал какой-то человек и повел меня к машине, где тощий субъект лет сорока с темной щеточкой усов на верхней губе держал на поводке жесткошерстного фокстерьера. Меня он встретил вкрадчивой улыбкой и категорически заявил:

— Моя собака абсолютно здорова. Какие-то бессмысленные придирки!

Я поглядел на фокстерьера.

— Но у него гной в уголках глаз.

Хозяин песика замотал головой.

— Это не гной! Я его припудрил тальком, ну и засорил ему глаза.

— Хм! Все-таки смерим ему температуру.

Песик даже не дернулся, когда я ввел термометр. Я взглянул на шкалу, и у меня брови полезли на лоб.

— Без малого сорок! Боюсь, на выставку его допустить нельзя.

— Погодите минутку! — Он выставил подбородок.— Вы не лучше этого так называемого судьи. Я привез мою собаку издалека, и я ее выставлю.

— Извините, но с температурой сорок градусов это невозможно.

— Так его же в машине растрясло! Вот она и подскочила.

Я покачал головой.

— Но не так же высоко! Да и вид у него совсем больной. Видите, как он щурит глаза, точно их раздражает свет? Не исключено, что у него чума.

— Что? Чушь! И вы это прекрасно знаете. Он никогда еще не был в такой прекрасной форме! — У хозяина даже губы дрожали от гнева.

Я еще раз посмотрел на песика. Он тоскливо припал к траве. Иногда по его телу пробегала дрожь, свет ему был явно неприятен, а в уголках глаз виднелись кремовые комочки гноя.

— Вы сделали ему противочумные прививки?

— Ну нет. А почему вы вообще про это спрашиваете?

— Потому, что, по-моему, у него начинается чума, и ради него и других собак вы должны немедленно отвезти его домой и показать вашему ветеринару.

Он смерил меня свирепым взглядом.

— Так вы решили не допускать его на выставку?

— Совершенно верно. Я очень сожалею, но об этом не может быть и речи.— Я повернулся и ушел.

— Мистер Хэрриот, будьте добры, приступите к измерению пони!

Я забрал свою линейку и затрусил в дальний конец луга, где были собраны пони уэльской, йоркширской, эксмурской, дартмурской и еще всяких пород.

Тем, кто не знает, поясню: лошадей измеряют в ладонях (ладонь — четыре дюйма) с помощью особой линейки, снабженной перекладиной со спиртовым уровнем, которая укладывается на холку — наиболее высокую точку между плечами. Измерять лошадей мне доводилось довольно часто, но на выставке я этого еще никогда не делал. Держа линейку наготове, я встал рядом с двумя широкими досками, которые были уложены на траву, чтобы как-то выровнять поверхность.

Улыбающаяся молодая женщина подвела первого пони, красавца гнедого.

— Класс? — спросил я.

— Тринадцать ладоней.

Я приложил линейку. Он был заметно ниже.

— Прекрасно. Следующий!

Я измерил еще нескольких без каких-либо недоразумений, затем наступил небольшой перерыв, пока подводили следующую группу. Пони все еще подвозили в фургонах, а ко мне их подводили либо юные наездники, либо кто-нибудь из родителей. Судя по всему, процедура обещала быть долгой.

В перерыве стоявший рядом со мной низенький человечек спросил:

— Пока все гладко, а?

— Да, никаких недоразумений, — ответил я.

Он безразлично кивнул, а я подумал, что он похож на загорелого гнома: тщедушное тельце, смуглое обветренное лицо, вздернутые плечи. И в то же время в нем чувствовался лошадник.

— Погодите, еще наругаетесь, — буркнул он. — Тут такие есть, пальца им в рот не клади. И все одно говорят: дескать, их пони другой ветеринар на другой выставке сразу пропустил! — Он сморщил темные щеки в злоехидной усмешке.

— Неужели?

— Погодите чуток.

Красивая блондинка вывела на доски очередного кандидата. Она обожгла меня взглядом зеленых глаз и сверкнула двумя рядами белейших зубов.

— Двенадцать и два, — прожурчала она обольстительно.

Я приложил линейку к холке, покрутил ее и так и эдак, но получить эту цифру мне не удалось.

— Боюсь, он высоковат, — сказал я.

Жемчужная улыбка погасла.

— А полдюйма на подковы вы учли?

— Разумеется, но вы сами можете убедиться, насколько он выше.

— Вот в Хикли ветеринар его сразу пропустил без всяких разговоров! — огрызнулась она, а я краем глаза заметил, как гном многозначительно кивнул.

— Боюсь, тут я ничем помочь не могу, — ответил я. — Вам придется выставить его в следующем классе.

Два зеленых камушка со дна арктического моря несколько секунд обдавали меня леденящим холодом, затем блондинка удалилась, ведя за собой пони.

Потом джентльмен с жестким лицом вывел на доски миниатюрную светло гнедую лошадку, чье поведение, должен признаться, поставило меня в тупик. Она падала на колени, едва линейка касалась холки, и я никак не мог получить точную цифру. В конце концов я сдался и пропустил ее.

Гном кашлянул.

— Я его знаю!

— Да?

— Ага. Он столько раз колол ей булавкой холку, что она приседает, чуть ее тронешь!

— Не может быть!

— Еще как может!

Я был ошеломлен, но очередные измерения отвлекли меня.

Последнего в этой группе, симпатичного серого, привел энергичный мужчина, сияя широченной дружеской улыбкой.

— Как поживаете? — осведомился он любезно. — А в нем тринадцать два.

Перекладина даже не коснулась холки, но когда пони затрусил прочь, гном изрек:

— Я и этого знаю.

— Правда?

— Ого-го! Придавливает своих пони перед тем, как им измерение проходить. Этот серый последний час стоял с мешком ржи на спине весом чуть ли не центнер. И на дюйм укоротился.

— Господи! А вы уверены?

— Будьте спокойны, я своими глазами видел.

В мыслях у меня воцарилось некоторое смятение. Он все это сочиняет? Или правда, это невинное состязание приводит в действие столь темные силы?

— Этот же самый, — продолжал гном, — бывало, заставлял сбросить полдюйма на подковы, в пони-то и не подкован вовсе.

Ах, да замолчал бы он! Но тут его перебили: ко мне бочком подобрался мужчина с усиками и конфиденциально зашептал мне на ухо:

— Я вот что думаю. Моя собака уже отдохнула, и температура у нее наверняка нормальная. Так вы посмотрите ее еще раз. Я как раз успею.

Я устало обернулся к нему.

— Право же, это напрасная трата времени. Собака больна, я вам уже сказал.

— Ну пожалуйста! Как одолжение! — вид у него был отчаянный, в глазах горел фанатичный огонь.

— Ну хорошо! — Я пошел с ним к его машине и поставил термометр. Температура по-прежнему была сорок.

— Да отвезите же беднягу домой! — сказал я. — Ему нельзя быть тут.

Мне показалось, что он вот-вот меня ударит.

— Она здорова! — прохрипел он, гримасничая от избытка чувств.

— Мне очень жаль, — сказал я и вернулся к пони.

Меня ждал мальчик лет пятнадцати. Его пони был записан в класс тринадцать два, но оказался выше почти на полтора дюйма.

— Боюсь, он слишком высок, — сказал я. — Не для этого класса.

Мальчик не ответил, а вытащил из внутреннего кармана куртки какой-то листок.

— Вот ветеринарное свидетельство, что он чуть ниже тринадцати двух.

— Боюсь, оно недействительно, — ответил я. — Устроители предупредили меня не принимать свидетельств. Я уже не допустил двух. Решает только эта линейка. Что поделать!

Он сразу стал другим.

— Но вы обязаны его пропустить! — закричал он мне прямо в лицо. — Никаких линеек, если есть свидетельство!

— Поговорите с устроителями. Я руководствуюсь их инструкциями.

— Я с отцом поговорю, вот что! — крикнул он и увел пони.

Отец не замешкался. Крупный, дородный, явно преуспевающий, самоуверенный, он не собирался терпеть мои глупости.

— Послушайте, я чего-то не понял, но вы тут вообще в стороне. Вы обязаны принять свидетельство.

— Вовсе нет, уверяю вас, — ответил я. — И к тому же ваш пони ведь выше верхнего предела не чуть-чуть, а на очень много. На глаз видно.

Отец стал багровым.

— Позвольте вам сказать, что его пропустил ветеринар в...

— Знаю-знаю, — перебил я и услышал, как гном фыркнул, — но здесь его не пропустят.

Наступила недолгая пауза, а затем отец с сыном начали на меня кричать. Под град их ругани меня кто-то дернул за рукав. Мужчина с усиками!

— Я хочу еще раз попросить, чтобы вы померили температуру моей собаки, — прошептал он с жутковатой гримасой, означавшей улыбку. — Я убежден, что у него все прошло. Так, пожалуйста!

Но я не выдержал.

— И не подумаю, черт побери! — рявкнул я. — Будьте так добры, оставьте меня в покое и отвезите бедного пса домой.

Удивительно, какие странные побуждения руководят людьми. Казалось бы, участие собаки в выставке никак не может быть вопросом жизни или смерти. Но для мужчины с усиками вопрос, по-видимому, стоял именно так. Он буквально накинулся на меня:

— Вы своего дела не знаете, вот что! Я издалека приехал, а вы со мной такую грязную штуку сыграли! У меня друг ветеринар, настоящий ветеринар, так я ему про вас расскажу. Да-да! Все расскажу!

Говорилось это под неутихающие вопли отца и сына, поносивших меня последними словами, и я внезапно обнаружил, что окружен врагами. Тут была и блондинка, и владельцы других пони, которых я забраковал. Все они смотрели на меня угрожающе и сердито жестикулировали.

А я остался в полном одиночестве. Гном, в котором я чувствовал союзника, бесследно исчез. Нет, в гноме я разочаровался — красиобай, улепетнувший, чуть повеяло опасностью. Глядя на разъяренную толпу, я выставил перед собой линейку. Оружие не ахти какое, но все-таки лучше, чем ничего, если бы они набросились на меня.

И вот, когда нелестные отзывы обо мне достигли апогея, я увидел Хелен и Ричарда Эдмундсона, которые с интересом их слушали. Он-то пусть, но почему, почему я обязательно попадал в дурацкое положение, когда неподалеку оказывалась Хелен?!

Во всяком случае, измерения я закончил и, ощущая настоятельную потребность подкрепиться, ретировался и пошел искать Тристана.

Рисунки Ю. Сарафанова

Впечатления от Дарроубийской выставки врезались мне в память и навсегда внушили глубокое уважение и сочувствие к ветеринарам, на чью долю выпадает неблагодарная задача участвовать в проведении подобных мероприятий. Люди просто не желают смириться с тем, что их животные могут быть не допущены. Разумеется, с тех пор я много раз работал на выставках без каких-либо недоразумений, и порой мне кажется, что причиной такого взрыва негодования были моя молодость и неопытность. В рассказе я про это не упомянул, но в тот день события приняли такой скверный оборот, что я с восторгом уставился на полицейского, который появился на лугу. Я уже серьезно думал, что мне, возможно, понадобится его защита. ●

М. Харнер

ПУТЬ ШАМАНА

Так я начал всерьез изучать шаманство. У индейцев конибо я научился главным образом тому, как попасть в Преисподний Мир и как, выйдя из него, восстановить свое душевное состояние — об этом я расскажу дальше. В 1961 году я возвратился в США, но через три года снова поехал в Южную Америку, к индейцам хиваро, среди которых я уже жил в 1956 и 1957 годах. На этот раз мои задачи выходили за рамки одних лишь антропологических исследований: мне хотелось из первых рук обучиться шаманству, которое распространено среди индейцев хиваро. По этой причине я решил поселиться в северо-западной части территории, населяемой хиваро — именно там, по слухам, жили самые могущественные шаманы.

Сперва я отправился в столицу Эквадора Кито, расположенную высоко в горах. Оттуда на стареньком трехмоторном «юнкерсе» — на аэродром в джунглях возле реки Пастаса, а восточных предгорьях Анд. Там я нанял одномоторный самолет, который доставил меня в Макас, старинное поселение белых у подножия Анд, окруженное со всех сторон деревнями хиваро.

Макас — необычный поселок. Он был основан в 1599 году горсткой испанцев, оставшихся в живых после резни, устроенной индейцами навахо в легендарной Севилье дель Оро. В течение нескольких веков это была, наверное, самая обособленная община на Западе. В сороковых годах там, правда, соорудили посадочную площадку для самолетов, но до тех пор для того, чтобы добраться до ближайшего города Риобамбы, расположенного в горах, нужно было сперва пробираться по скользкой тропинке, ведшей круто вверх, а потом еще претерпевать все тяготы восьмидневного путешествия. Благодаря этой обособленности в Макасе возникла община белых людей, совершенно не похожая ни на одну другую общину в мире. Еще в начале двадцатого века здешние люди охотились с трубками для выдувания отравленных стрел, носили индейскую одежду и необычайно гордились тем, что они — прямые потомки конкистадоров.

Были у них и свои собственные легенды, удивительные и таинственные. Они говорили, например, что когда они бежали из Севильи дель Оро, то скитались почти сто лет, прежде чем нашли новый путь через Анды, а о человеке, которому это наконец удалось, до сих пор рассказывают детям на ночь. Еще они утверждали, что раньше в поселок по ночам часто приходил конь-привидение, обвешанный лязгающими цепями, и жители в испуге забивались в свои крытые пальмовыми листьями хижины, пока это чудище бродило по округе. Привидение перестало появляться в 1924 году, когда в общине обосновались католические миссионеры. Интересно, что в то время в Макасе еще не было ни одной лошади — первого жеребенка принес на себе из Рио-бамбы кто-то из жителей поселка в 1928 году, то есть почти через три с половиной столетия после возникновения общины.

За поселком, среди Восточных Кордильер, высился Сангай, большой действующий вулкан, покрытый снежной шапкой, над которым днем громоздились клубы дыма, а по ночам пламенело зарево. Местные жители любили говорить, что зарево это идет от сокровищ, которые их предки, согласно преданию, закопали на склонах Сангая.

Мой первый день в Макасе прошел хорошо. У самолета меня ожидал специально приставленный ко мне индейский юноша, да и весь прием был радушным и гостеприимным. Угощение было обильным, с большим количеством мяса. Поскольку жители Макаса не имеют возможности переправлять свой скот через Анды, им приходится есть это мясо самим, и животных в поселке режут каждый день. Меня напоили и местным чаем — его называют «гуаюса»,— который тут пьют целый день вместо кофе. Чай этот вызывает некую эйфорию, так что все здешнее население постоянно находится под хмельком. Кроме того, к нему настолько привыкаешь, что прежде чем угостить им, гостя предупреждают: если он хоть раз попробует чая, то будет снова и снова возвращаться в джунгли Эквадора.

Я уже засыпал в ту первую ночь, как вдруг в темноте хижины мне явились какие-то странные, яркие образы красных тонов. Сперва это были извилистые узоры, которые, сплетаясь и расходясь, кружились передо мной, отчего мне сделалось исключительно хорошо. Потом среди них возникли красноватые смеющиеся бесовские рожицы — они вертелись, то исчезая, то появляясь вновь. Было такое чувство, будто я вижу духов Макаса.

Внезапно раздался взрыв, и я ощутил толчок, от которого чуть не слетел с койки. Собаки в поселке разразились лаем. Видения исчезли. На улице кричали люди. От подземного толчка пол заходил ходуном, и я увидел, как из жерла Сангая вырываются брызги нерукотворного фейерверка. Мне пришла на ум несуразная мысль, что землетрясение устроили те самые ехидные демоны, желая отметить мое возвращение в джунгли и напомнить мне о своем существовании, но я только рассмеялся этой нелепице.

На следующий день миссионер-католик, живущий в Макасе, показал мне свою коллекцию древних черепков, собранных в округе. Они были расписаны красными узорами, почти не отличавшимися от тех, которые я видел ночью.

Наутро мы с моим юным спутником-индейцем тронулись в путь. Мы пошли на север от Макаса и, переправившись через реку Упано на выдолбленной из ствола дерева лодке, продолжали идти весь остаток дня.

Солнце уже садилось, когда мы, выбившись из сил, наконец добрались до места своего назначения — хижины знаменитого шамана Акачу, стоящей в лесной чащобе. В тот вечер мне не предложили чая «гуаю-

* Окончание. Начало — в № 4.

са», вместо этого меня потчевали освежающим пивом из маниоки, обезьяньим мясом и живыми извивающимися червями, которые, впрочем, были превосходными на вкус и напоминали сыр. Усталый, но довольный тем, что снова оказался среди шаманов, я лег на бамбуковую кровать и крепко уснул.

Наутро мы с Акачу торжественно сидели друг против друга на деревянных табуретках, а его жены носили нам чашки с подогретым пивом из маниоки. В его длинных черных волосах, перевязанных сзади на манер конского хвоста плетеным красно-белым ремешком, в который была воткнута кисточка из птичьих перьев, уже начинала прорезываться седина. На взгляд ему можно было дать лет шестьдесят с небольшим.

— Я пришел,— объяснил я,— обрести духов-помощников.

Он пристально и долго смотрел на меня, не произнося ни слова, но морщины на его смуглом лице, казалось, стали еще глубже.

— Это отличное ружье,— заметил он, кивком указав на винчестерский дробовик, который я захватил с собой на случай охоты.

Намек был ясен: принятая у хиваро наименьшая плата за посвящение в шаманы — это шомпольное ружье, и мой винчестер, заряжаемый патронами с помощью затвора, был не в пример мощнее этих стреляющих дымным порохом ружей и, следовательно, ценился гораздо выше.

— Ради того, чтобы обрести знание и духов-помощников, я подарю тебе это ружье и две коробки с патронами,— сказал я.

Акачу кивнул и протянул руку к винчестеру. Я взял ружье и отдал ему. Он попробовал его на вес, заглянул в ствол. Потом вдруг положил дробовик на колени и сказал:

— Сперва ты должен искупаться в водопаде, а потом посмотрим.

Я ответил, что готов сделать все, что он велит.

— Ты не «шуар», не индеец,— сказал Акачу,— поэтому я не уверен, что тебя ждет удача. Но я помогу тебе попробовать.— Он сделал движение головой в сторону Анд.— Мы скоро пойдем к водопаду.

Через пять дней мы вместе с Акачу и его зятем Цангу отправились в путешествие к священному водопаду. Сопровождавший меня хиваро, выполнив свои обязанности, ушел домой раньше.

В первый день мы шли по лесной тропинке, вверх по течению извилистой реки. Мои спутники шагали очень быстро, и я был рад, когда ближе к вечеру мы наконец устроили привал возле небольшой быстрины. Акачу и Цангу соорудили навес с покатой крышей из пальмовых листьев. Постелями нам тоже служили пальмовые листья. Спал я крепко, согреваемый угольями костра, который они развели у входа.

На второй день мы почти все время пробирались вверх по застланному туманом лесу. Когда шагать по едва различимой тропке стало совсем тяжело, мы остановились у зарослей дикого тростника, чтобы нарезать палок, которые облегчили бы нам дальнейший путь. Акачу куда-то отлучился, но вскоре вернулся, неся в руках бальзовую жердь. Пока мы отдыхали, он быстро вырезал на жерди какие-то несложные геометрические узоры, а потом протянул ее мне.

— Вот тебе волшебный посох,— сказал он.— Он защитит тебя от демонов. Если встретишь демона, кинь в него посох. Он сильнее любого ружья.

Я ощупал жердь. Она была удивительно легкая: обороняться с ее помощью против чего-либо вещественного было бы совершенно невозможно. На мгновение мне показалось, что мы, будто дети, играем в сказки. Но ведь мои спутники были воинами — воинами, которые постоянно враждовали и бились не на жизнь, а на смерть со своими недругами, и само их существование должно было зависеть от единения с реальным миром.

Тропа, по которой мы шли, становилась все более скользкой и крутой, и мне все чаще начинало казаться, что, делая два шага вперед в этой глинистой жиже, я вынужден делать один шаг назад. Мы то и дело останавливались перевести дух и глотнуть пива из маниоки, разбавленного водой, которое было у нас во флягах. Иногда мои спутники подкреплялись сваренной и закопченной маниокой или куском копченого мяса, которое они несли с собой в мешочках из обезьяньей кожи. Мне, однако, есть было запрещено.

— Ты должен страдать,— объяснил мне Цангу,— чтобы предки пожалели тебя. Иначе древний призрак не придет.

Усталый и голодный, я в эту ночь все никак не мог уснуть под навесом из пальмовых листьев, который мы соорудили на студеной, пронизанной сыростью вершине гряды. Перед рассветом зарядил дождь. Совершенно окоченев от холода и не в силах больше оставаться на прежнем месте, мы снялись с привала и стали в темноте на ощупь пробираться вдоль гряды. Дождь все усиливался. Вскоре частые вспышки молнии, сопровождаемые раскатами грома, прорезали небо, освещая нам путь. Казалось, молнии бьют прямо в гряду, и мы, насколько могли, ускорили шаг, чтобы побыстрее уйти с вышины. В неясной рассветной полутьме я поминутно терял из виду моих спутников, для которых такое стремительное передвижение сквозь лесную чащу было гораздо более привычным делом, чем для меня. И если даже в обычных обстоятельствах они шли со скоростью четыре-пять миль в час, то теперь — никак не меньше шести.

Вскоре я окончательно потерял их из виду. Они считают, что я иду за ними, решил я, и обязательно будут ждать меня где-нибудь там, впереди, за грядой. И я с трудом двинулся вперед, промокший, голодный и усталый, в ужасе, что навсегда потеряюсь в этих огромных необитаемых дебрях. Прошел час, потом другой и третий, но индейцев все не было видно. Дождь перестал, и в пустынном лесу стало светлее. Я принялся искать согнутые веточки на молодых деревьях — так индейцы указывают путь, по которому они прошли,— но не нашел ни одной.

Я остановился, уселся на упавшее дерево посреди сырого леса и попробовал ясно обдумать свое положение. Я издал особый индейский клич — крик, идущий из самой глубины легких, который слышно за полмили. Я трижды повторил его. Ответа не было. Меня охватил страх. Не было ружья, и не могло быть речи о том, чтобы подстрелить какую-нибудь дичь. Я не знал, куда идти. Единственными человеческими существами в этой чаще были мои спутники, но их и след простыл.

До сих пор мы держали на Запад, но сквозь густые кроны окружавших меня деревьев нельзя было определить направление солнца. От главной гряды шло множество развилок, и было непонятно, куда лучше пойти. Я выбрал одну из них, почти наугад, и медленно двинулся вперед, ломая веточки через каждые десять футов, чтобы дать знак индейцам, если они станут искать меня здесь. Время от времени я кричал, но в ответ не услышал ни звука. Остановился у какого-то ручья и налил воды в калабас с пивом. Пока я, взмокнув от ходьбы, отдыхал, вокруг меня кружились десятки бабочек, то и дело садясь мне на голову, руки и плечи. Я смотрел, как они пили пот с моей кожи и тут же испражнялись на нее. Я двинулся дальше, в глубь леса, опираясь на свой бальзовый посох. Темнело. Имевшимся у меня коротким мачете я нарезал ветвей с молоденьких пальм и соорудил нечто наподобие навеса. Почти совсем обессилев, я выпил пива, укрылся пальмовыми листьями и тут же уснул.

Когда я проснулся, сквозь кроны деревьев пробивался слабый свет. Лежа в этой зеленой тиши, вдруг услыхал какой-то приглушенный раскат. Он раздался совершенно неожиданно, и я не понял, откуда он доносится. Не шевелясь, я прождал минут пятнадцать, и звук повторился откуда-то слева. Определенно, это стреляли из ружья. Я вскочил и кинулся в направлении выстрела; мчался, спотыкаясь и скользя, вниз по крутому склону, время от времени издавая индейский клич. Послышался еще один такой же звук, на етот раз немного правее. Я изменил направление и вскоре уже спускался по отвесной стороне каньона, цепляясь за лианы и перекатываясь от одного деревца к другому. Тут до меня донесся неумолчный, всепроникающий гул, будто где-то рядом шел бесконечный товарный поезд. Я вдруг оказался на покрытом валунами берегу реки. Примерно в четверти мили вверх по течению гигантский водопад с ревом низвергался по гладкой каменистой поверхности утеса. И там, у подножия водопада, я увидал своих спутников. В эту минуту для меня не было на целом свете людей роднее, чем они!

Я стал пробираться к ним, карабкаясь по огромным прибрежным валунам, прямо по воде, стоявшей между наносами песка. Ветер доносил до меня растворенные в воздухе мельчайшие брызги водопада, даря прохладу моему телу. Наконец я дотащился до места, где стояли Акачу с Цангу, и рухнул на песок рядом с ними.

— А мы уж думали, тебя демон словил,— сказал, усмехнувшись, Акачу.

Я слабо улыбнулся в ответ и с благодарностью взял протянутую мне флягу.

— Ты устал,— сказал Акачу.— Это хорошо: может быть, предки пожалеют тебя. Теперь ты должен искупаться,— и показал на мой посох.— Возьми его и иди за мной.

Он повел меня по каменистому краю водоема, куда низвергался водопад; вскоре мы стояли перед влажной поверхностью утеса под неистовыми ударами крупных водяных брызг. Акачу взял меня за руку и медленно двинулся дальше, к подножию утеса. Вода окатывала нас со всех сторон, все с большей и большей силой, так что трудно было удержаться на ногах. Одной рукой я опирался на посох, а другой ухватился за Акачу.

Каждый следующий шаг давался все тяжелее. Еще усилие — и мы вдруг оказались в темном углублении по ту сторону водопада. Казалось, мы попали в какую-то волшебную пещеру. Свет проникал лишь сквозь плотную завесу падающей воды, отгородившую нас от остального мира. Неумолчный рев водопада был еще громче, чем тогда, несколько лет назад, в моем первом видении; он как бы наполнил собою все мое существо. Вода и земля — две основные стихии — отделили нас от мира.

— Дом Предков!— прокричал мне в ухо Акачу и указал на посох.

Еще раньше он объяснил мне, что делать. Я стал шагать взад-вперед по этой фантастической пещере, ставя посох перед собой. Как мне было велено, я все время выкрикивал: «Тау, тау, тау!», чтобы привлечь внимание предков. Я насквозь продрог от залетавших в пещеру брызг воды, которая еще совсем недавно покоилась в ледяных озерах высоко в Андах. Дрожа от холода, я все ходил и кричал, а за мной шел Акачу, но без посоха.

Мало-помалу мной овладело какое-то странное умиротворение. Я уже не ощущал ни холода, ни голода, ни усталости. Шум водопада становился все более далеким и каким-то успокаивающим. Мне стало казаться, что я нахожусь там, где мне и следует быть, что я пришел домой. Стена падающей воды вспыхнула переливчатыми цветами, превратившись в поток радужных капелек-призм. Они проносились мимо, но у меня было чувство, что они стоят на месте, а я уплываю куда-то вверх. Подумать только — я лечу внутри горы! И мне стало смешно от того, как нелепо устроен наш мир.

Наконец Акачу схватил меня за плечо и заставил остановиться. Взяв за руку, он вывел меня из волшебной пещеры, и мы вернулись старым путем к песчаной отмели, где нас ждал Цангу. Мне было жаль покидать это священное место.

Когда мы снова собрались все вместе, Цангу повел нас прямо к каньону и тут же начал взбираться по его отвесному склону. Мы последовали за ним, карабкаясь друг за другом, цепляясь за торчащие из земли корни и стебли, чтобы не скатиться назад,

в жидкую глину. Это утомительное восхождение продолжалось около часа, причем нас то и дело окатывало долетавшими брызгами. Наконец, уже ближе к вечеру, добрались до небольшой ровной площадки, примыкавшей к вершине водопада. Немного отдохнув, пошли по плато вслед за Цангу. Некоторое аремя мы с трудом продирались сквозь густые заросли джунглей, но вскоре оказались в лесу, среди высоких могучих деревьев.

Прошагав еще минут пять, Цангу остановился и принялся нарезать ветви для навеса.

Акачу взял палку и надрезал ее с одного конца. Затем он сделал второй надрез, перпендикулярно первому, и воткнул палку целым концом в землю. Вставив в крестообразный надрез две ветки, он расширил его так, что получилось углубление с четырьмя рожками по бокам. Потом взял свой мешок из обезьяньей кожи, достал из него тыквенную чашку размером в кулак и поместил ее между рожками. Он снова полез в мешок и вытащил оттуда пучок коротких зеленых стеблей. Это были стебли растения маикуа (внд травы дурман), которые он насобирал еще дома. Один за другим брал эти стебли и чистил их прямо над чашкой, пока та не наполнилась до краев. Тогда он вынул из чашки очистки и стал выжимать туда зеленый сок из стеблей. Минут через пять чашка стала полной примерно на восьмую часть, очистки же Акачу выбросил.

— Теперь маикуа должна охладиться,— сказал он.— Когда настанет ночь, ты ее выпьешь. Ты будешь пить один, ибо мы должны охранять тебя. Не бойся — мы все время будем с тобой.

К нам подошел Цангу и сказал:

— Самое главное, чтобы ты не боялся. Если увндишь что-нибудь страшное, не убегай, а подойди и дотронься.

Акачу крепко взял меня за плечо.

— Он прав. Ты должен это сделать, иначе ты скоро умрешь. А чтобы ты мог дотронуться, не выпускай посох из рук.

Меня потихоньку начал охватывать ужас. Мало того, что их слова вряд ли можно было назвать утешительными, я и раньше слыхал, что люди иногда умирали или навеки теряли разум оттого, что выпили маикуи. Я вспомнил рассказы об индейцах хиваро, которые от маикуи приходили в такое исступленное состояние, что, потеряв голову, метались по лесу и в конце концов либо тонули, либо разбивались, упав со скалы. Именно поэтому маикую никогда не пьют, если рядом нет надежных товарищей, способных тебя обуздать*.

— А вы меня крепко будете держать? — спросил я.

— Обязательно, брат,— ответил Акачу.

Впервые он обратился ко мне как к соплеменнику, и уже одно это слово успокоило меня. И все же, ожидая наступления темноты, я ощущал, как к любопытству и предвкушению неизведанного примешивается чувство страха.

Мои спутники не стали разводить костер, и, когда наступила ночь, мы лежали бок о бок в темноте на пальмовых листьях, прислушиваясь к тишине леса и к далекому шуму водопада. Наконец настала торжественная минута.

Акачу подал мне тыквенную чашку, и я, опрокинув ее, выпил все одним глотком. Зелье оказалось довольно-таки неприятным на вкус; правда, оно слегка напоминало зеленые помидоры. Я ощутил какую-то немоту в теле и вспомнил о том отваре, который выпил три года назад, когда жил среди конибо, и из-за которого, собственно, и попал сюда. Стоило ли идти на такой риск ради исследования шаманства?

Впрочем, я сразу же потерял способность хоть как-то мыслить логически: невыразимый ужас вдруг охватил меня. Мои спутники хотят меня убить! Надо бежать! Я попытался вскочить на ноги, но в ту же секунду они набросились на меня. Трое, нет, четверо, нет, неисчислимое множество каких-то свирепых существ боролось со мной, прижимая все ниже и ниже к земле, и я видел над собой их лица, искаженные злобными ухмылками. Внезапно все провалилось в черноту.

Я проснулся от вспышки молнии и раската грома. Земля подо мной дрожала. Я вскочил, охваченный паникой, но ураганный ветер тут же сбил меня с ног. Шатаясь, я с трудом поднялся вновь. Колючий дождь хлестал мое тело, и ветер рвал в клочья одежду. Кругом сверкали молнии и гремел гром. Я ухватился за какое-то деревце, чтобы не упасть. Спутники мои куда-то исчезли.

Внезапно футах в двухстах, среди стволов деревьев я различил некое светящееся тело, которое медленно и плавно приближалось ко мне. Я стоял и в испуге смотрел, как оно становилось все больше и больше. Вдруг оно начало извиваться, и я увидел, что прямо на меня плывет гигантское, похожее на рептилию существо, ярко переливающееся красными, зелеными и пурпурными красками. Озсещаемое молниями, оно корчилось передо мной и издевательски усмехалось.

Я бросился было бежать, но вспомнил про бальзовый посох. Посмотрел на землю, но посоха не было. Змеевидное чудовище уже всего в каких-нибудь двадцати футах, вот оно уже нависло надо мной, то свертываясь, то распрямляясь. Вдруг оно разделилось посредине, превратившись в два сросшихся существа, и оба они устааились на меня. Это драконы, они явились, чтобы унести меня! Вновь оба чудовища слились в одно. Тут я увидел перед собой какую-то палку длиной около фута, схватил ее и, выставив перед собой, отчаянно ринулся на чудовище. Раздался пронзительный визг — и все исчезло. Дракон пропал. Лишь тихий, безмятежный лес стоял вокруг.

Я потерял сознание.

Я проснулся в полдень. У иебольшого костра сидели Акачу с Цангу и, что-то жуя, тихо беседовали. Болела голова и хотелось есть, но в остальиом я чувствовал себя вполие прилично. Приподнявшись, сел на земле, и мои друзья подошли ко мне. Акачу дал мне чашку с теплым пивом и кусок сушеиого обезьяньего мяса. Все это было удиаительно вкусно, но мне хотелось поскорее рассказать своим спутникам о том, что я пережил ночью.

— Мне показалось, будто вы хотите убить меня,— иачал я.— Потом вы куда-то исчезли, начали сверкать молнии...

Но Акачу остановил меня:

— Ты ие должен рассказывать никому, даже нам, о том, с чем встретился ночью. Иначе все твои страдания окажутся иапрасными. Придет день — ты сам поймешь, что ои настал,— и ты сможешь рассказать обо всем другим людям, а сейчас нельзя. Ешь, нам пора домой.

Мы возвратились в дом Акачу. Под его руководством я начал собирать «ценцаки» — магические иглы, непременные атрибуты шаманства индейцев хиваро. Эти ценцаки, или духи-помощники, считаются главиыми силами, которые способны вызывать или исцелять болезни в повседневиой жизни. Для обычного человека, нешамаиа, они остаются невидимыми, и даже сами шаманы замечают их только тогда, когда находятся в измененном состоянии сознания.

«Дурные» шаманы, или колдуны, посылают этих духов-помощников в тела сноих жертв, чтобы те заболели или умерли. «Добрые» шаманы, или целители, при помощи своих ценцаков высасывают духов из тел больных соплеменников. Кроме того, духи-помощники образуют щит, который вместе с духом-хранителем шамана защищает своего хозяина от нападения.

Став шаманом, человек начинает собирать разных иасекомых, растения и другие предметы, которые и делаются его духами-помощниками. Ценцаком может быть практически любой предмет, в том числе насекомые и черви, если он мал настолько, что шаман сможет его проглотить. Ценцаки вызывают, а также излечивают заболевания разных степеней. Чем разнообразнее набор таких предметов в теле шамана, тем искуснее он как врач.

Каждый ценцак имеет две формы: ординарную и неординарную. Ордииарная форма магической иглы — это сам материальный объект в том виде, в каком он представляется, если не выпить аяухаски. Но когда шаман выпивает отвар, ему открывается неординарная, «истииная» форма ценцака. После этого магические иглы проявляются в своем скрытом виде духов-помощников — в образе гигантских бабочек, ягуаров, змей, птиц и обезьян, которые активно помогают шаману в его работе.

Когда шамаиа-целителя зовут к больному, его первая задача — поставить диагноз. Он пьет отвар аяухаски, зеленую табачную воду или сок растения пирипири днем и ранним вечером. Эти вещества, изменяющие сознание шамаиа, позволяют ему свободно заглянуть в тело пациента — так, как если бы оно было стеклянным. Если болезнь вызвана колдовством, шаман различает в теле пациента постороннюю неординарную сущность и может определить, есть ли у него такой дух-помощник, который помог бы удалить эту сущность посредством высасывания.

Шаман высасывает магические иглы из тела пациента ночью, в темном углу дома, ибо может ощутить неординарную реальность только в темноте. После захода солнца он начинает насвистывать свою магическую песню, подавая тем самым знак ценцаку, чтобы тот был наготове. Примерно через четверть часа шаман запевает. Когда шаман готов приступить к высасыванию, у него во рту находятся два ценцака того же вида, что и ценцак в теле пациента: один — ближе к губам, другой — ближе к гортаии. Они присутствуют как в материальной, так и в нематериальной форме, и их задача — поймать неординарную форму магической иглы после того, как шаман высосет ее из тела пациента. Ценцак, расположенный у губ шамана, должен вобрать в себя высосанную шаманом сущность. Если же этой сущиости удастся проскочить мимо первого ценцака, то на ее пути встает второй дух-помощник, который не даст ей проникнуть дальше в тело шамана и причиинить ему вред. Таким образом, она попадает во рту шамана в ловушку и скоро оказывается пойманной и помещенной в материальную форму одного из цеицаков. Затем шаман «изрыгает» этот предмет и показывает его больному и всем собравшимся и сообщает: «Я его высосал. Вот он».

Нешаманы думают, что знахарь высосал именно этот материальный предмет, и шамаи не спешит их в этом разуверить. В то же время он и не лжет, потому что понимает, что единственно важная форма ценцака — это нематериальная, неординарная форма, или сущность, и он искренне считает, что ее-то он и удалил из тела пациента. Объяснять же непосвященным, что этот предмет еще раньше находился у него во рту, было бы напрасным делом; кроме того, он бы не смог тогда предъявить его в качестве доказательства того, что исцеление свершилось.

Способность шамана к высасыванию во многом зависит от числа его ценцаков — а их у него могут быть сотни — и их силы. Магические иглы шамана принимают сверхъестественную форму духов-помощников, когда он находится под воздействием аяухаски, причем он воспринимает их как множество зооморфических тел, которые парят над ним, сидят у него на плечах или высовываются из его кожи. Он видит, как они помогают ему высасывать. Каждые несколько часов шаман пьет табачную воду, чтобы они «были сыты» и не покинули его.

Может случиться, что шаман-колдун нашлет на шамана-целителя свой ценцак. Чтобы оградить себя от этои опасности, шаманы иногда табачиую воду пьют не переставая, в любое время дня и ночи. Табачная вода поддерживает у ценцаков состояние готовности и помогает отразить все прочие магические иглы. Даже на прогулку шаман

* Я ни в коей мере не рекомендую читателю отвары аяухаски и маикуи. Что же касается дурмана, то некоторые его виды настолько токсичны, что их инъекция может привести к самым нежелательным последствиям и даже смерти.

не отправляется без зеленых табачных листьев, из которых он приготовляет воду, чтобы его духи-помощники всегда были настороже.

Из этнографической литературы хорошо известно, что в противоположность, например, индейцам конибо, для общества хиваро характерны соперничество и насилие. В свою очередь хиваро и конибо резко отличаются от австралийских аборигенов и многих других племенных народов, которые веками занимались шаманством, не прибегая к наркотическим веществам. Все же шаманство, распространенное среди хиваро, казалось мне особенно развитым, интересным и драматическим. Поэтому я еще дважды — в 1969 и 1973 годах — возвращался в те места, чтобы восполнить пробелы в своих знаниях и изучить шаманство на практике.

За девятнадцать лет, которые прошли с тех пор, как я начал свои исследования, живя среди конибо, я также учился у шаманов ряда индейских племен в Северной Америке: винтун и помо в Калифорнии, сэлиши в штате Вашингтон, лакотские сиу в Южной Дакоте. От них я узнал, как можно шаманить, не употребляя аяуаску и прочие наркотические вещества, к которым прибегают конибо и хиваро. Это особенно помогло мне в моих попытках познакомить с шаманством представителей западной цивилизации. Наконец, мне удалось найти в мировой этнографической литературе драгоценные сведения, которые подтверждают и дополняют то, что я узнал из первых рук. Сейчас, как мне кажется, настало время поделиться некоторыми практическими аспектами этого древнейшего культурного наследия с теми, кто был оторван от него в течение многих веков.

Глава 2

Шаманское странствие

Слово «шаман» происходит из языка эвенков — народа, живущего в Сибири. Сейчас оно широко употребляется этнографами для обозначения людей, принадлежащих разнообразным незападным культурам, которых раньше называли «ведун», «знахарь», «ведьма», «ворожей», «колдун», «волшебник», «маг», «провидец». Термин «шаман» имеет то преимущество, что он свободен от многих ассоциаций и смысловых противоречий, свойственных этим более привычным словам. Более того, не каждый знахарь или ворожей — шаман.

Шаман — это человек (мужчина или женщина), который может по своему желанию приходить в измененное состояние сознания, тем самым соприкасаясь со скрытой реальностью и используя ее для того, чтобы приобрести знание, силу, и помочь другим людям. У каждого шамана есть по крайней мере один «дух» (как правило, их много), который служит лично ему*.

* В дальнейшем, говоря о шаманах или пациентах, я буду для простоты употреблять местоимения мужского рода, хотя понятно, что шаманом и пациентом может быть человек любого пола.

Как отмечает М. Элиаде, шаман отличается от других волшебников и знахарей тем, что он использует особое состояние сознания, которое М. Элиаде, в традициях западного мистицизма, называет «экстазом». Впрочем, он же справедливо утверждает, что характеристика шамана не ограничивается одним лишь экстазом, так как у шамана это состояние имеет целый ряд особенностей. Вот что пишет Элиаде: «Не всякий человек, впадающий в экстаз, может быть признан шаманом; для шамана характерен транс, в котором его душа покидает тело и возносится на небеса или нисходит в преисподнюю». К этому я бы добавил, что, находясь в трансе, шаман пытается излечить пациента, восстановив благотворную, жизненную силу или изгнав вредную. То путешествие, о котором говорит Элиаде, предпринимается именно для того, чтобы восстановить силу или утраченную душу.

Это экстатическое, или измененное, состояние сознания и связанную с ним познавательную перспективу деятельности шамана мы будем называть шаманическим состоянием сознания (сокращенно ШСС). Понятие ШСС включает в себя не только «транс», или трансцедентное восприятие, но также и познавательное восприятие методов и допущений, используемых шаманом, когда он находится в измененном состоянии, ШСС противостоит ординарному состоянию сознания (ОСС), в которое шаман возвращается, окончив свою работу. ШСС — это когнитивная ситуация, в которой шаман постигает то, что Карлос Кастанеда называет «неординарной реальностью», а Роберт Лоу — «экстраординарными проявлениями реальности».

Познавательный компонент ШСС включает в себя сведения по космической географии неординарной реальности, которые позволяют определить, куда необходимо совершить путешествие, чтобы найти нужное животное, растение или другие силы. В него также входит знание того, каким образом ШСС обеспечивает доступ в Преисподний Мир шаманов.

Составная часть этого знания — понимание шаманом того факта, что, находясь в ШСС, он выполняет особую, заранее определенную задачу. Шаман погружается в неординарную реальность не ради забавы, а с серьезной целью; ему предстоит делать дело, а для этого нужно знать основные приемы работы. Если, например, он хочет достать в Преисподнем Мире животное, являющееся хранительной силой пациента, он должен знать метод, при помощи которого можно достичь Преисподнего Мира, войти в него, найти нужное животное и благополучно возвратиться с ним назад. Впоследствии, уже попав в ОСС, он должен знать, какие указания следует дать пациенту.

Находясь в ШСС, шаман обычно испытывает невыразимую радость от всего, что там видит, и благоговейный восторг перед теми прекрасными и таинственными мирами, которые открываются перед ним. Все, что с ним происходит, напоминает сны, но это сны наяву, они кажутся реальными, и в них шаман способен контролировать свои действия и управлять ходом событий. В ШСС шамана часто поражает, насколько реальным кажется то, что предстает перед ним. Он получает доступ к целой новой вселенной, которая в то же время несет в себе знакомые древние черты и одаривает глубокими знаниями о смысле его собственной жизни и смерти и о том, какое место он занимает среди всего сущего. Во время своих удивительных приключений в ШСС шаман способен сам выбирать направление пути, но он не знает, что его на этом пути ждет. Он — путешественник, полагающийся лишь на свои собственные силы, исследователь бескрайних обителей некоей дивной, скрытой вселенной. Из своих путешествий он возвращается с открытиями, которые позволяют ему приумножить собственные знания и помочь другим людям.

Шамана отличает умение видеть незримое: для того чтобы как следует все рассмотреть, он обычно работает в темноте или, по крайней мере, прикрыв чем-нибудь глаза. По этой причине шаманы, как правило, занимаются своим делом по ночам. В особых случаях шаман работает и с открытыми глазами, но тогда его восприятие обыкновенно бывает менее глубоким. Дело в том, что в темноте отвлекающее влияние ординарной реальности падает, и шаман может сосредоточиться на тех сторонах неординарной реальности, которые существенны для его работы. Но для обретения шаманского зрения недостаточно одной лишь темноты — нужно еще войти в ШСС, и в этом шаману часто помогает барабанный бой, звук трещоток, пение и пляски.

Просвещение шамана — это в буквальном смысле способность освещать темноту, видеть в темноте то, что не могут увидеть другие люди. Возможно, именно в этом и заключается наиболее древний смысл, вкладываемый в понятие «просвещение». Например, у эскимосского племени иглулик особый зрительный дар шамана называется «кауманэк», но есть «освещение», или «просвещение», «...которое позволяет ему видеть в темноте, как в прямом, так и в переносном смысле, ибо он может даже с закрытыми глазами видеть сквозь темноту и различать скрытые от других людей вещи и будущие события; поэтому шаманы могут заглядывать в будущее и в чужие тайны».

Вот как описывает свое шаманское просвещение Ауа, шаман из племени иглулик:

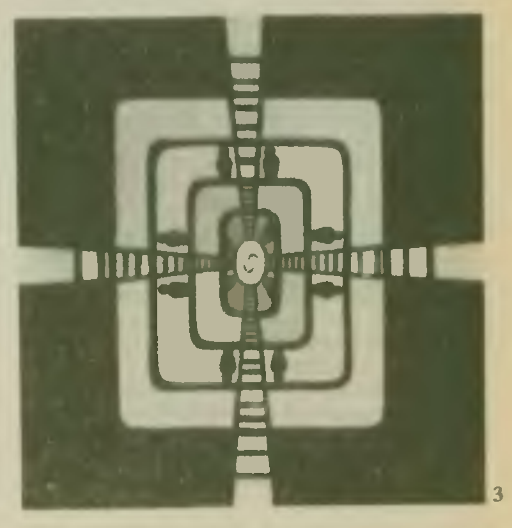
«Я пробовал стать шаманом с чужой помощью, но мне это не удалось: ходил к разным знаменитым шаманам, носил им богатые дары... хотел одиночества, а в результате пришел в состояние крайней подавленности. Иногда — вдруг начинал плакать, мне становилось грустно — я сам не знал, почему. А потом внезапно, без всякой причины, все переменилось: я ощутил великую неизъяснимую радость, такую сильную, что не мог ее сдержать — я просто должен был запеть, и запел какую-то величественную песнь, в которой было одно лишь слово:

1

2

3

1. Золотой ореол вокруг головы шамана-хиваро в состоянии «просвещения». Рисунок выполнен другим шаманом.
2. Сепапу (сипапу). Вход в преисподний мир индейцев хопи. Территория Большого Каньона, к западу от поселений хопи (из собрания Центра астрогеологии Геологической службы США).
3. Се Па По На (сипапу-на). Картина современного художника-хопи Миланды Ломакемы (Давакемы).

радость, радость! Я пел громко, в полный голос. И в этом приступе таинственного, неодолимого восторга вдруг стал шаманом и сам не понял, как это произошло. Но я точно был шаманом — умел видеть и слышать совсем по-новому. Я обрел свой «кауманэк», свое просвещение, шаманский свет разума и тела — и при этом не только я видел сквозь тьму жизни, но такой же свет исходил из меня самого — свет, невидимый людям, но зримый всем духам земли, небес и воды, и они пришли ко мне и стали моими духами-помощниками».

В австралийском племени аираджери шаман-новичок становится «просвещенным», когда его окропят «могущественной священной водой» — считается, что это жидкий кварц. М. Элиаде отмечает: «Все сводится к тому, что человек делается шаманом, если его наполнить «твердым светом», то есть кристаллами кварца...» Он же полагает, что «они ощущают взаимосвязь между сверхъестественным существованием и обилием света».

Индейцы хиваро тоже воспринимают шамана как человека, источающего свет, проявляющийся в виде «короны», или ауры вокруг головы. Этот разноцветный ореол образуется только тогда, когда шаман находится в измененном состоянии сознания, вызванном «аяухаской», и доступен лишь зрению другого шамана, находящегося в подобном же состоянии.

Когда шаман-хиваро излучает свет, он способен видеть сквозь темноту и даже сквозь непрозрачный материал. Вот что я писал в одной из своих прежних работ:

«Он уже выпил зелья и теперь негромко пел. Мало-помалу в темноте стали появляться неясные линии и фигуры, и вокруг него зазвучала пронзительная музыка «цеицаков» — духов-помощников. Их питала сила, заключенная в зелье».

Он звал этих духов, и они пришли к нему. Сперва «паиги» — анаконда — обвилась вокруг его головы и превратилась в золотую корону. Потом «вампанг» — гигантская бабочка — залетала над его плечом и запела своими крыльями. В воздухе над ним плясали змеи, пауки, птицы и летучие мыши. Тысячи глаз показались на его руках — это явились демоны-помощники рыскать в ночи в поиске врагов.

Его уши наполнились шумом стремительно бегущей воды, и, слушая этот рев, он понял, что обладает силой Цунги — первого шамана. Теперь он умел видеть».

Шаманы часто работают в помещении, погруженном в полную темноту, правда, иногда они разрешают зажечь небольшой огонь или светильник, но даже слабый свет может подчас помешать шаману видеть. Вот, например, описание начала шаманского сеанса у сибирский чукчей:

«...Все началось, как обычно, в темноте, но когда шаман вдруг перестал бить в барабан, светильник снова зажгли и сразу же закрыли шаману лицо куском ткани. Хозяйка дома — жена шамана — взяла барабан и принялась мягко и плавно ударять в него. Так продолжалось все время...».

И я, когда погружаюсь в ШСС, ставлю где-нибудь в темной комнате на пол горящую свечу, а потом, когда ложусь или падаю наземь, просто прикрываю зажмуренные глаза левой рукой, чтобы не было никакого света.

Когда шаман плавно или резко падает на земляной пол хижины, то чукчи говорят: «он опускается», и это относится не только к самому физическому действию, которое видят все находящиеся в хижине, но также и к «вере в то, что шаман, пока он погружен в экстаз, способен посещать иные миры, в особенности подземный мир». Похожим образом называют готового отправиться в путешествие шамана и эскимосы: «падающий на морское дно». Шаман падает не только на пол в хижине (ОСС), но и в океанский Преисподний Мир (ШСС).

Путешествие — одна из самых важных задач, выполняемых шаманом. Основной его вид, — которому, как правило, и легче всего научиться,— это путешествие в Преисподний Мир. Почти каждый шаман знает особое отверстие, или вход в Преисподний Мир, причем этот вход существует как в ординарной, так и неординарной реальности. Например, у шаманов из индейских племен, живущих в Калифорнии, таким входом чаще всего служит источник, в особенности горячий источник. Об этих шаманах рассказывают, что они проходят под землей сотни миль, входя в один горячий источник и выходя из другого. О шаманах из австралийского племени чепара тоже говорят, будто они ныряют под землю и снова выходят наружу, где захотят. Шаманы с острова Фрейзер «уходят в землю и вновь выходят из нее на значительном расстоянии». А вот рассказ шамана из бушменского племени кунг, жившего в пустыне Калахари в Южной Африке:

«Мой друг, вот что делает этот «ньям» (сила). Когда люди поют, я танцую. Я вхожу в землю. Я вхожу в таком месте, вроде того места, где люди пьют воду (источник в пустыне). Я иду в дальний путь, очень далеко».

У калифорнийских индейцев входом служит дупло пня. У австралийского племени аранда — дуплистое дерево. Индейцы конибо учили меня попадать в Преисподний Мир, проникая в землю по корням гигантского дерева «катахуа». Когда мы с моими друзьями из племени конибо находились в ШСС, эти корни превращались для нас в черных змей, и мы соскальзывали по их туловищам вниз и оказывались в странах лесов, рек и озер и каких-то удивительных городов, где было светло как днем, освещаемых солнцем, которого не было там, наверху — ведь все эти путешествия совершались ночью.

Кроме того, входами в Преисподний Мир могут быть пещеры, норы животных, ведущих подземный образ жизни, и даже особые дыры в земляном полу хижин. Так, имеются сведения, что индейцы твана, живущие на северо-западном побережье Северной Америки, часто раскапывают пол перед тем, как спуститься под землю.

Вход в Преисподний Мир обычно ведет в тоннель, или коридор, по нему шаман доходит до выхода, за которым открывается восхитительный ярко освещенный ландшафт. Оттуда шаман отправляется куда захочет, и путешествие его длится минуты, а иногда и часы. Наконец он возвращается назад по коридору (в дальнейшем мы будем называть его «Тоннель») и выходит наружу там, где вошел. У Расмуссена есть прекрасное описание использования шаманом классического, широко распространенного метода на примере эскимосского племени иглулик, обитающего на берегах Гудзонова залива:

«...Путь величайших (шаманов) начинается прямо в той хижине, где они вызывают своих духов-помощников; дорога опускается под землю, если шаман находится в чуме на берегу, или под воду, если он находится на льду замерзшего моря. Она ведет шамана вниз, и на его пути не встречается никаких препятствий. Он движется легко и плавно, словно падает в трубу, которая так плотно охватывает его тело, что, прижимаясь к стенкам, он может регулировать свою скорость и падать не спеша. Благодаря душам всех тех, кто носит одно с ним имя, эта труба остается открытой для него, пока он не отправится назад на землю».

Когда эскимосский шаман возвращается из путешествия в Преисподний Мир, люди в чуме или в иглу «слышат его издалека; они слышат, как он мчится по трубе, которую открыли ему его духи,— все ближе и ближе — и вот с громким криком «Плю-а-хе-хе!» он стремительно выныривает и оказывается на своем месте за занавеской».

Для большинства из нас, занимающихся шаманством, Тоннель не бывает тесным. Как правило, он достаточно просторный чтобы по нему можно было свободно перемещаться. Бывает, что в Тоннеле встречаются препятствия, преграждающие тебе путь, но обычно находится какая-нибудь щель или отверстие, сквозь которое можно пробраться. Если будешь терпеливым и настойчивым, то пройдешь по Тоннелю, и тебе не придется отказываться от путешествия и возвращаться назад.

Иногда, спустившись в отверстие, шаман обнаруживает, что плывет вниз или вверх по какой-то реке или потоку, причем поток этот может быть частью Тоннеля, а может и не быть. Вот воспоминание шамана из сибирского племени тавги о том, как он впервые проник сквозь вход, ведущий в Преисподний Мир:

«Оглядевшись, я увидел в земле дыру... Дыра расширялась. Мы (шаман и сопровождавший его дух-хранитель) спустились в нее и оказались у реки, в которой было два потока, текшие в разные стороны. «Ну вот, узнай и об этом тоже»,— сказал мой спутник. «Один поток течет от середины на север, а другой — на юг, туда, где солнце».

Выдающиеся шаманы, находясь в ШСС, не только видят, но и слышат, осязают и даже общаются или воспринимают то, чего нельзя ощутить при помощи известных чувств. Так, только что упомянутый сибирский шаман слышал своего духа-хранителя, а женщина-шаман из индейского племени помо, обитающего в Калифорнии, рассказывала мне, что чувствовала, как под

1

2

1. Маска эскимосского шамана. XIX век (?). Нижний Юкон (из собрания Национального музея естественной истории при Смитсоновском институте).
2. Кунригская мандала. Тибетская танка на ткани. Около XV века (из собрания Королевского музея Онтарио).

ней шевелилось какое-то огромное животное, когда она проходила сквозь Тоннель внутри горы.

Во всех хижинах индейцев белла кула, живущих на северо-западном побережье Америки, в земляном полу проделаны дыры, которые используются как входы в Преисподний Мир:

«Мир под нами... называется Асиутайнэм. Описания (Преисподнего Мира.— Прим. переводчика*) можно получить, главным образом, от шаманов, которые полагают, что они посещают эту страну, когда находятся в трансе. По утверждению одной старой индианки, она девочкой побывала в Преисподнем Мире, погрузившись в транс; входят туда... сквозь дыру, которая есть в каждой хижине, между входом и очагом».*

Удивительно похожим образом устроен вход в Преисподний Мир у индейцев зуньи, живущих на юго-западе США,— это отверстие, проделанное в полу особых круглых строений, предназначенных для совершения обрядов,— их называют «кивы». Главное отличие от индейцев белла кула состоит в том, что отверстие это, так называемое «сипапу», расположено между очагом и стеной (а входят в помещение через крышу). Такие «сипапу» были характерны для древнейших «кив» народов пуэбло, но в наше время у некоторых из этих племен их уже не встретишь. У зуньи, однако, «сипапу» сохранились в виде круглых «кив», причем интересно, что там же сохраняются знахарские общества шаманского толка. Хотя в моем распоряжении нет бесспорных свидетельств, я бы ничуть не удивился, если бы члены этих обществ использовали «сипапу» для того, чтобы, погружаясь в транс, проникать в Преисподний Мир. Впрочем, согласно точке зрения ортодоксальной этнологии, «сипапу» — это всего лишь «символ мифического отверстия, ведущего в преисподнюю, через которое предки якобы являлись в наш мир». В отличие от зуньи в «кивах» индейцев хопи «сипапу» нет. Однако неподалеку от тех мест, где они живут, имеется скальный останец с отверстием «сипапу», или вход в Преисподний Мир.

Правда, ничем не доказано, что хопи используют его в шаманском духе для путешествий в Преисподний Мир, но это вполне вероятно. Дело в том, что деятельность медицинских обществ у народов пуэбло хранится в строгой тайне, и тому, кто не принадлежит к хопи, очень трудно узнать что-либо достоверно. Однако картина современного художника-хопи, которая называется «Се Па По На» («сипапу-на»), безусловно, наводит на мысль о Тоннеле, по виду напоминающем мандалу.

Между прочим, концентрические круги мандалы имеют много общего с характерной для Тоннеля ребристостью; кроме того, медитация при помощи мандалы может вызвать ощущения, сходные с теми, которые испытываешь, входя в Тоннель. В своем исследовании некоторых аспектов шаманского искусства Джоан Вастокас проницательно замечает, что «...возможно, мотив концентрических кругов характеризует сам опыт провидения и символизирует собой отверстие, сквозь которое шаман проникает в Преисподнюю или на Небо, тем самым переступая границы физической Вселенной».

Она же указывает, что некоторые маски эскимосских шаманов, живущих на Аляске, имеют вид «концентрических кругов, расходящихся от дыры посередине». Одна из таких масок изображена на странице 113, она имеет поразительное сходство с ребристым Тоннелем. Аналогично в тибетском буддизме, испытавшем на себе сильное влияние шаманства, очень сложные мандалы иногда имеют только один похожий на Тоннель круг; он находится в центре мандалы и служит входом в миры богов и духов, изображения которых расположены вокруг (тибетская танка, фото на странице 113; следует отметить ее явное сходство с картиной художника-хопи (рисунок на странице 111, где показан вход в Преисподний Мир). Шаман не сосредоточивается на мандале — темнота и звуки барабана помогают ему пройти прямо в Тоннель, а потом и за его пределы.

Первое путешествие

Итак, теперь вы готовы осуществить свой первый практический опыт по шаманству. Это будет простое путешествие с целью разведки: вы спуститесь по Тоннелю, ведущему в Преисподний Мир. Ваша единственная задача — пройти по Тоннелю от начала до конца, посмотреть, если удастся, что лежит за ним, и возвратиться назад. Прежде чем начать, внимательнейшим образом изучите следующую инструкцию.

Для проведения опыта вам понадобится барабан (или магнитофонная запись барабанного боя шамана), а также помощник, который будет бить в барабан.

Приступая к этому или любому другому опыту по шаманству, вы должны быть спокойны и расслаблены. В течение двадцати четырех часов перед началом опыта не принимайте никаких наркотических веществ или алкоголя — необходима высокая способность к сосредоточению, а мозг должен быть свободен от посторонних образов. В течение четырех часов перед началом опыта ешьте только легкую пищу или не ешьте совсем. Найдите темное уединенное помещение. Снимите ботинки, ослабьте застежки на одежде и ложитесь поудобнее на пол, но не кладите под голову подушку. Сделайте несколько глубоких вдохов. Расслабьте руки и ноги. В течение нескольких минут спокойно лежите и обдумывайте то, что вам предстоит выполнить. Потом закройте глаза и защитите их рукой, чтобы не проникал никакой свет.

Теперь зрительно представьте себе какое-нибудь отверстие, ведущее под землю, которое вы помните из прошлого. Неважно, когда вы его видели: в детстве, на прошлой неделе или даже в этот же день. Неважно и то, что оно собой представляет,— это может быть норка, вырытая каким-нибудь зверьком, пещера, дуплистый пень, родник или даже болото. Более того, оно может быть и искусственного происхождения. Важно только, чтобы оно было вам удобно и вы могли его себе зрительно представить. В течение одной-двух минут смотрите на это отверстие, внимательно отмечая все подробности.

Теперь велите помощнику начинать бить в барабан — в энергичном, монотонном, быстром и постоянном ритме. Сила ударов и промежутки между ними должны быть примерно одинаковые. Как правило, темп, необходимый для путешествия, составляет 205—220 ударов в минуту. На все путешествие отведите минут десять. Скажите помощнику, чтобы через десять минут он прекратил барабанить и резко ударил четыре раза — это будет сигнал к возвращению. Сразу же вслед за этим он должен в течение полминуты быстро-быстро бить в барабан, тем самым сопровождая вас на обратном пути, а потом снова резко ударить четыре раза в знак того, что путешествие окончено.

Когда начнется барабанный бой, мысленно представьте себе уже знакомое вам отверстие, ведущее под землю, войдите в него и отправляйтесь в путешествие. Спуститесь в отверстие и войдите в Тоннель. Сначала вам может показаться, что там тускло и темно. Обычно Тоннель уходит под землю под некоторым углом, но бывает, что он круто обрывается вниз. Иногда Тоннель представляется ребристым, часто идет не прямо, а поворачивает в сторону. Порой человек проходит сквозь Тоннель так быстро, что даже не видит его. Может случиться, что, двигаясь по Тоннелю, вы наткнетесь на каменную стену или какое-нибудь другое препятствие. В этом случае попросту обойдите его или проберитесь сквозь имеющуюся в нем щель. Если у вас ничего не выйдет, вернитесь на прежнее место и попробуйте снова. Но что бы там ни было, не следует чрезмерно напрягаться во время путешествия. Если вы будете делать все правильно, оно пройдет сравнительно легко. Окажется ли ваше путешествие успешным, сможете ли вы видеть — все это зависит от того, как вы воспринимаете границу между усилиями чрезмерными и недостаточными.

В конце Тоннеля вы выйдете наружу. Внимательно осмотрите открывшуюся перед вами местность, походите вокруг, стараясь запомнить подробности. Путешествуйте и наблюдайте до тех пор, пока не раздастся сигнал к возвращению. Затем отправляйтесь назад, сквозь Тоннель, тем же путем, что и пришли. Ни в коем случае не берите ничего с собой — это только разведка.

Оказавшись наверху, сядьте и откройте глаза. Не расстраивайтесь, если у вас с первого раза ничего не получилось. Попробуйте снова, убыстряя или замедляя барабанный ритм. Различным людям в различных обстоятельствах требуется разный ритм.

Закончив опыт, опишите своему помощнику все, что увидели,— это нужно для того, чтобы не забыть подробности путешествия. Можно также записать свои впечатления на бумаге или на магнитофон. Вспоминая эти подробности, вы делаете первый шаг в накоплении знаний, которые дает вам ШСС.

Кое-кто из тех, кого я обучал шаманству, любезно предоставили мне описания своих первых путешествий. Возможно, вы найдете полезным сравнить свой собственный опыт с их впечатлениями. Вот некоторые из этих описаний, снабженные моими комментариями. В своих рассказах эти люди иногда вспоминают, как я зову их назад на землю,— обычно я так поступаю, когда провожу групповые занятия, и только для того, чтобы согласовать путешествия между собой.

Рассказы о путешествиях

Ниже приведены рассказы разных людей об их первом путешествии в Преисподний Мир. Мои рассказчики — это в основном зажиточные американцы, имеющие различный социальный статус, образовательный уровень и так далее. Следует отметить, что их описания никогда не начинаются со слов вроде «Я вообразил себе, будто...», «Мне привиделось, будто...» и тому подобных. Выполняя те самые простые правила, которые вы только что прочитали, увлекаемые барабанным боем, они попадали в новую для себя реальность, и для многих впечатления от этой реальности оказывались одними из самых глубоких в их жизни. Вам тоже предстоит испытать похожие ощущения, если вы будете следовать этой простой методике.

В первом рассказе дается прекрасное описание мотива концентрических кругов, столь характерного для стенок Тоннеля:

«Когда раздался барабанный бой, я начал мысленно искать знакомые мне места, откуда я мог бы попасть туда, куда стремился. Я представил себе два таких места — у меня было с ними многое связано, и, казалось, они должны подойти, но потом увидел — что-то в них было не так... Затем передо мной возникла высокая пещера на озере Пирамид в Неваде — таинственная и величественная, но я подумал, что путь по Тоннелю с вышины будет слишком долгим. Наконец, в моей памяти всплыла волшебная пещера моего детства — помню, туда еще часто ездили туристы,— кажется, она называлась «Рубиновая пещера», и было это где-то на юге — то ли в Джорджии, то ли в Северной Каролине.

Это — настоящая пещера, со множеством сталактитов и сталагмитов. Я шагнул в узкое темное углубление и увидал перед собой совсем не ту пещеру, которую воображал себе в детстве — населенную разными зверями и чудовищами, а что-то совершенно другое. Меня окружали темные и светлые концентрические кольца — они уходили куда-то вглубь и, казалось, увлекали меня за собой. Но впечатление было такое, что не я двигаюсь по Тоннелю,

а он сам движется вдоль меня. Сперва кольца были круглые, а потом вдруг вытянулись вверх и приняли овальную форму, но продолжали оставаться концентрическими и все время находились в движении, а чередование темных и светлых полос отдаленно напоминало какое-то сияние, разлившееся по выемкам рифленой трубы.

Время от времени мне начинало надоедать, что Тоннель все не кончается, и тогда я говорил себе — хорошо, конечно, было бы увидеть, что находится там, за Тоннелем, но неплохо уже и то, что я его вижу. Вдруг вытянутые вверх кольца сдвинулись в сторону, появились другие, вытянутые вдоль, и через некоторое время верхняя их часть малопомалу начала отделяться от нижней, они стали раскрываться посередине, и в просветах показался какой-то тускло освещенный пейзаж. Это было подземное море, и я долго плыл над ним, пристально глядя, как внизу подо мной вздымаются, сходятся и опускаются волны.

Тоннель, который вывел меня к этому месту, шел под небольшим углом, примерно в пятнадцать градусов; но теперь сумрачное небо, распростершееся над подземным морем, повело меня в другой Тоннель, который обрывался вниз совершенно отвесно, и снова меня несло по Тоннелю, вернее, меня нес сам Тоннель. Его стенами были уже знакомые мне концентрические круги, и, казалось, сама пульсация света и тени гнала меня вперед. Не было никакого ощущения падения: я двигался как бы совершенно сознательно.

Я удивился, когда услыхал, что меня зовут назад, и неохотно решил возвращаться. Жаль, не удалось дойти до конца Тоннеля, но в то же время я был потрясен пережитым. Возвращение оказалось легким и быстрым. До сих пор во мне живо чувство благоговейного трепета и узнавания чего-то нового».

Второй рассказ принадлежит человеку, который также использовал в качестве входа под землю пещеру; он же говорит об особом, похожем на сон, состоянии своего сознания.

«Я выбрал знакомую мне пещеру, где уже бывал четыре или пять раз. Она находится в густом лесу. Ширина входа в нее приблизительно четыре фута. Когда спустишься, попадаешь в большое помещение с коридорами, а пещера уходит дальше, в глубь горы. Мне пришлось пробираться через довольно-таки глубокие расщелины, а в одном месте я еле-еле сумел протиснуться — очень трудно было сделать это самому, без чужой помощи.

Я спускался все ниже и дошел до места, дальше которого еще не бывал. Ни разу я не забирался так глубоко, а тут взял и пошел вперед, и вышел из другого входа, или, вернее сказать, выхода, и оказался на каком-то тропическом острове, и там был такой большой отличный пляж и разные тропические птицы и растения — рай, да и только!

Потом я вернулся. Все это было почти как во сне, но я про себя всегда знаю, сплю или нет, и тут точно могу сказать, что не спал».

Вот еще один пример, когда входом служит пещера:

«На подготовку у меня ушло много времени. Наконец мне удалось сосредоточить свои мысли на одной пещере, которую я видел во Франции,— когда-то в ней жили первобытные люди. Я вошел в нее и двинулся вперед, все дальше и дальше. Потолок в пещере если и становился иногда ниже моего роста, то ненамного, так что мне ни разу не пришлось передвигаться ползком, и я все шел и шел. Проход делался все свободнее, и вскоре я оказался у широкой дыры, ведшей из пещеры наружу. Я вышел и увидел перед собой утес. Я направился вокруг него, потом забрался наверх и, усевшись как раз над выходом из пещеры, созерцал открывшиеся мне далекие просторы. Потом я вернулся».

Люди с незаурядным шаманским дарованием уже во время первого путешествия способны не только видеть, но и слышать, осязать и обонять. Автор следующего рассказа вспоминает, что он чувствовал, как ползет, соскальзывает вниз, ощущает холод воды:

«Я отправился в путь в ручейке, который течет по моему участку. Поднырнув под большой камень, почувствовал, что стал совсем крошечным. Я оказался в небольшой канавке — она шла куда-то вверх. Я ощущал, как ползу по ней на карачках. Там было очень темно. Темнота наступила сразу, как только я перестал видеть дыру, в которую вошел. Внезапно канавка круто пошла вниз, я не понимал, куда она ведет. Я почувствовал, что скольжу по мокрым камням; в конце концов я оказался посреди обширного пространства, и там было маленькое озерцо. Вода была очень холодная.

С другого конца озерца доходил неясный свет, и мне показалось, что там или где-то снаружи должно что-то быть. Я вошел в воду, чтобы перебраться на тот край; временами я шел вброд, временами пускался вплавь. Помню ощущение сильного холода. Потом я карабкался по какой-то канавке, очень круто уходившей вверх,— казалось, я нахожусь в пещере. Я вышел на луг, он весь был покрыт яркой зеленью, а посреди стоял огромный дуб. Я уселся в тени этого дуба и вдруг увидел, что на мне накидка из кожи и кожаные чулки — вроде тех, какие носят индейцы.

Очень уютно было сидеть под тем деревом, но тут настало время возвращаться. Возвращаться мне совсем не хотелось, но как послушный ученик я решил строго следовать указаниям и добрался до того самого пространства, где впервые увидел озерцо. Тут я обнаружил, что индейское одеяние куда-то исчезло, а на мне просто джинсы и горные ботинки. Потом я снова вошел в ручеек. Небо было сероватое и облачное. Я чувствовал себя как дома, будто вернулся в родные места...»

«Я добрался до нижнего конца Тоннеля, и там была вода. Я пошел по воде, но мне пришлось немного повозиться, чтобы найти какие-нибудь трещины в камне. Я никак не мог понять, как можно пройти сквозь камень, но потом увидел, что если распластаться и как бы немного истончиться, то можно плавать сквозь землю».

Похожим образом шаман, находясь в ШСС, способен научиться превращаться в другие формы материи, как это произошло с автором следующего отрывка. Заметьте, что он, даже в минуты столь кардинального перевоплощения, все-таки осознает существование ординарной реальности. Это вообще характерно для шаманящего человека: какие-то уголки его сознания остаются в ОСС и наблюдают за ординарной реальностью, чтобы обеспечить быстрое и полное возвращение в ОСС.

«Я прошел через лесную поляну, которую помню с самого детства. Когда я шел, то чувствовал, что я совсем крохотный, а все вокруг было таким огромным. Продвигаясь как бы сквозь Тоннель, я слышал разные звуки, остро ощущал запахи леса и вполне осознавал свою миниатюрность.

Я вошел в какую-то пещеру, но она оказалась не слишком глубокой. Внезапно я просто растворился и превратился в воду. Достаточно было лечь — и я уже мог просачиваться сквозь трещины. В то же время я хорошо понимал, что происходит в нашей комнате, слышал, как вы бьете в барабан. Я находился одновременно в двух реальностях».

Иногда, проходя сквозь Тоннель, путешественник теряет нужное направление или оказывается как бы «закупоренным» со всех сторон. Это случается даже с опытными шаманами из племени хиваро. Если вы не можете найти выход, успокойтесь и немного подождите. Вы без труда вернетесь назад, правда, возможно, несколько медленнее, чем обычно. Вот описание такого случая:

«Как-то я ходил в поход и увидал сусликов: помню, все вокруг было усеяно их норками. И вот через такую-то норку я и стал спускаться под землю. Сперва я шел по каким-то узеньким ходам, а потом один из них вдруг резко повел вниз, и мне пришлось-таки бежать по нему, и я все бежал и бежал, и конца этому Тоннелю не было видно. Так продолжалось довольно долго: я никак не мог остановиться и не знал, куда меня несет. Вокруг была сплошная чернота. Я там слегка потерял ориентацию. Обратно я поднимался не так быстро, как спускался, но в конце концов все-таки вышел наверх, хотя и другим путем».

Даже опытному шаману подчас не удается пройти сквозь какое-нибудь препятствие на своем пути. Тогда не остается ничего другого, как вернуться назад, что и сделал автор следующего отрывка:

«Я вошел под землю через горячий источник посреди реки, он как бы извергался снизу, вроде вулкана. Я спускался и видел, что там вокруг ничего не было: никаких красок, вообще ничего. Потом я оказался перед каким-то слоем то ли лавы, то ли магмы и не мог понять, как же мне проникнуть в него и идти сквозь него дальше. Я там просто застрял — ни туда ни сюда — и не знал, что делать. Потом вы начали бить в барабан, чтобы мы возвращались, и я вернулся».

Человек с незаурядными способностями к шаманству уже во время своего первого путешествия может встретить животных, растения или даже фигуры людей. Так случилось с автором следующего рассказа, причем его особый шаманский дар виден из того, что уже с первого раза он начал летать. Следует также отметить, что, подобно упоминавшемуся ранее эскимосскому шаману, ему не так-то просто было попасть под землю. Даже у таких одаренных людей шаманство иногда сопряжено с трудностями.

«Я вошел в одну большую пещеру, которую знал еще раньше, и помнил, что в ней были неисследованные места. Там-то я и начал спускаться вниз. Долгое время проход был узким, и мне приходилось с большим трудом протискиваться вперед. Неожиданно проход оборвался, и передо мной открылось какое-то широкое пространство; оно простиралось далеко-далеко, и я все шел и шел не останавливаясь. Я понял, что мне предстоит еще долгий путь, и поэтому вдруг полетел.

Я летел очень быстро, все дальше и дальше, и наконец попал как бы в середину этого пространства, и там меня со всех сторон обступили разные легкие, бесплотные духи. Сперва они просто стояли вокруг, а потом вдруг начали плясать под звуки барабана. Все они двигались одновременно и в одном и том же направлении, и я все время видел разных духов. Помню, там был дух-лягушка с огромными глазами и вообще очень чудного вида, а еще высоченный дух-дерево. И все они кружились под барабанный бой. А потом вы позвали меня назад, и я вернулся».

Автор следующего рассказа также встречается с животными. Он называет их «птицами-птеродактилями» и особым шаманским чувством понимает, что их нечего опасаться».

«Я спустился по стволу заброшенной шахты, и когда я пошел туда, там стало темно. Почему-то мне никак не удавалось

начать путешествие. Потом вдруг появилась какая-то платформа на колесах и повезла меня вниз. Вскоре шахта стала заливаться желтым светом, он делался все ярче и ярче. Там были небольшие отдельные каморки, и в каждой каморке сидело какое-то доисторическое животное, и все они что-то делали. Я не понимал, чем они так заняты, но двигались они в каком-то сумасшедшем возбуждении.

Потом платформа замедлила ход. Свет в шахте продолжал оставаться желтым. Я оглянулся, чтобы посмотреть на этих животных, и тут вдруг из стены появилось черно-красное существо, похожее на птицу-птеродактиля, с хохолком на голове, и эта птица подлетела ко мне и захлопала крыльями. Мне совсем не было страшно: я понимал, что она просто играет со мной. Когда вы позвали нас обратно, мне показалось, будто ей хочется, чтобы я остался. Платформа двинулась назад, ко входу, и я вернулся».

И, наконец, рассказ, автор которого чувствует, что он принес с собой из первого путешествия нечто благотворное, целительное. Это классический пример работы шамана, и автору рассказа чисто случайно и непроизвольно удалось ее выполнить уже во время своего первого погружения в ШСС. Я спросил его, знал ли он раньше что-нибудь о том, чем мы занимаемся на курсах по шаманству, так как это могло повлиять на его ощущения. Он, однако, ответил: «Нет, я пробовал узнать что-нибудь об этих курсах, но так и не смог». По-видимому, этот человек обладает незаурядными способностями шамана:

«Я отправился в путешествие в ручье — прыгнул в воду, и она понесла меня сквозь тоннель, потом вышел наружу, и там, на прогалине на склоне горы тек другой ручей. Я вышел на северо-запад — почему-то точно знал, что именно на северо-запад, сел на землю — слева от меня был ручей, а справа — лес. Мне там было очень хорошо: казалось, это единственное место в округе, где так хорошо.

Потом я возвратился — просто прыгнул в ручей и поплыл назад, к входу. Самое страшное было то, что, когда я вернулся и выбрался наружу, у меня осталось ощущение, будто что-то пришло со мною. Это что-то находилось позади меня, и чувствовалось, что оно доброе и благотворное — в нем не было зла». ●

Перевод М. ОЙЗЕРМАНА

МОЗАИКА

Нашел выход

Соседи Гарри Марчинсона из Чикаго постоянно жаловались на него в полицию. Джазовый трубач, он нередко репетировал дома. Выход из трудного положения нашел сам Марчинсон. На почте он купил звуконепроницаемую телефонную кабину и играет теперь в ней, установив кабину в квартире.

Цена консультации

В 1950 году американская туристка купила у парижского букиниста за два доллара старую карту французской столицы. У нее, в свою очередь, карту купил за четыре доллара историк Е. Джонс из Вашингтона. Исследовав карту, он установил, что та была отпечатана в 1671 году и в мире известны всего три ее копии: одна — в Национальном архиве Франции, вторая принадлежит Лондонскому Королевскому обществу, а третья — Британскому музею. Считается, что это первая точная карта Парижа, где нанесена и географическая широта города. Сейчас карта стоит 10 миллионов долларов и не только из-за почтенного возраста, но еще и потому, что при ее составлении были использованы консультации самого Исаака Ньютона.

Рыцарские хитрости

Даже самые страстные поклонники Вальтера Скотта не смогут отступить перед аргументами немецкого инженера В. Геде, утверждающего, что рыцарские доспехи, описанные великим писателем,— не что иное, как сказка для детей и подростков. Нет, не то чтобы их не существовало вообще. Напротив, шлемы, броня, наколенники и прочее, хранящиеся в музее замка Ландсхут и собранные за пять столетий, стали объектом пристального изучения со стороны инженера.

Первое, на что он обратил внимание: ни на одном из комплектов доспехов, ни на отдельных их частях не было следов от удара мечом или копьем. А когда он подобрал соответствующий своим размерам «скафандр» и с посторонней помощью влез в него, взял меч и размахнулся им, то упал на землю. Самостоятельно подняться в сковывающей его экипировке не было сил, хотя он был в хорошей спортивной форме. Безуспешным оказался и опыт заставить лошадей нести на себе всадника в броне весом сто килограммов.

Вывод инженера таков: вряд ли рыцари пользовались в битвах дошедшими до нас доспехами, а скорее, использовали более облегченные варианты, не ограничивающие степень их свободы и не затрудняющие обзор. Если же кто-то и пользовался доспехами, подобными музейным, то, вероятно, это были парадные стражи у ворот замков, которые должны были иметь угрожающий вид, но не участвовали в битвах.

Клуб мужских сплетен

В самом центре японской столицы достаточно успешно действует особый мужской клуб. Алкоголь тут не в моде — заказывают в основном чай и прохладительные напитки. Более любопытно, однако, что в клубе запрещено говорить о работе и даже упоминать о политике. Основные темы бесед — дети, покупки, домашнее хозяйство...

Кто собирается тут? Чаще всего представители влиятельных деловых кругов, процветающие торговцы, известные инженеры и даже полицейские. По мнению постоянных посетителей клуба, такой отдых позволяет снять напряжение и избежать стресса.

Бумажный дом

При таком изобилии газет, которые заполонили сейчас нашу страну, грех выбрасывать всю эту продукцию, потребовавшую столько труда и времени. Так считал и бережливый американец Эллис Стенман, который в двадцатые годы возмущался, что пять газет, которые он ежедневно просматривал за десяток минут, приходилось выбрасывать в мусорное ведро. И он нашел способ их долговременного употребления — сделал из них целый дом, а также всю мебель в нем, часы, пианино, что заняло у него двадцать лет и потребовало 100 тысяч газет. Между прочим, подбирал он их и использовал довольно целенаправленно. Например, бюро сделано из газет, посвященных первому полету через Атлантику, совершенному Чарлзом Линдбергом. Лавки — из иностранных газет, а часы — из газет, издаваемых в столицах сорока восьми американских штатов.

Теперь несколько подробностей. На тонкую прочную проволоку Стенман плотно навивал газеты, пока не получалось «бревнышко» с прочностью дерева и диаметром 7—10 сантиметров, а уж из этих бревнышек он воздвигал стены. Облицовка сделана из двухсот пятнадцати газетных листов, хорошо склеенных между собой. Разумеется, все это обработано лаком с целью добиться водонепроницаемости.

Сейчас газетный дом — одна из туристских достопримечательностей в американском городе Рокпорте.

Бернард Шульце. Цветочный манекен Мигоф. Смешанная техника. 1971 год.

А. Якимович

Культура утраченных различий, или Об итогах XX столетия

Что же все-таки происходит в культуре XX века?
Один скажет: наступил период безвременья и исчерпанности.
Другие ответят: мы вступили в эпоху постмодернизма (иные даже сумеют объяснить, что же это такое). Еще кто-то заметит, что не следовало бы ставить глобальные вопросы: в развитых регионах мира — свои процессы и проблемы, в слаборазвитых — иные, в заблудившихся и запутавшихся — третьи. Будут и другие мнения, добавления, поправки.
А вопрос этот остается, и никуда от него не деться.
Его задают мыслители и художники.

Замечательный философ Мераб Мамардашвили говорил о том, что в тоталитарном мире появился «человек неописуемый», то есть тот самый, о котором пророчествовал Ницше. Этого самого «неописуемого» портретирует Александр Зиновьев, обозначая его выразительным термином «гомосос», то есть «гомо советикус». Он — крайний реакционер, идущий впереди крайнего прогресса, аечно лгущий правдолюбец и прочее. Литературовед и критик Лев Аннинский изображает тоталитарную действительность как особый род потустороннего мира. В те же самые годы в Германии художник Ансельм Кифер создает огромную инсталляцию «Перепись населения». Это выстроенные на высоту двухэтажного дома массивные стальные стеллажи, наполненные огромными книгами, страницы которых сделаны из свинцовых листов. В них руками художника и двух его помощников вдавлены 80 миллионов горошин — по числу населения Германии.

На каком мы свете — на этом или уже на другом? Правда, тут можно вспомнить о том, что «в огороде бузина, а в Киеве дядька», и это будет правильно, и не нужно никакой иронии. Очаровательная поговорка, дошедшая до нас из времен господства здравого смысла, по-своему точно описывает «неописуемое» состояние культуры и ментальности конца XX столетия.

До этого столетия культура (или культуры) была (были) прежде всего воплощением расчленяющего и организующего реальность высшего смысла. Культуры моделировали упорядоченное, системно организованное мироздание и проецировали эту модель на реальность. Любая культура, будь то культура античная, средневеково-христианская или новоевропейская, была своего рода совокупностью теорем для упорядочивания мирового хаоса. Такое упорядочивание можно было осуществлять на манер Платона, а можно — на манер Жан-Жака Руссо. Строители готических соборов имели свою программу и концепцию моделирования мироздания, Декарт и Пуссен подходили к делу иначе, а Пушкин — опять иначе. Динамическая модель Борромини — совсем не то же самое, что уравновешенное устроение масс и пространств у Габриэля и Баженова. Но любая культура до XX века — это, так сказать, культура против хаоса. Даже фантастический визионер Босх не соединял дядьку с бузиной. Его странные существа и ситуации из демонического мира занимают строго определенный уровень в упорядоченной вселенной культуры, так что их абсурдизм — по большому счету — говорит не о том, что существующее абсурдно и беззаконно, а наоборот, о том, что оно имеет свой смысл и закон.

С социологической точки зрения можно утверждать, что упорядоченные модели мира, предлагаемые культурами, суть заявки на господство человеческих коллективов над природой и историей. Иными словами, та или другая система культуры — это своего рода инструмент для овладения непокорной реальностью. Внешний мир должен быть выстроен хоть в какой-то степени в соответствии с законами человеческого мышления и психики. А человек так устроен, что ему необходимо быть уверенным в том, что он понимает, «осмысляет» существующее и наблюдаемое.

Человеку нужна уверенность в том, что у него, в его внутреннем и внешнем мире концы сходятся с концами и есть смысл. Ради этого возникли религии, метафизики, этические учения, художественные принципы, стилевые системы и прочие построения. Во всяком случае, в прошлом это было так. Сейчас, видимо, не так. Но не будем забегать вперед. Мы пока что говорим о том, чем не является современная культура.

Культуры прошлого разными способами классифицировали факты или понятия, выстраивали их в порядки, из которых следует, что же считается правильным, хорошим, важным, истинным, свя-

«Знание — сила», Май — июль 1992

ценным в данной культуре, а что — неважным, ненужным, неправильным, греховным, некрасивым.

Построив порядки, человек уже мог чувствовать себя в какой-то степени господином и повелителем этих порядков. Он выяснил, как оно есть на самом деле! Это ли не свидетельство его особой миссии в мироздании?

Правда, великие художники и мыслители с давних пор несколько портили картину, то есть нарушали системность культуры. В известном смысле можно сказать, что Данте и Джотто, Шекспир и Сервантес, Веласкес и Рембрандт совершили тяжкие проступки против человечества. Выламываясь из рамок своей системы культуры (хотя бы даже частично) и подрывая строго организованные порядки, они приоткрывали щели, сквозь которые было видно, как «хаос шевелится». Это означало, что они косвенно подвергали сомнению право людей, организованных определенными сообществами, на особую роль во Вселенной. Некоторая недоброжелательность или «неблагодарность» человечества по отношению к современным ему гениям в известном смысле мудра и оправданна. Как же еще можно относиться к людям, которые пытаются открыть ворота перед нерешенными проблемами и неупорядоченной действительностью, то есть отнять у общества уверенность в том, что оно владеет ситуацией! Вполне безотчетно, но, как правило, совершенно безошибочно социум недолюбливает отступников.

Эрос и Танатос

В XIX веке появились два гениальных человека, которые предчувствовали, что прежние типы культуры (то есть система мироздания, упорядоченная модель, доказательство власти людей над действительностью) теряют силу. Оба

Янис Кунеллис, Без названия. 1991 год.

были, разумеется, изрядными иррационалистами.

Один — Гегель — изобразил в «Феноменологии духа» высшее состояние духовности. В сущности это такое состояние, когда теряют смысл требования культуры. Абсолютная духовность, по Гегелю,— такое состояние, когда не нужны никакие рассуждения, доказательства, классификации, вообще никакие хлопоты и волнения. Абсолютный дух не суетится. Суетится иной дух — дух культуры, которая требует, чтобы люди постоянно изыскивали способы доказывать свое превосходство над Вселенной и свои права на власть над ней (пускай даже делегируя эти права антропоморфному божеству). Дух, поднявшийся выше этого, никаких систем культуры уже не строит, никаких концепций не вырабатывает, никаких объяснений чего бы то ни было не предлагает. Ему же не нужно ничего завоевывать, не нужно ничего отстаивать. Он просто созерцает себя.

Отсюда, в сущности, следовало, что культурное состояние человека не вечно и не обязательно и что в принципе возможно, а может быть, и неизбежно при определенных условиях некое иное, транскультурное состояние человека. Конечно, во времена Гегеля нужны были очень сильные допущения, чтобы помыслить такое. В самом деле, ведь речь шла о духовном состоянии, когда уже не имеют смысла добро и зло, прошлое и настоящее, истина и неистина, жизнь и смерть. Гегелю понадобился «абсолютный дух», чтобы как-то оправдать отсутствие этих вечных и обязательных противоположностей, без которых не может обойтись ни одна система культуры.

Не менее дерзкую диверсию в области мысли о человеке совершил Фридрих Ницше. Он призывал новую мораль и нового человека, точнее, трансмораль и сверхчеловека. Понятия и предписания культуры и религии христианской Европы были в его глазах уродливыми и достойными рабов. Система ценностей этой культуры — с ее понятиями греха, искупления, совести — вызывала у Ницше отвращение и сарказм.

Неудовлетворенность понятиями и постулатами культуры (прежде всего европейской) становится, начиная с Ницше и Бодлера, все более заметным явлением. Начиналась революция против культуры, той культуры, которая пыталась обуздать людей своей дисциплиной, давая им понять, что она, культура,— повелительница мира, что она знает и понимает его, говорит от имени его вечных законов.

Путать эти законы было непозволительно. Логика, логос требовали почтения. Логос культуры гласил, что добро не равно злу и что жизнь есть добро, а смерть есть зло.

Одним из первых, кто стал смешивать карты в колоде культуры и доказывать, что реальность мира значительно сложнее, чем подразделения и разделы упорядоченного, ранжированного мира культуры, был Зигмунд Фрейд.

Давно замечено: его учение о человеческой сущности сильно мифологизировано. Но можно сказать и более того; перед нами такой своеобразный миф, который выходит за пределы развитой культуры как таковой. Мифологизм Фрейда — не «культурный» мифологизм, не упорядоченная модель мира, а нечто вроде пракультурного мифа. А может быть, посткультурного?

В своих работах двадцатых годов Фрейд стал доказывать, что эротическая подпочва человеческого существа (и это всегда было для Фрейда самым важным) значительно сложнее, глубже и драматичнее, чем можно думать. «Принцип наслаждения» воплощает в себе не только волю к жизни. Поднимаясь до своих высших отметок, жажда наслаждения и полнота жизни сопряжены с регрессией; в своих витальных порывах человек возвращается к дочеловеческому (животному) и, более того, добиологическому состоянию.

Это означало, если верить Фрейду, что самая могучая из всех жизненных сил несла на себе отпечаток нежизни и желание снова слиться с небытием. Эрос оказался не только соперником, но и своего рода ипостасью Танатоса — инстинкта смерти.

Создатель новой психологии давно уже конфликтовал, вольно или невольно, с заповедями цивилизованной морали, то есть с важнейшими аспектами культурной системы европейцев. Но его мысль о связи Эроса и Танатоса пошла гораздо дальше, чем все то, что говорил Фрейд до того. Долгое и упорное сопротивление образованной университетской Европы фрейдовским идеям было связано, конечно, не только с их «пансексуальностью». Скандальность фрейдизма состояла в том, что нарушались

Йоханнес Грюцке, Демократия. Темпера, 1990 год.

коренные заповеди культуры как таковой. То, что изображал Фрейд, было подлинным хаосом — докультурным, дочеловеческим, даже доживотным состоянием мира, где не было упорядоченности, где человеку не приходится видеть в себе исключительное, избранное существо и центр мироздания. Открывалась какая-то бездна, в которой царил Танатос, то надевающий, то снимающий маску Эроса.

Фрейдизм был одним из симптомов нового состояния человека. Другим симптомом был марксизм-ленинизм, особенно в его советском варианте. «Революционная диалектика» отбросила в качестве «метафизических» твердые критерии истины и морали. Было сказано, что «истина исторически конкретна». В сущности это было не менее смело, чем выпустить на сцену Танатоса в маске Эроса.

Получалось, будто вечных истин нет. То, что вчера было истиной, может стать неистиной сегодня, в новых исторических обстоятельствах. Чтобы обосновать отмену одной из важнейших аксиом всякой культуры, большевикам понадобилось почти религиозное обожествлеиие «революционного класса» — пролетариата. Его интересы и определяют, какова истина и что будет нравственным на сегодняшний исторический момент. От лица «лучшего класса», самой историей избранного гегемона его пророки и святые могут возглашать истины текущего момента, меняя их вместе с изменением момента. Сегодня — союз с буржуазией, а завтра — война против буржуазии (например, «уничтожение кулачества как класса»).

Так наступила новая эпоха. Даже по отдельным фрагментам и отблескам ее истории можно понять, как сильно она стала менять человека и его представления о себе. Началась настоящая массовая мутация человечества. В самом деле, упорядоченные модели культуры терпят огромный урон. Аксиома о противоположности жизни и смерти, добра и зла, истины и лжи начинает терять силу.

Человек неописуемый

Искусство зафиксировало эти перемены. И история авангардизма, и пути эволюции «соцреализма» — история того, как уничтожались и отбрасывались разделительные линии между историей и выдумкой, между реальностью и фикцией, между искусством и политикой. Смысл и бессмыслица, истина и иллюзия, прекрасное и безобразное перестали быть ясными и твердыми понятиями.

Сам факт, что в окровавленной стране, теряющей миллионы жизней и всякое понятие о достоинстве, неприкосновенности и ценности человеческой личности, создаются искренние, полные энтузиазма картины, фильмы и стихи и что в эпоху триумфа ГУЛАГа толпы людей готовы петь о том, что они «другой такой страны не знают, где так вольно дышит человек», говорит о мутации человека. В слово «мутация» не надо вкладывать моралистического пафоса, он здесь неуместен. Речь идет не о том, что людей обманули или они сами обманулись, и, уж конечно, не о том, что заблудшим и нагрешившим обитателям Страны Советов следовало покаяться и очиститься.

Рождался новый человек. В одном конце планеты он писал солнечные и радостные «колхозные праздники», в то время как полуголодные крепостные «колхозники» отдавали последний хлеб «пролетариату» под страхом смерти. Он писал «розовых натурщиц» и счастливую социалистическую Москву, пел свои песни и снимал зажигательные, счастливые фильмы о «новой жизни». Через пятьдесят лет, в эпоху перестройки, этого «нового человека» будут изобличать и стыдить. Но изобличить его можно разве только в том, что ему выпала судьба жить в такое время, в таких обстоятельствах, когда и на Западе, и на Востоке распадались устои культуры и возникало новое агрегатное состояние всех ценностей, заново перемешанных в одном котле.

Алигьеро и Боэтти, Карта мира. Холст, вышивка. 1984 год.

Но самой значительной фигурой эпохи великой мутации был не какой-нибудь советский художник, а великий человек Запада — авангардист и новатор Пабло Пикассо. Это был художник, который самым последовательным образом отбросил единство и целостность исходных принципов искусства. Он становился кубистом, реалистом, примитивистом, сюрреалистом и, в общем, настаивал на своем праве быть каким угодно. Его именовали — и одобрительно, и неодобрительно — Протеем среди художников. Его протеически изменчивая натура не столько элемент его личной биографии, сколько свидетельство великой мутации культуры. Равных себе свойств в художниках она не терпела. Однажды найденный стиль, смысл, идеал не были стабильными. Менялись исторические моменты, менялись истины; улыбка жизни обозначала присутствие инстинкта смерти. Исправно сменявший жен и любовниц Пикассо говорил своему биографу, что он, как и всякий художник, по сути своей сам является женщиной. Победители фашизма устанавливают в берлинском Трептов-парке скульптурный мемориал, сам дух которого (своего рода героический сентиментализм) прямо продолжает устремления официального искусства гитлеровской Германии. Проще всего сказать, что век сошел с ума и сам не ведал, что творил.

Безотчетно, но безупречно XX век продолжал мутацию человечества. Это выражалось прежде всего в том, что устойчивая самость — равенство себе самому — исчезает из идеологии, политики, философии, искусства и литературы. Устанавливается некое великое всеединство самых несоединимых вещей. Возможности для подстановок, сближений и переворачиваний смыслов ничем не ограничены.

На Западе эта тотальная взаимозаменяемость смыслов и ценностей воплотилась в потребительской «культуре», особенно в рекламе. Другим агентом новой «мифологии всеединства» была но-

вая массовая коммуникация. Здесь снимались все смысловые преграды, опровергались любые стабильные истины. Что угодно превращалось во что угодно. Действительность представала перед людьми не как организованная система, не как упорядоченная конструкция, а скорее как текучая и летучая субстанция. Юлий Цезарь рекламировал макароны, Блез Паскаль нашел себе место на банкнотах, Веласкес стал гарантом испанского туризма. Мужчины оказывались женщинами и наоборот. Истиной вчерашнего дня были «Вольво» и «Пан-Ам». Истиной сегодняшнего дня становился какой-нибудь другой символ, точнее, товарный знак. Журналисты и операторы всего мира создавали свою реальность средствами электроники. Вопрос, где же «истина», где же «границы здравого смысла» и существуют ли критерии для того, чтобы упорядочивать ценности и отделять «истину» от «фикции», растерянно замолкал. Только безнадежные чудаки и аутсайдеры продолжали огрызаться на общество потребления и информации. Конгрессы философов и социологов встречали ироническим оживлением и невеселыми улыбками наивный вопрос о том, что же происходит с реальностью и как ее теперь вообще определять, когда наступил век «симулакров». Знаменитый Вуди Аллен увековечивает эту двусмысленную улыбчивость своим афоризмом: «Я терпеть не могу реальность, но это единственное место, где можно получить приличный бифштекс».

В советских условиях подобные остроты были невозможны (быть может, потому, что советская реальность вовсе не была тем местом, где можно было получить приличный бифштекс). Потребительство и информация не играли особо заметной роли в жизни советского человека. Но и ему не удалось сохранить в неприкосновенности стабильные и упорядоченные модели мироздания. Идеология и политика «коммунистического» государства безжалостно разрушали все стабильные понятия. Человек оказался в пространстве с «плавающими» ориентирами.

Здесь считались «левыми» те, кто выступал за независимое от государственного регулирования рыночное хозяйство, за частную собственность, за экономический и политический плюрализм. «Правыми» считались те, кто хотел сильного централизованного государства, регулирующего экономическую жизнь. Иначе говоря, «левая» и «правая» ориентации в политике, известные не менее двух столетий, перепутались и поменялись местами. Это не было случайной причудой истории. Идеология и политика в СССР играли роль огромной мифотворческой силы. То, что раньше было дифференцировано, выстроено, упорядочено культурой в течение веков, возвращалось к какому-то доисторическому, докультурному, дорациональному единству.

Наследниками «рыцарей революции» сначала оказались типично «правые», консервативные чиновники-охранители типа Жданова и Суслова. «Правизна» на основе «левизны» — это было нечто новое для духа истории.

В эпоху «перестройки» процесс смешения позиций продолжался бурными темпами. Партийные комитеты и государственные ведомства Страны Советов занялись банковской и биржевой деятельностью, превращались в капиталистические компании и акционерные общества и настаивали в то же время на своей особой, привилегированной роли в «социалистическом» государстве. Складывался партийно-монополистический капитализм; его столпы были одновременно и Рябушинскими, и Дзержинскими. Они вводили капитализм для узкого употребления, капитализм для партийной номенклатуры, отсекая «посторонних», некоммунистических предпринимателей железной комиссарской рукой. Такой симбиоз частного предпринимательства с «военным коммунизмом» был невообразим во времена ленинского нэпа. Ранний тоталитаризм лишь учился перемешивать понятия. Поздний тоталитаризм не оставлял в душах людей ни одного укромного уголка, где можно было бы сохранить веру в твердые истины и понятия.

На каком же мы свете?

До своего знакомства с великими системами XX века — то есть с обществом Запада и обществом Востока — человек еще мог считать, что есть разница между правыми и левыми, капиталистами и революционерами, истиной и фикцией, смыслом и бессмыслицей. Он надеялся существовать в мире и даже получить верховную власть в нем, поскольку, как ему казалось, он умел познавать реальность и, следовательно, овладевать ею.

К концу XX века такой уверенности не было. Было ли это убытком в духовном хозяйстве или, наоборот, приобретением (ибо избавление от сомнительного товара есть выигрыш) — этого никто не мог сказать с уверенностью.

Когда художники и писатели конца XX века высказывались насчет поздней земной цивилизации, они обязательно обращались к такой проблеме, как «всемирная смесь» явлений, понятий, смыслов, уровней реального.

Жан Тингели создает свои веселые (а может быть, невеселые) машины и агрегаты. Вращаются, скачут, переворачиваются и дергаются колеса и рычаги, приводные ремни, фрикционы, маховики. А от них крутятся, мотаются, скачут, раскачиваются шляпы и перчатки, оленьи рога и страусовые перья, цветы в горшках и без горшков, веники, детские игрушки и прочие предметы, обозначающие чуть ли не все дела, заботы, сферы жизни человеческой. Здесь чуть ли не энциклопедия человека: здесь то, что относится к его жизни и смерти, его детству и юности, его безумствам и его разуму, а также искусству, науке, пищеварению, любви, технике, оккультизму, венерическим болезням, войнам, социализму, капитализму, старым девам, охране природы и самым разным прочим вещам. Нет только одного — порядка, системы, разума. Жан Тингели, как и другие художники конца века, отказывается представлять культуру. Это отличает их от художников других эпох, даже от ранних авангардистов «золотого века». Художники скорее говорят от имени какого-то нового всеединства. Они констатируют невозможность разделять вещи и понятия, невозможность властвовать над миром.

Карнавальные машины Тингели соответствуют таким системам, как парижское метро, митинг «зеленых», телерепортаж с конкурса Сан-Ремо, а если посмотреть шире, то и Верховный Совет СССР, и Рижский рынок. Спрашивать о том, хорошо это или плохо, правильно или неправильно, реально или иллюзорно, не имеет смысла.

Искусство и литература изображают какое-то вселенское нечто, к которому прежние измерения разума и культуры просто неприложимы. В России Венедикт Ерофеев пишет повесть «Москва — Петушки» — тоже своего рода агрегат всеединства. Здесь философствуют забулдыги, алкоголики и полоумные, здесь думают о Боге и о том, как опохмелиться; здесь герой теряет себя и не может понять, где он находится — в великой Москве или в маленьком поселке Петушки. Отличить и правда невозможно. И не потому, что герой упился вдрызг, а потому, что мир перешел в другое состояние — в измерение утраченных различий. Здесь вдохновенный (или оду-

Йозеф Бойс, Черепная коробка. 1973 год.

Гюнтер Юкер, Стол в гвоздях. 1963 год.

Синди Шерман, Без названия. Цветное фото, 1989 год.

ревший) провидец, он же алкаш, сочиняет похвальную речь в честь Гете, где доказывается, что никогда не выпивавший поэт был по своей натуре настоящим горьким пьяницей. Что это — марксистская диалектика, ироническая игра или бред собачий? Да что угодно. Здесь все возможно — здесь, где утрачены различия.

Через двадцать лет после повести Ерофеева, в 1990 году, молодая и уже очень известная французская писательница Сильвия Жермен пишет свой роман «Дитя-медуза». Казалось бы, полная противоположность литературе Ерофеева. Привокзальная брутальность, алкогольная запредельность, сквернословие и кощунство русского парии предельно далеки от мира Сильвии Жермен. Она — представительница самой настоящей «изящной словесности», belle lettre, в полном смысле этого слова. Прозрачно-стройным, размеренным и совершенным языком она воссоздает историю семьи, жизнь и драмы нескольких связанных

Кристиан Болтански, Монумент. Смешанная техника, 1985 год.

между собой людей. Она умеет обрисовать состояние души почти, как Пруст или Клодель, и запечатлеть эпический, напряженный, символический пейзаж, почти как Шатобриан.

Но это великолепие тонкого, точного и величественного французского глагола обращено на такие явления, рядом с которыми вокзал, подворотня или притон (так сказать, русские мотивы) — просто средоточие невинности. На фоне поэтических закатов и элегических дождей, психологических глубин и драматических высот действует в книге Сильвии Жермен не кто иной, как извращенец-садист, жертвами которого оказываются одна за другой маленькие девочки. Его пути отмечены трупиками, а свирель божественной речи и острый галльский смысл невозмутимо правят свое торжество.

С позиций культуры как таковой следовало бы ужасаться подобной литературной продукции, точнее сказать, ее совершенству. Культура — такое состояние души, когда разведены в стороны и закреплены на прочных фундаментах такие вещи, как грех и безгрешность, жестокосердие и милосердие, нравственное и безнравственное.

Весь вопрос в том, в каком же мире, в каком измерении, в каком состоянии локализует себя читатель изысканных кошмаров Сильвии Жермен (и не только ее, но и очень многих авторов конца XX столетия). Если читатель уверен, что он принадлежит к миру культуры и имеет право говорить от его лица, то это прекрасно. Точнее сказать, «блажен, кто верует, тепло ему на свете».

Проблема культуролога заключается в том, что само существование мира культуры (то есть такого состояния души, когда... и так далее) — вещь глубоко сомнительная. Где он, этот мир? На аукционе Сотби? В центре Помпиду? На Центральном телевидении? В Союзе писателей?

Вся штука в том, что в качестве реальных гарантов существования культуры можно назвать, и то с некоторым сомнением, лишь очень немногие, институты или отдельных людей. Например, Французская Академия или Д. С. Лихачев. Однако же те социальные сверхсистемы, которые имеют настоящую власть или влияние, то есть образование, рынок и система массовых коммуникаций, в конце XX века работают вовсе не на культуру в прежнем значении этого слова. Чиновники ЮНЕСКО в своих благонамеренных изданиях морочат голову публике, употребляя то и дело слово «культура».

Запад и Россия производят нечто такое, что вовсе не является «культурой», если под культурой понимать то, что было у Пушкина и Рафаэля, у Моцарта и Чехова. Налицо скорее массовое производство некоторого мифологического нечто, некоторого всеединства. Это нечто нам известно по творчеству Тингели и Бойса, Бертолуччи и Муратовой.

Очевидно, искусство воплощает какое-то новое состояние мира. В этом мире уже никто не может отличить, где настоящая человеческая кровь, а где — голливудская синтетическая краска. Где капитализм, а где социализм, где правда, а где ложь. Наверное, такое состояние мира не может быть долгим, и придется перейти на другую спираль развития. Состояние мира и человека в конце XX столетия воспроизводит то, что было в эпоху разлагавшегося античного мира. Пилат задавал вопрос, который через два тысячелетия задаст Бодрийяр, — насчет истины.

Но, во всяком случае, данность есть данность. Делать вид, что культура благополучно пережила XX век, нелепо и смешно. XX век оставил после себя «культуру утраченных различий». Сможет ли человечество поддерживать свой дух ею или придется повернуться к другой культуре, без кавычек, — это уже такой вопрос, на который, если кто и может ответить, то не историк, а сама история. ●

Зигмар Польке. Без названия (связано с Максом Эрнстом), 1981 год.

